

ГЕОРГИЙ БАГДЫКОВ

**ЖИЗНЬ,
ПОХОЖАЯ
НА СОН**

Таганрог
2026 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Георгий Багдыков.

Жизнь, похожая на сон. — Таганрог: изд-во «Веда», 2026. — 278 с.

Книга «Жизнь, похожая на сон» посвящена жизни и деятельности известного ростовского хирурга, заслуженного врача России, краеведа и писателя Минаса Георгиевича Багдыкова и приурочена к его юбилею — официальному девяностолетию.

Минас Багдыков — коренной нахичеванец, чьи предки пришли на донскую землю в 1779 году, собрал в себе лучшие черты, присущие жителям Дона XX века, — профессионализм, интернационализм, преданность Родине и однажды выбранному делу.

Книга «Жизнь, похожая на сон», написанная Георгием Минасовичем Багдыковым, сыном Минаса Георгиевича, рассчитана на широкий круг читателей.

Мой отец, Минас Георгиевич Багдыков, был известным в городе хирургом, заслуженным врачом России, общественным деятелем, краеведом и писателем. Я долго думал, как достойно отметить его девяностолетие, которое официально будет праздноваться в 2026 году.

Сначала я хотел переиздать какую-нибудь из его книг. А потом понял, что лучше написать о самом отце, передать мое видение его как личности, доктора, краеведа, главы семейства, любящего мужа, преданного друга.

Конечно же, в этой книге отдельная глава посвящена маме и моим детским воспоминаниям, связанным с ней. Почему я так решил? Потому что папа как личность, профессионал, краевед и общественный деятель смог состояться безусловно благодаря поддержке моей мамы.

И потом, они очень любили друг друга — это были искренние и трогательные отношения. Как и в любой семье, бывало всякое, но в доме всегда царил культ любви и уважения друг к другу.

С моей точки зрения, отец за свою жизнь сделал очень многое. Он не только лечил людей, оперировал и спасал жизни, но и придал новое звучание такому направлению в краеведении, как нахичевановедение.

Минас Георгиевич стоял у истоков возникновения в городе новых памятников и памятных знаков, принимал участие в закладке церквей и даже ездил в Армению на выборы Католикоса (Патриарха) всех армян.

Я не буду сейчас перечислять все деяния отца. О многих его талантах, об успехах в общественной жизни и литературе написано в книге «Жизнь, похожая на сон».

Кстати, почему я так назвал эту работу? Потому что жизнь летит очень быстро, а когда уходит человек, думаешь: «Неужели все это было? Неужели все прошло? А может, это был лишь сон?»

Нет, это была реальная жизнь, но интересная и увлекательная, как яркий и запоминающийся сон.

А еще в интернете мне попались стихи Валентины Нелюбиной, которые так и называются — «Жизнь, похожая на сон». Там есть строки:

*«Жизнь, похожая на сон!
Может, он нам только снился?
Наш сердечный перезвон!
Как недолго же ты длился.
Жизнь, похожая на день,
Где еще сплетались руки.
Но уже спустилась тень,
Укрывая от разлуки».*

Почему-то, когда я прочитал эти строки, передо мной возник образ моих родителей, вспомнились их нежные отношения. И я решил, что и книга должна называться так — «Жизнь, похожая на сон».

И еще я понял: родители дали мне значительно больше, чем образование. Они на своем примере показали, как надо жить, любить, творить.

Возможно, я выскажу мысль, которая на первый взгляд кому-то покажется парадоксальной: родители дали мне ощущение Родины.

А что для меня Родина? Это впечатления моего детства, родители, родственники, близкие, улица, на которой я вырос, соседи, друзья и подруги. Именно это ощущение своей малой родины, без которой немысли-

ма большая, я и постарался передать вам, мои дорогие читатели. Но, конечно, прежде всего мне хотелось бы выразить свою безграничную любовь к родителям. Насколько это у меня получилось, судить вам.

Отдельная благодарность — моему старшему брату Тиграну за помощь в издании этой книги, а также верстальщику, художнику и дизайнеру Валерию Резвякову за его прекрасную работу.

Георгий БАГДЫКОВ

ГЛАВА I

**МОЙ ПАПА
МИНАС
БАГДЫКОВ**

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Мой папа. Как часто я его вспоминаю... Каждый день мысленно разговариваю с ним. Мы ведь думали одинаково. Не со всем, конечно, я соглашался. Но он был родственной душой, если можно так выразиться, у нас с ним была особая связь — незримая и сильная.

Я его любил не только как папу. Я ему обязан всем. Своей жизнью, конечно. И тем, что выбрал профессию врача. Именно благодаря отцу я стал краеведом. Папа был для меня и учителем, и другом, и наставником, и соратником.

По официальным данным, мой папа, Минас Георгиевич Багдыков, родился 30 августа 1936 года в городе Ростове-на-Дону. На самом деле это не так. Открою маленькую тайну, которую папа всю жизнь скрывал: он родился 30 августа 1934 года. Так рассказывала моя бабушка. Во время Великой Отечественной войны все документы о рождении отца сгорели при бомбежках фашистов нашего города. И бабушка, мама моего папы, Сусанна Леонтьевна, записала в новый документ другую дату о рождении отца. Она сделала это специально, чтобы папа мог учиться в школе, чтобы он прошел полноценное обучение.

Отец всю свою жизнь посвятил медицине, краеведению, служению людям и популяризации истории донских армян. Именно он привил мне любовь к Нахичевани, к донскому краю, к медицине.

Я рос среди книг, много читал, писал. И все мои увлечения литературой, историей поддерживал отец. Он считал, что настоящий врач должен быть добрым, образованным и интеллигентным. Он сам увлекался живописью, музыкой, религией, философией.

Папа был всесторонне развит. Хорошо играл на пианино, скрипке — умел подбирать разные мелодии. Из него мог бы получиться прекрасный сантехник, электрик, столяр, плотник. Он отлично готовил.

А еще папа мастерил различные поделки из дерева. Они до сих пор хранятся у нас на даче. Для меня эта дача теперь как музей в его честь.

Отец был многогранно талантливым человеком. Он был заслуженным врачом России. Действительно заслуженным. Настоящий бесребреник. Он не мог принять правил, которые царят в современной коммерческой медицине. Считал, что врач должен служить людям — в этом его призвание. Очень часто сравнивал врача со священником: один лечит тело, а другой — душу.

Иногда мне казалось, что папа неисправимый романтик. Но не живут сейчас люди, руководствуясь его принципами. Как я часто говорю, нет коммунизма в мире и рая на земле. Конечно, папа все это прекрасно понимал, он не витал в облаках. Он был реалистом. Но от убеждений своих не отказался. Я горжусь им.

У отца было очень уважительное отношение к вере, к христианству. Он изучал историю Армянской апостольской церкви, мы с ним вместе писали книги об этом. Он считал, что в христианских заповедях заложена та истина, благодаря которой и существует человечество. Именно эти заповеди, по мнению отца, дают возможность нам быть людьми. Его уважали наши армянские священники. Возможно, поэтому мой папа принимал участие в выборах Католикоса всех армян Гарегина II. Папа дружил и со священниками Русской православной церкви. В частности, он очень любил и высоко ценил митрополита Владимира (Виктора Сабодана). Мои родители дружески общались с этим замечательным человеком.

Папа являлся членом Союза писателей Дона. Он автор многих книг. Принимал активное участие в общественной жизни города. Отец стоял у истоков Нахичеванской-на-Дону армянской общины, а также был одним из инициаторов создания газеты «Нахичевань-на-Дону».

Он был большим другом газеты «Вечерний Ростов», Музея русско-армянской дружбы. Являлся одним из организаторов и членом оргкомитета Шагиняновских чтений.

Я о своем отце могу рассказывать очень долго. О том, как он в молодости любил путешествовать. Мы с семьей регулярно отдыхали на Черном море, в Армении, Грузии, Аджарии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Москве и на Украине. Где мы только не были... Каждый год он вывозил нас на две недели в горы, а еще две недели мы отдыхали на море. Но и на отдыхе мы всегда посещали музеи, выставки.

Еще папа вместе со своим товарищем профессором-хирургом Александром Васильевичем Шапошниковым любил собирать коряги, ветки. А затем они вырезали разные фигурки из этих коряг. Было здорово.

Конечно, родители подарили мне счастливое детство. Я рос в любви. Я видел, как нежно и с какой любовью относился папа к маме. Отец был настоящим семьянином. Он очень радовался, когда все родственники, дети и друзья собирались за одним столом. Он любил гостей, любил угощать. Всегда был тамадой. Говорил красиво, умел сказать доброе слово каждому. Но при этом почти не пил. Часто предупреждал меня, что спиртное — враг для врача. Он знал: стресс некоторые хирурги, да и терапевты, снимают спиртным. Такое бывает. Алкоголь — отличный антидепрессант. Но при этом коварен, опасен для здоровья.

Вот когда говорят о культуре питья, всегда вспоминаю папу. Пил чуть-чуть, но делал это очень красиво. На праздничном столе всегда стояли дорогие хрустальные бокалы, а вина и коньяки — только самые лучшие.

В советское время в дефиците было почти все. Но у нас в доме для гостей весь этот дефицит, который папа доставал, как говорили тогда, по блату, всегда имелся наготове.

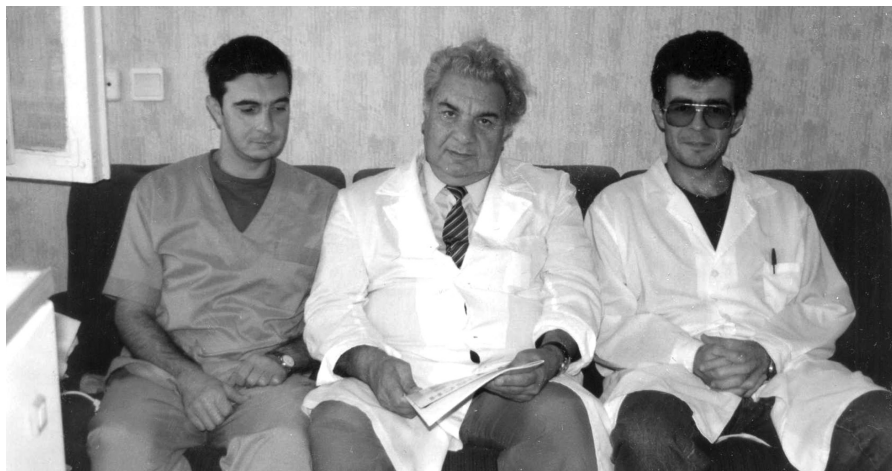
Папа работал хирургом, работал очень много. Он был заместителем декана факультета усовершенствования врачей, доцентом на кафедре хирургии факультета усовершенствования врачей, заместителем главного врача по хирургии медико-санитарной части «Ростсельмаша» (ныне Областная клиническая больница № 2). Но к любому делу подходил творчески.

Отец, с моей точки зрения, был хорошим изобретателем. Он придумывал хирургические инструменты, у него имелось немалое количество рационализаторских предложений. А еще он проводил научные конференции, издавал журналы, методички и даже газеты. Он и главный врач Константин Иванович Сулима в далеком уже 1999 году поддержали мою идею издавать больничную газету «Лекарь Дона». Редактором этой газеты был я. Такой опыт и такие дела забыть невозможно.

Отец умел дружить. А уметь дружить, с моей точки зрения, — великий дар. В нашем доме бывало немало интересных людей: ученых, врачей, партийных руководителей, музыкантов, писателей, поэтов.

Я любил беседовать с папой. Всегда. В любом возрасте. Каждый день я ему звонил — утром и вечером. Мы могли говорить с ним часами — на разные темы, обо всем на свете. Помню, у меня с папой был диалог незадолго до его смерти. Я спросил у него:

Минас Багдыков с сыновьями — Тиграном и Георгием.

— Вот ты мне говорил, когда советовал идти в медицину, что можно заниматься и врачеванием, и творчеством, и жить полноценной жизнью. И в качестве примера приводил Чехова, Булгакова. Вот скажи мне: ты видишь Чехова в современной поликлинике, где перед кабинетом доктора стоят сорок ругающихся пациентов? Какое творчество, когда приходишь домой и сил нет разговаривать? Где ты в нашей современной медицине видишь Чехова?

— Вижу. Отчасти это ты. Конечно, ты не Чехов, а Георгий Багдыков. Но это неплохо. Не сгибайся, не раскисай, раз пошел по этому пути. Поверь, земским врачам тоже было несладко. Однако находили же время в театр ходить, читать, писать, влюбляться.

Мой папа был человеком ярким, для меня великим. Конечно, кто-то скажет, мол, неприлично так хвалить отца. А почему бы мне этого не делать, если он достоин?

Да и просто я его люблю. Потому что он мой папа.

КРЕСТНЫЙ ЦЕРКВИ СУРЬ АРУТЮН

С детских лет я слышал от отца о печальной судьбе армянского кафедрального собора Нахичевани Григория Просветителя (Сурб Григор Лусаворич). Этот собор являлся крупнейшим храмом города Нахичевани-на-Дону. Построен в 1783–1807 годах. Интерьер храма украшали хачкары (камни-кресты), которые были привезены армянскими переселенцами из Крыма.

Именно от собора Григория Просветителя велась нумерация домов города. Площадь, на которой стоял храм, получила название Соборной. В 1894 году благодаря стараниям нахичеванского головы Минаса Ильича Балабанова на площади перед собором был установлен памятник Екатерине Великой, основательнице армянского

Собор Григория Просветителя (Сурб Григор Лусаворич).

Крикор Хурдаян и Минас Багдыков.

города Нор Нахичевана (впоследствии Нахичевани-на-Дону). А сама площадь стала именоваться Екатерининской (ныне площадь имени Карла Маркса).

После революционных событий в 1917 году памятник Екатерине II был снят с пьедестала. В 1918 году белогвардейцы вернули его на место. А в 1920 году после занятия города красными войсками скульптура Екатерины Великой была окончательно демонтирована и переплавлена на заводе «Красный Аксай». Впоследствии на этом месте был установлен памятник Карлу Марксу.

В тридцатые годы двадцатого века армянский храм Григория Просветителя закрыли для богослужений. Вновь церковь была открыта в годы Великой Отечественной войны. Храм являлся действующим до конца пятидесятых годов, а в шестидесятые церковь Григория

Просветителя снесли. На ее месте построили Дворец культуры завода «Красный Аксай» (ныне Областной дом народного творчества).

Мой отец со своим братом Константином и бабушкой Розой бывал в этом храме. Я помню его рассказы о том, каким красивым был этот собор. А в церковь отец с дядей попадали под тем предлогом, что ведут старую бабушку помолиться. Мол, самой ей тяжело. Напомню, что в советские годы подобные походы детей в церковь, мягко скажем, не приветствовались.

Мы все родом из детства, я так считаю. У папы было трепетное отношение к своей бабушке, а она ему смогла передать такое же уважительное отношение к церкви. И он сделал все возможное, чтобы в городе появился памятный знак в честь кафедрального собора Святого Григория Просветителя. Торжественное открытие памятного камня, состоявшееся 9 сентября 2001 года, доверили моему отцу, поскольку он неоднократно выступал в средствах массовой информации с инициативой по его установке.

Помню, как на праздничном митинге папа говорил о необходимости бережного отношения к нашему духовному наследию, к нашим архитектурным ценностям, к нашей истории. Его внимательно слушали, ему аплодировали, когда он закончил выступление. Был какой-то особый душевный подъем у жителей Нахичевани, особенно у стариков.

В 2011 году рядом с тем местом, где располагался храм Григория Просветителя, в память о внуке кавалера ордена Трудовой Славы III степени Владимира Павловича Казаряна — Артуре Карапетяне, погибшем в 2001 году, была построена армянская апостольская церковь Сурб Арутюн (храм Святого Воскресения).

Церковь Сурб Арутюн была сооружена на пожертвования меценатов-благотворителей: полномочного представителя Генеральной прокуратуры РФ в Федеральном собрании РФ Саака Альбертовича Карапетяна и Генерального директора ООО «АРДТ-7», председателя попечительского совета церкви Владимира Павловича Казаряна. Архитектор церкви — М.Г. Саркисянц. Освящение церкви состоялось 29 мая 2011 года Католиком всех армян Гарегином II.

Но строительству церкви Сурб Арутюн предшествовали, разумеется, закладка фундамента и его освящение. Это особо значимый момент в строительстве любого армянского храма.

Так вот, 5 октября 2005 года состоялось освящение фундамента будущей церкви Сурб Арутюн. Совершить этот торжественный чин приехал Глава Российской и Ново-Нахичеванской епархии Езрас.

Церковь начинают строить из 16 краеугольных камней. У каждого армянского храма есть свои каворы — крестные церкви, которые выбираются из числа уважаемых и известных людей армянской общины.

Конечно, мне особо приятно отметить, что одним из крестных храма Сурб Арутюн является мой отец, заслуженный врач России Минас Георгиевич Багдыков.

Мне кажется это очень важным и символическим событием в жизни отца. Когда-то он мальчиком приходил в армянский храм Григория Просветителя, а потом, после того как собор разрушили, стал сопричастен строительству новой церкви Сурб Арутюн в центре Нахичевани.

Минас Багдыков с архиепископом Езрасом.

Церковь Сурб Арутюн.

ВЫБОРЫ КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН

Одним из самых важных событий в жизни отец считал свое участие в выборах Католикоса всех армян. Дело в том, что Католикоса выбирает, если можно так выразиться, собрание в составе духовных и светских депутатов.

В книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом» папа писал:

«Мне пришлось участвовать в качестве делегата от донских армян в выборах Католикоса Гарегина II. За день до этого эпохального события мы с Крикором Дзержоничем Хурдаяном были приглашены домой к академику Владимиру Бахшиевичу Бархударяну. Нас встретила его очаровательная жена. Вчетвером мы провели незабываемый вечер в беседе о настоящем, прошлом и будущем армян, проживающих на донской земле...»

Все последующие дни процедуры выборов Владимир Бахшиевич как делегат был все время с нами. Провели незабываемую экскурсию к нашей святыне, храму Хор Виран, спустились в подземелье, где, по преданию, многие годы томился святой Григорий Просветитель. Побывав в Эчмиадзине, я осознал всю глубину и значимость армянской христианской религии. Это побудило меня и моих детей, Тиграна и Георгия, изучить историю зарождения христианства в Армении. Осознать значение для армянина быть христианином, значимость христианства на донской земле, в городе наших предков Нор Нахичеване, веры в Бога, объединившей армянский и русский народы».

(Таганрог: изд-во «Веда», 2019. — С. 179–182.)

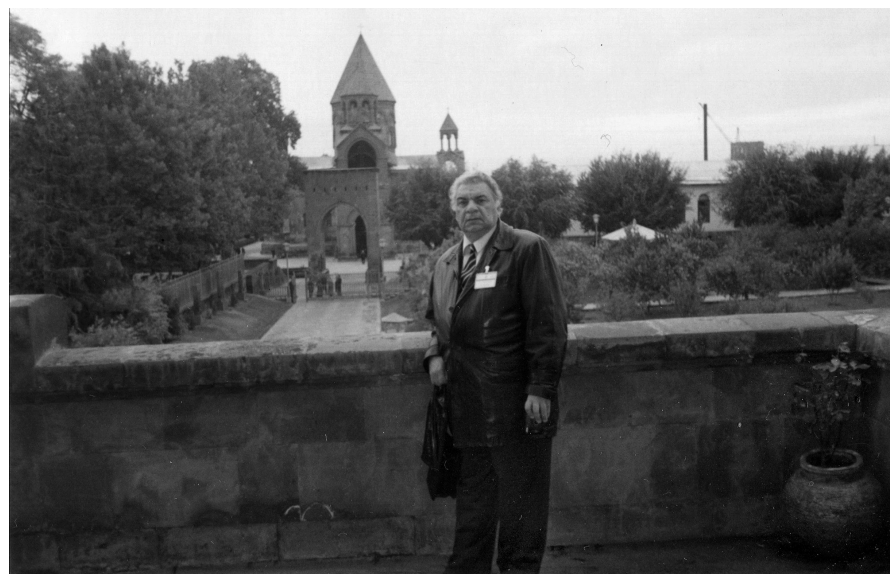
Отец искренне полагал, что христианская вера должна объединять русский и армянский народы. А еще он был убежденным сторонником пророссийской ориентации Армении. Не хочется в этой книге давать политических комментариев, но иногда я думаю: как хорошо, что папа не дожил до наших дней и не увидел исхода армян из Арцаха (Нагорного Карабаха) и всего того, что происходило в Армении. Он был человеком из другого мира, чутко реагировал на человеческие страдания и боль.

Помню, в последние дни жизни отца началась вторая карабахская война. Он, находясь в палате, все время смотрел новости, страшно переживая за судьбы армянских беженцев.

Я сам слышал его разговор по телефону с исполнительным директором Нахичеванской-на-Дону армянской общины С.М. Саядовым, с которым он, кстати, дружил и которого очень уважал. Помню, как он почти кричал в трубку: «Сергей Михайлович, там дети, надо спасать детей — это наше будущее!..»

Потом, уже после смерти папы, заведующая отделением, в котором лечился отец, сказала мне, что никогда не видела Минаса Георгиевича таким возбужденным. У него были слезы на глазах, когда говорили о пострадавших детях.

И еще. Когда папа умер в реанимации, мы с братом Тиграном, убитые горем, спустились в палату, чтобы забрать вещи. И увидели, что на столике возле папиной кровати лежала небольшая книжечка с молитвой «Отче наш» на русском и армянском языках. Как мы узнали позже, он каждый день молился за свою семью и свой народ.

В Армении на выборах Католикоса.

ПАМЯТНИК ИОСИФУ АРГУТИНСКОМУ

Мой отец сделал очень многое для популяризации деяний одного из отцов-основателей города Нор Нахичевана Иосифа Аргутинского. Почему он считал это очень важным?

Аргутинский (он же Овсеп Аргутян) был удивительно интересным и ярким человеком. Некоторые относились к нему неоднозначно, но, как уже писалось, многие уважали.

Хочу напомнить также, что Аргутинского высоко ценили и Екатерина Великая, и Павел I.

Иосиф Аргутинский, будучи архиепископом российских армян, хлопотал о присоединении Грузии, Армении и всего Закавказья к России. В период царствования Павла I архиепископу Иосифу Аргутинскому был пожалован титул: он стал князем Аргутинским-Долгоруким. Мало кто знает, что архиепископ Иосиф Аргутинский был избран Католикосом (то есть Патриархом) всех армян. Но, к сожалению, не был интронизирован, так как умер по дороге в Эчмиадзин. Похоронен он в церкви Святой Гаяне в Вагаршапате. Это место находится недалеко от Эчмиадзина.

Аргутинский был духовным лидером донских армян, очень многое сделал для их благополучия и процветания.

В канун 220-летия основания Нахичевани с инициативой установить этот памятник выступил мой отец Минас Георгиевич Багдыков. Его инициативу горячо поддержали известный ростовский писатель, историк и краевед Владимир Сергеевич Сидоров, а также Нахичеванская-на-Дону армянская община. Установку памятника оплатил известный ростовский предприни-

Памятник Иосифу Аргутинскому.

матель Эдуард Вараздатович Вартанян. И в 1999 году памятник Иосифу Аргутинскому был возведен возле здания бывшего Нахичеванского театра (ТЮЗа, ныне Академического молодежного театра) на площади Свободы. Автор монумента — Давид Рубенович Бегалов, архитектор — Светлана Игоревна Бегалова.

На мой взгляд, Бегалов интересно расположил памятник Аргутинскому: он как бы смотрит на здание бывшего магистрата Нахичевани. И это очень символично. Ведь Иосиф Аргутинский сыграл в истории донских ар-

Книги Минаса Багдыкова, посвященные Иосифу Аргутинскому.

мян огромную роль. Он был не только отцом-основателем города, но и духовным лидером.

Отец писал книги, посвященные жизни и деяниям на благо Нахичевани Иосифа Аргутинского. И очень многое сделал для того, чтобы вернуть из небытия имя этого выдающегося человека.

Одна из книг отца называлась «Архиепископ Иосиф, князь Аргутинский-Долгорукий, предводитель армян России (штрихи к портрету)». Посвящен этот труд малоизвестным широкому читателю фактам жизни и деятельности архиепископа, усилиями которого были основаны город Нор Нахичеван, а также ряд других го-

Георгий Багдыков и Давид Бегалов у памятника Аргутинскому.

родов и поселений, на долгие годы ставших приютом для тысяч армян, избежавших турецкого ига.

Отец выступал перед читателями также в качестве мемуариста, знакомил с забытыми фактами истории анийской ветви армян. Он рассказывал о лучших представителях нахичеванцев, сумевших выйти за пределы узконациональных интересов и внесших ощутимый вклад в сокровищницу мировой цивилизации...

А еще он, как и я, состоял в дружеских отношениях с Давидом Рубеновичем Бегаловым. Мы с отцом неоднократно бывали в мастерской талантливого нахичеванского скульптора, много беседовали, обсуждали, каким должен быть памятник.

Помню день открытия памятника. Папа был приглашен в качестве почетного гостя. Этот день стал радостным и счастливым для многих нахичеванцев.

У ИСТОКОВ ГАЗЕТЫ «НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ»

Я уже упоминал, что одним из тех, кто стоял у истоков газеты «Нахичевань-на-Дону», был мой отец Минас Георгиевич Багдыков.

Официально считается, что газета «Нахичевань-на-Дону» выходит с 15 декабря 2000 года — тогда она была юридически зарегистрирована. Но вообще первый номер газеты вышел в свет 21 сентября 2000 года.

Автор этих строк также является одним из тех, кто публикуется в газете с первого ее номера. Я помню, как мы с первым редактором Нонной Владимировной Мирзабековой работали над ним, волновались, переживали. Нам с Нонной Владимировной очень хотелось органи-

Первый номер газеты «Нахичевань-на-Дону».

зовать издание регулярной армянской газеты, в которой рассказывалось бы о жизни и истории донских армян и Нахичевани-на-Дону.

У «Нахичевани-на-Дону» была своя предшественница — газета «Нор Нахичеван». Ее издавал опытный журналист Вреж Восканян. Но «Нор Нахичеван» выходила в свет нерегулярно. Потом Вреж Восканян организовал армянскую газету «Нор Дар», которая, к сожалению, уже не издается.

Отмечу, что у истоков газеты «Нахичевань-на-Дону» стояли несколько человек. Хотел бы их назвать.

- Нонна Владимировна Мирзабекова — первый редактор газеты. Вместе с ней работали другие авторы, которые стремились организовать регулярное издание,

Рубрика «Нахичеванский доктор» в газете.

рассказывающее о жизни и истории донских армян и Нахичевани-на-Дону.

- Минас Георгиевич Багдыков — заслуженный врач России, писатель и краевед.
- Крикор Дзержонич Хурдаян — почетный председатель Нахичеванской-на-Дону армянской общины, профессор, заслуженный деятель искусств РФ.
- Значительную помощь в издании оказывал председатель правления РРОО «Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община» Эдуард Варлазатович Вартамян.

Тогда, в 2000 году, мы с Нонной Владимировной еще не знали, какая судьба ждет газету. Теперь же ответственно могу сказать, что у газеты все очень хорошо сложилось. Несмотря на нынешнее трудное время, кри-

Нонна Мирзабекова.

Григорий Акопов.

зис, «Нахичевань-на-Дону» регулярно выходит в свет, имеет интернет-версию.

В связи с этим от всего сердца хочется поблагодарить председателя правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», депутата Законодательного собрания Ростовской области Арутюна Арменаковича Сурмаляна. Без его помощи, без его материальной и моральной поддержки газета не выжила бы.

Кстати, вначале газета представляла не только Нахичеванскую-на-Дону армянскую общину, но и администрацию Пролетарского района. Да-да. Было именно так. На первых номерах так и писалось: «Газета администрации Пролетарского района города Ростова-на-Дону и Ростовской региональной общественной организации «Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община».

Действительно, газета освещала жизнь не только донских армян, но и всего Пролетарского района. Не-

мало статей было опубликовано об известных людях: писателях, поэтах, художниках, актерах, спортсменах, учителях — да обо всех ярких и неординарных личностях.

В газете была и спортивная страничка, и кулинарная, рассказывались новости культуры, давались советы по здоровью. Медицинскую рубрику, кстати, вел автор этих строк.

Мы вместе с моим отцом Минасом Георгиевичем Багдыковым и главным редактором Нонной Владимировной Мирзабековой придумали целую серию книг, которая выходила под логотипом «Библиотека газеты «Нахичевань-на-Дону». Именно в этой серии были опубликованы мои путевые заметки «Армения. 1700 лет после крещения».

Немного позже, когда газета уже стала популярной среди читателей, мы совместно с директором Нахичеванской-на-Дону армянской общины Сергеем Михайловичем Саядовым организовали публикацию книг из серии «Жизнь замечательных нахичеванцев». Эту идею поддержал председатель правления Нахичеванской-на-Дону армянской общины Арутюн Арменакович Сурмалян.

Мне особенно приятно отметить, что в этой серии в 2011 году вышла книга «Арутюн Халибян», которую я написал совместно с отцом, Минасом Георгиевичем Багдыковым, и братом Тиграном. В этой книге рассказывалось о жизни и деятельности нахичеванского головы Арутюна Погосовича Халибяна (Артемия Павловича Халибова).

Наша книга «Арутюн Халибян» открыла серию «Жизнь замечательных нахичеванцев». И этот факт мне тоже очень приятен. Проект был осуществлен

Редакция газеты «Нахичевань-на-Дону». 2011 год.

в рамках культурно-просветительской программы Нахичеванской-на-Дону армянской общины.

Что касается благотворительной деятельности газеты «Нахичевань-на-Дону» в начале нулевых годов... На мой взгляд, это отдельный разговор.

Публикации в рубрике «Нахичеванский доктор» оказались настолько актуальны, что мы решили организовать благотворительную акцию. И я по субботам как врач вел бесплатный прием пациентов в Нахичеванской-на-Дону армянской общине. В этих благотворительных акциях принимал самое активное участие и мой старший брат Тигран, и, конечно же, Минас Георгиевич Багдыков.

Напомню, что в те годы у нас в городе жило немало беженцев-армян из Закавказья. Им всем была нужна медицинская и психологическая помощь. Вот мы и старались хоть чем-то помочь этим людям.

*Книга о сайте
«Нахичевань.ru»*

Не могу не вспомнить, как в те же нулевые мы с моим товарищем Григорием Акоповым (который, кстати, тоже был редактором газеты «Нахичевань-на-Дону», а ныне является профессором, доктором политических наук и довольно долго работал директором Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации) решили создать сайт «Нахичевань.ru». На этот шаг нас вдохновила, разумеется, любимая газета.

Григорий воплотил эту идею

в жизнь. Сайт являлся как бы продолжением газеты и был первым армянским интернет-изданием на Дону. С радостью могу отметить, что сайт «Нахичевань.ru» существует и сегодня. Более того, мы даже издали книгу с одноименным названием: «Нахичевань.ru».

У нашей газеты «Нахичевань-на-Дону» за все эти годы были разные редакторы.

Долгие годы газету возглавлял Вардан Лентушаевич Абраамян. За значительный вклад в сферу арменоведения в диаспоре, книгоиздательскую и печатную деятельность он был награжден медалью «Акоп Мегарт» Министерства диаспоры РА и конгрегации мхитаристов Венеции.

Есть еще один человек, внесший значительный вклад в работу газеты «Нахичевань-на-Дону». Это художник,

*Нигехос Хатламаджиян, Вадим Арутюнов, Яков Чубаров,
Георгий Багдыков, Тигран Багдыков в Музее русско-армянской
дружбы.*

верстальщик, дизайнер Валерий Владимирович Резвяков. Без Валерия Резвякова уже трудно себе представить не только нашу газету, но и Нахичеванскую-на-Дону армянскую общину.

Несмотря на разницу в возрасте, папа дружил и с известным донским краеведом, публицистом, доктором Яковом Борисовичем Чубаровым, который также регулярно публиковался в газете «Нахичевань-на-Дону», с большим уважением относился и к известному ростовскому блогеру, путешественнику и журналисту Вадиму Арутюнову, чьи публикации о его интересных и увлекательных поездках по «армянскому следу в мире» систематически печатались в «Нахичевани-на-Дону».

Сейчас главным редактором газеты является исполнительный директор Нахичеванской-на-Дону армянской общины, депутат Ростовской городской Думы Геворк Григорьевич Григорян. Помогает ему в этом непростом деле председатель Донского союза армянской молодежи (ДСАМ) Ашот Дживанович Гугулян.

У нашей семьи с газетой «Нахичевань-на-Дону» связано немало приятных воспоминаний.

Что же касается моего отца, то он до последних дней принимал активное участие не только в жизни армянской общины, но и в издании любимой газеты.

ШАГИНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Я уже писал о том, что мой папа напрямую причастен к развитию Шагиняновских чтений, которые ежегодно проходили в нашем городе в Музее русско-армянской дружбы в Нахичевани.

Напомню, что Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) — выдающийся писатель, публицист, ученый, философ. Она является свидетелем и участником исторических событий XX века — Первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны, эпохи строительства социализма, Великой Отечественной войны, восстановления и развития страны в последующие десятилетия. Эти важнейшие этапы истории нашего государства Мариэтта Шагинян отразила в своем творчестве — романах, повестях, рассказах, стихотворениях, монографиях. Писательница была Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской и Ленинской премий. Она автор знаменитой «Ленинианы».

Участники Шагиняновских чтений.

В свое время идейным вдохновителем Шагиняновских чтений стал профессор Николай Степанович Авдулов. К сожалению, в 2019 году он ушел из жизни. Авдулов являлся старшим научным сотрудником Северо-Кавказского научного центра высшей школы Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Николай Степанович был известен в Ростове не только как ученый, но и как общественный деятель. Смело могу заявить, что он и его единомышленники буквально вернули из забвения имя замечательной советской писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Продолжателем дела профессора Авдулова стал его друг профессор Герман Аронович Матвеев, который также стоял у истоков Шагиняновских чтений.

Кстати, в оргкомитет Шагиняновских чтений входят известные в Ростове-на-Дону ученые, историки, краеведы. Именно они организуют чтения, вместе с единомышленниками издают сборники научных статей, посвященных жизни и творчеству Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Не без гордости могу сказать, что наряду с профессорами Николаем Степановичем Авдуловым и Германом Ароновичем Матвеевым в организации Шагиняновских чтений принимал самое активное и деятельное участие и мой отец Минас Георгиевич Багдыков.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ ТВОРЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ДОНСКИХ АРМЯН

У нас с отцом была масса идей и творческих начинаний. Многие удалось воплотить в жизнь. Но некоторые замыслы так и остались незавершенными.

Я помню, как мы с ним, а также с моим дядей Костей, детским доктором, в конце девяностых годов минувшего столетия решили создать Союз творческих деятелей донских армян.

И эту идею, кстати, с радостью поддержал известный донской поэт и писатель, фронтовик, Почетный гражданин города Грозного Николай Матвеевич Егоров. Мы даже собрали инициативную группу для организации Союза творческих деятелей донских армян. В нее также входила нахичеванская поэтесса Любовь Чернова. Этот творческий Союз мы хотели создать при Нахичеванской-на-Дону армянской общине.

Но, к сожалению, Любовь Чернова вскоре умерла. А спустя несколько лет не стало и дяди Кости. Мне же

На фото: инициативная группа несостоявшегося Союза творческих деятелей донских армян возле церкви Сурб Карпет на Армянском кладбище в Нахичевани (слева направо): нахичеванская поэтесса Любовь Христофоровна Чернова (Лю Че), заслуженный врач России Минас Георгиевич Багдыков, донской писатель и поэт Николай Матвеевич Егоров, врач и краевед Георгий Минасович Багдыков, детский врач Константин Георгиевич Багдыков.

и моему отцу было некогда заниматься этим вопросом. В те годы я работал врачом-урологом дневного стационара нефро-урологического центра медико-санитарной части «Ростсельмаша», а отец был начмедом, заместителем главного врача МСЧ РСМ по хирургии. Так что работы было много.

Наша инициативная группа распалась. А жаль. Мы хотели объединить всех творческих деятелей. В наш Союз должны были входить поэты, писатели, художни-

ки, музыканты, краеведы, историки, то есть все люди, которые популяризируют культуру донского края и донских армян. Кстати, членами объединения могли стать не только армяне, но и все те, кому небезразлична история и культура родного края.

Таким образом, в то время у нас не вышло создать такой Союз. Но ничто не проходит бесследно. Спустя много лет наша мечта осуществилась, только в несколько иной форме. В начале 2020 года в интернете мной и моими друзьями-краеведами была создана группа «Ростово-Нахичеванское общество любителей истории, литературы и искусств». Мы смогли объединить многих творческих людей, влюбленных в свой город, его культуру и историю. Но это, конечно, тема уже для другого рассказа.

«МИР ПРИШЕДШИМ», ИЛИ КАК СТАТЬ «РАЗВОДЯЩИМ» НА БАЗАРЕ

Первый документальный фильм об истории и культуре донских армян был снят известным ростовским кинорежиссером Юрием Георгиевичем Калугиным в 1993 году на «Донтелефильме». Кинолента называлась «Мир пришедшим». Одним из консультантов этой картины был мой отец Минас Георгиевич Багдыков.

Съемочная группа неоднократно бывала у нас в доме на 23-й линии в Нахичевани. Мы подружились со всей командой. Папа же, можно сказать, буквально сроднился с Юрием Георгиевичем Калугиным. Они дружили и творчески сотрудничали до самой смерти. И ушли друг за другом. Юрий Георгиевич умер 1 октября 2020 года, а мой папа покинул этот мир 3 октября того же года.

Кадр из фильма «Мир пришедшим».

К нам домой Юрий Георгиевич Калугин нередко приходил со своим другом Александром Олеговичем Кожиным, историком и руководителем Ростовского отделения ВООПИиК (Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры). С Кожиным отец также был в товарищеских отношениях, любил обсуждать с ним вопросы, связанные с нашей историей, принимал участие в акциях по защите исторического наследия города.

Что касается «Мира пришедшим», то, с моей точки зрения, уникальность киноленты состоит в том, что в ней отображены люди, можно сказать, ушедшей эпохи. В документальном фильме представлены портреты старых нахичеванцев и сняты сюжеты о них. Особенно тронул авторский замысел режиссера, когда он показы-

Кадр из фильма «Мир пришедшим».

вает зрителям старые дома и семьи, некогда жившие в Нахичевани, и сравнивает их с домами и семьями, ныне живущими в этом районе. Очень трогательно. Тем более что многих стариков, которых показал Юрий Георгиевич в своем кинофильме, уже нет на этом свете.

А как бесподобно в картине показан удивительный мир старых нахичеванских домов и неповторимых дворов! Почти всем этим домам более ста лет. И на этих старых улочках и дворах выросло не одно поколение нахичеванцев.

Просматривая этот фильм, я с ностальгией вспомнил об известном нахичеванском педагоге и музыканте Серафиме Емельяновиче Мелконове. Мелконов был первым учителем музыки у будущего выдающегося джазмена, профессора, родоначальника джазовой школы на Дону Кима Аведиковича Назаретова.

Мелконова называли последним романтиком Нахичевани. В свое время я даже издал книгу рассказов «Ро-

мантик из Нахичевани», которую посвятил его памяти. Серафим Емельянович Мелконов долгие годы работал в ростовской музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина и, уйдя на пенсию, тесно поддерживал с ней связь. Многие из его учеников стали известными в городе музыкантами и педагогами.

В фильме «Мир пришедшим» звучит музыка Серафима Емельяновича Мелконова, в том числе музыкальный портрет его мамы. Музыка Мелконова наполнена мелодизмом, легкостью и добротой. В этом легко убедиться, посмотрев киноленту «Мир пришедшим» и послушав музыку в авторском исполнении Мелконова.

Когда я попадал в дом к Мелконову, мне казалось, что я на машине времени перенесся в прошлый век, на сто лет назад. Было такое ощущение, что за окном должны ездить кареты, мужчины — ходить в цилиндрах и обращаться к дамам не иначе, как «сударыня». При взгляде на вещи, которые хранились в доме у Мелконова, у меня создавалось впечатление, что войска Антона Ивановича Деникина только что покинули Нахичевань.

Кстати, все это очень точно, тонко и изящно отражено в фильме «Мир пришедшим». В картине показаны и фотографии Михаила Фабиановича Гнесина с автографами и памятливыми надписями композитора, которые Мелконов бережно хранил у себя дома, так же как и свою переписку с Гнесиным. К сожалению, многие музыкальные произведения Мелконова не сохранились. Судьба его архива, к сожалению, неизвестна. Поэтому фильм Юрия Георгиевича Калугина «Мир пришедшим» уникален еще и тем, что в нем звучит музыка Мелконова в исполнении самого автора.

Не могу не вспомнить, что во время съемок картины происходили курьезные случаи. Один из них особен-

но запомнился — о нем рассказывал сам Юрий Георгиевич.

Дело в том, что фильм снимался в начале девяностых годов. А эти годы сейчас принято называть лихими. Так вот когда съемочная группа появилась на Нахичеванском базаре, каким-то, так скажем, крутым ребятам не понравилось, что кто-то их снимает.

К оператору картины Эдуарду Кечеджияну подошел парень — типичный «браток» того времени. Он представил нож к животу оператора и попросил прекратить съемку.

Съемки были на грани срыва. Тогда Юрий Георгиевич Калугин позвонил моему отцу и попросил разобраться в этой ситуации. Папа поехал на Нахичеванский базар, побеседовал с какими-то авторитетными людьми, как тогда говорили. Он объяснил им важность и необходимость этого фильма для донских армян и для развития культуры всего донского края.

По воспоминаниям Юрия Георгиевича Калугина, буквально на следующий день всю съемочную группу на Нахичеванском базаре встречали как родных и самых дорогих гостей. Накрыли стол, угощали вином и шашлыком.

Вот такие были времена, вот такие были нравы. Вот так моему отцу, заслуженному врачу России, в те годы начальнику медико-санитарной части завода «Ростсельмаш», пришлось стать «разводящим» на Нахичеванском базаре.

КАРТИНА «АРЕСТ НАЛБАНДЯНА»

В советское время искусствоведам была хорошо известна картина ростовского и нахичеванского художника Акима Карповича Ованесова «Арест Налбандяна». Но мало кто знал, что Ованесов писал его портрет с моего отца.

Напомню: Микаэл Налбандян — классик армянской литературы, писатель и поэт, общественный деятель, демократ, соратник Герцена и Огарева. Судьба этого человека очень интересна и трагична. Имя Налбандяна тесно связано с историей Ростова-на-Дону и Нахичевани. Благодаря его усилиям в Ростове появилась гостиница «Московская».

А еще на стихи Микаэла Налбандяна написан гимн Армении. За связь с царской оппозицией того времени, с так называемой лондонской группой (Герцен, Огарев, Бакунин), Налбандян был арестован в Нахичевани-на-Дону.

В апреле 1865 года он был приговорен к ссылке в город Камышин Саратовской губернии. 31 марта 1866 года Налбандян умер. Тело его было перевезено в Нахичевань, где его и захоронили возле церкви монастыря Сурб Хач. Налбандяна очень любили в Нахичевани, с большим уважением к нему относилась и российская интеллигенция.

Памятник Микаэлу Налбандяну был установлен в Ереване в 1965 году (скульптор Н.Б. Никогосян и архитектор Д.П. Торосян). Имя Налбандяна носит одна из центральных улиц Еревана, а также улица в Пролетарском районе (бывший город Нахичевань-на-Дону) Ростова-на-Дону. В 2005 году была выпущена почтовая марка Армении, посвященная Налбандяну.

Микаэл Налбандян.

Надо сказать, что в советские годы выдающегося армянского нахичеванского писателя и общественного деятеля почитали как революционера, а его арест называли не иначе как царским произволом.

И вот Аким Карпович Ованесов решил написать картину «Арест Налбандяна». Мой папа, заслуженный врач России Минас Георгиевич Багдыков, в те годы был мо-

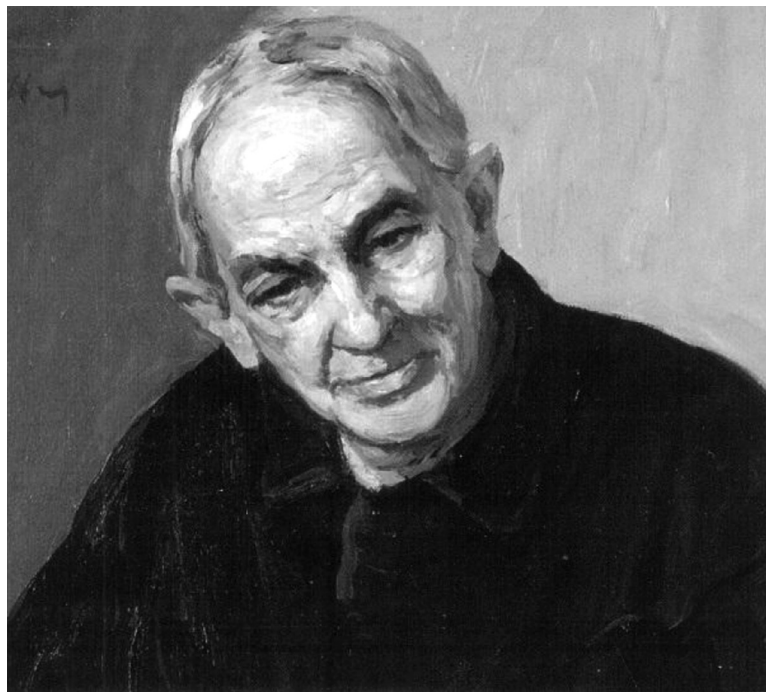

Картина «Арест Налбандяна».

лодым доктором и дружил с художником. Аким Карпович посчитал, что отец внешне похож на Налбандяна. И он писал Налбандяна с моего отца.

Ованесов к написанию картины подошел очень ответственно. Он воссоздал дух старой Нахичевани в своей мастерской. Например, ковер на полу, который изображен на картине, был взят из нашего дома. Книжный шкаф и диван, которые видны на полотне, тоже времен Налбандяна! Даже жандармы настоящие. То есть Аким Карпович пригласил к себе позировать пожилых людей, которые действительно в царское время служили в полиции.

Вот как об этом вспоминал Минас Георгиевич Багдыков в книге «Нахичеванские портреты»:

Аким Карпович Ованесов.

«Для меня, молодого парня, студента медицинского института, Аким Карпович был примером творческого труда, служения отечеству. Вспоминаю день, когда он за чаепитием поведал о своем намерении написать Микаэла Налбандяна. Драматически складывалась жизнь поэта-демократа, но самым тяжким в его судьбе виделся Акиму Карповичу день ареста. В течение нескольких лет художник готовился к написанию полотна, подбирал натуру. Ходил в гости к людям, где могли сохраниться вещи, мебель того времени. И находил! Например, у нас в доме обнаружилась скатерть, принадлежавшая еще... прабабушке.

Мне предложил позировать для Налбандяна, найдя сходство с типажом. А после окончания работы преподнес мне в дар мой портрет, сделанный пастелью.

Отбирая натурщиков, Аким Карпович обнаружил двоих стариков, в прошлом жандармов царского времени. Обрядил их в униформу и стал ставить перед ними задачи, воссоздавая реальную обстановку ареста. Выполняющий роль жандарма преображался на глазах. На его лице появилось, я бы сказал, кровожадное выражение. Мне он был крайне неприятен, и я с особенной гордостью выстаивал свой час позирования».

Ованесов был в дружеских отношениях с еще одним великим нашим земляком — Мартиросом Сергеевичем Сарьяном.

Кстати, Сарьян высоко ценил творчество Ованесова. Он считал картину «Мать» лучшим его произведением. Аким Карпович создал это полотно под впечатлением страшной трагедии армянского народа — геноцида в Османской империи 1915 года.

Минас Георгиевич Багдыков в книге «Нахичеванские портреты» вспоминает:

«Дважды Мартирос Сергеевич устраивал выставку произведений Ованесова в Ереване, а на ростовской, в областном выставочном зале, мне удалось побывать лично. Для многих любителей прекрасного это стало событием. В больших хорошо освещенных залах полотна смотрелись особенно своеобразными, не похожими на заказную живопись, которая в то время практически доминировала».

Ованесов написал немало ярких полотен: «Казачки Дона», «Иван да Марья», «Шабаш ведьм», «Симфония», «Девушка с книгой». Одна из самых известных работ Акима Карповича Ованесова — «Взятие Ростовского

Книга Минаса Багдыкова
«Нахичеванские портреты».

вокзала». Героем этой картины является командир батальона Гукас Мадоян.

Что касается картины «Арест Налбандяна», то Ованесов работал над ней несколько лет. Более того, было создано, насколько мне известно, четыре варианта этой картины.

А еще Ованесов в эти годы написал папин портрет. Теперь он хранится в нашей семье.

Мой отец вспоминал, что Аким Карпович был замечательным семьянином. Он очень любил свою супругу Сусанну Арсентьевну. И их чувства были

взаимны. Вскоре после смерти Ованесова не стало и Сусанны Арсентьевны.

Есть еще одна, на мой взгляд, очень трогательная деталь в воспоминаниях Минаса Георгиевича Багдыкова, которая характеризует чувства Сусанны Арсентьевны к Аким Карповичу.

Предчувствуя свой уход, она попросила, чтобы после кончины на ее тело вылили остатки ее любимых французских духов. Ведь духами этой фирмы она пользовалась в день свадьбы с Акимом Карповичем! Чем не сюжет для любовного романа?

А еще Аким Карпович Ованесов был предан Ростову и Нахичевани, всем сердцем любил донской край.

Минас Георгиевич Багдыков в книге «Нахичеванские портреты» пишет:

«Будучи в Ереване, я встречался с Сарьяном. Он сказал много добрых слов в адрес Акима Карповича, говорил о преданности художника донскому краю, Нахичевану и его людям. Оказывается, Акима Карповича неоднократно приглашали в Ереван, предлагали мастерскую, престижную работу, загранкомандировки, а он от всего отказывался и писал «Казачек Дона».

Что можно сказать? Ованесов был по-настоящему влюблен в родной край.

Я же уверен, что картины Акима Карповича будут еще долгие годы радовать ростовчан, пробуждая в них интерес к своему прошлому, к истории донского края.

АВТОГРАФ МИТРОПОЛИТА

В библиотеке моих родителей на почетном месте хранилась Толковая Библия с автографом митрополита Владимира (в миру Виктор Сабодан). Митрополит Владимир возглавлял Ростовскую и Новочеркасскую епархию с 1982 года. Потом он стал Предстоятелем Украинской православной церкви Московского патриархата.

Родители всегда относились к митрополиту с уважением, почтением и любовью. А эта Библия является нашей семейной реликвией. Особенно дорожили они автографом митрополита Владимира, оставленным в ней:

«Дорогим Галине Николаевне и Минасу Георгиевичу в благословение.

*Пусть эта книга Священная
Спутница вам неизменная*

Митрополит Владимир.

*Будет везде и всегда.
Пусть слова открываются
И небеса разверзнутся
Вашей душе и сердцам.*

*С любовью
Владимир, митрополит
Ростовский и Новочеркасский.
Январь 1989 г.».*

Кстати, митрополит Владимир писал замечательные стихи! Его поэзия была наполнена добротой и любовью. Он был хорошо образованным, эрудированным человеком, прекрасно разбирался в литературе и искусстве.

На мой взгляд, митрополит Владимир был настоящим христианином, миссионером, человеком с добрым сердцем и чистой душой. Он привел в Церковь, приобщил к

+
*Дорогой Папаше Минасавне
и Минасу Георгиевичу
в благословение, —*
*Пусть эта книга Священная
Служба Вам неизменная
Будет везде и всегда.*
*Пусть слова открываются
и небеса разверзнутся
Вашей душе и сердцам*

*С любовью
+ Владимир, митрополит
Ростовский и Новочеркасский*
*январь
1989 г.*

Благословение.

православию тысячи ростовчан, потому что люди, глядя на него, видели и понимали, каким должен быть настоящий христианин.

Мне видится это именно так. И еще. Митрополит Владимир был внимательным человеком. В те годы, когда он возглавлял Ростовскую и Новочеркасскую епар-

*Заметка в газете «Известия».
Декабрь 1988 года.*

хию, в дни церковных праздников обязательно кто-то из его помощников звонил к нам домой и поздравлял родителей. Таким образом мы узнавали, какие церковные праздники существуют.

В 1992 году митрополит Владимир стал Предстоятелем Украинской православной церкви Московского патриархата. Ему был присвоен титул «Блаженнейший».

В родительской библиотеке я нашел также заметку о митрополите, бережно спрятанную в Библию. Эта заметка была опубликована в декабре 1988 года в газете «Известия». Называлась она «Ибо что сеется, то и будет пожато». Корреспондент М. Куштапин познакомил читателей с митрополитом, рассказывал о том, что он стал членом Центральной избирательной комиссии. Это считалось большим достижением перестройки. Впервые представитель Русской православной церкви был допущен в ЦИК. А тогда шли выборы народных депутатов СССР. Это политическое мероприятие являлось очень важным.

Митрополит Владимир в тот период времени был также постоянным членом Священного Синода Русской православной церкви, патриаршим экзархом Западной Европы, членом президиума правления Советского фонда здоровья и милосердия.

Митрополит Владимир рассказал также корреспонденту «Известий», что Русская православная церковь перечислила в фонд помощи пострадавшим от страшного землетрясения в Армении, которое случилось 7 декабря 1988 года, миллион рублей. Для советского времени это были большие деньги! Кроме того, епархии Русской православной церкви, их приходы, епископы, священнослужители и миряне впоследствии перечисли-

ли еще свыше трех миллионов рублей. Всю эту помощь организовывал митрополит Владимир.

Конечно, землетрясение в Армении — это была ужасная трагедия. Но горе республики тогда разделила вся страна, весь СССР. Помощь приходила со всего мира, все республики Советского Союза поддерживали пострадавший армянский народ. Тысячи ростовчан, среди которых было немало врачей, отправились в те страшные дни в Армению, чтобы оказывать помощь братскому народу.

Помню, как мой папа, Минас Георгиевич Багдыков, в те годы уже известный в городе хирург, помогал армянским беженцам, оперировал и лечил их. Тогда ведь не было страховой медицины, а существовала советская система здравоохранения: при всех ее минусах госпитализировать пациента не составляло труда. В то время во главу угла ставился только человек и его здоровье. Всё. Никакой экономической целесообразности, добровольного или обязательного медицинского страхования — только помощь человеку. Вот главный критерий. Сегодня в это верится с трудом, но тогда было именно так.

Папа госпитализировал немало пациентов из Армении в медико-санитарную часть завода «Ростсельмаш» (ныне Областная клиническая больница № 2). Из Армении к нему приезжали знакомые и даже малознакомые люди. И всем им оказывалась медицинская помощь в различных отделениях сельмашевской медсанчасти.

И я знаю, как митрополит Владимир благословлял отца на этот труд, говоря о том, что помогать людям в трудную минуту и есть настоящее служение врача и призвание христианина.

Хочу напомнить, что в восьмидесятые годы двадцатого столетия у нас в стране христианская религия была

Профессор Александр Шапошников и Минас Багдыков.

еще не в почете, как сейчас. За религиозные убеждения можно было поплатиться даже карьерой и работой.

Лишь в годы перестройки при М.С. Горбачеве отношение к религии изменилось. И все равно для меня тогда было удивительно и непонятно, что мой папа, в то время доцент кафедры хирургии факультета усовершенствования врачей, заместитель декана этого факультета, вместе со своим товарищем-хирургом профессором Александром Васильевичем Шапошниковым дружески общался с митрополитом Владимиром.

Знаю, что митрополит в свободное время с удовольствием приходил в гости к профессору Шапошникову, общался с его супругой и моей мамой, отцом. Они го-

ворили о многом — о литературе, поэзии, искусстве, философии и даже о медицине.

Какими же счастливыми и одухотворенными приходили родители после этих встреч!

Помню также, как к 1000-летию Крещения Руси у нас в стране проходили торжественные мероприятия, стали открывать и приводить в порядок храмы, в том числе и в нашем городе. Начали приглашать священников на различные мероприятия и в общественные организации.

А вскоре — кажется, в ноябре 1989 года — на Центральном телевидении впервые появился с проповедью человек с библейской внешностью и в церковном одеянии, который привлек внимание миллионов советских телезрителей, особенно он полюбился творческой интеллигенции. Звали этого человека Александр Мень.

Тогда, даже несмотря на перестройку, все это было необычно и странно. Ведь раньше на протяжении почти всей истории советской власти мы на государственном уровне или боролись с церковью и религией, или старались ее не замечать — в лучшем случае.

И вдруг наступило такое обновление — или новое мышление с ударением на букву «ы», как говорил тогдашний руководитель СССР Михаил Сергеевич Горбачев.

Лично для меня символом этого обновления стал митрополит Владимир.

Честно скажу, моя семья была и остается светской. Мы никогда не были воцерковленными в современном понимании этого слова. Но у нас, особенно у отца, было уважительное отношение к христианской религии. Мы всегда отмечали Рождество, Крещение, Пасху, соблюдали все древние нахичеванские армянские обычаи. Но делали это тайно. Хотя, если честно, об этом знали мно-

гие наши соседи в Нахичевани и с удовольствием заходили к нам в гости, как бы случайно.

Кстати, вот еще одна особенная характеристика митрополита Владимира. Я уже упоминал, что в дни православных праздников обязательно кто-то из его помощников звонил к нам домой и поздравлял родителей. А поскольку календарь праздников Армянской апостольской церкви порой отличается от календаря Русской православной, то нам по поручению митрополита Владимира звонили домой еще и в те дни, когда праздники отмечала армянская церковь. Удивительно, конечно, но так и было.

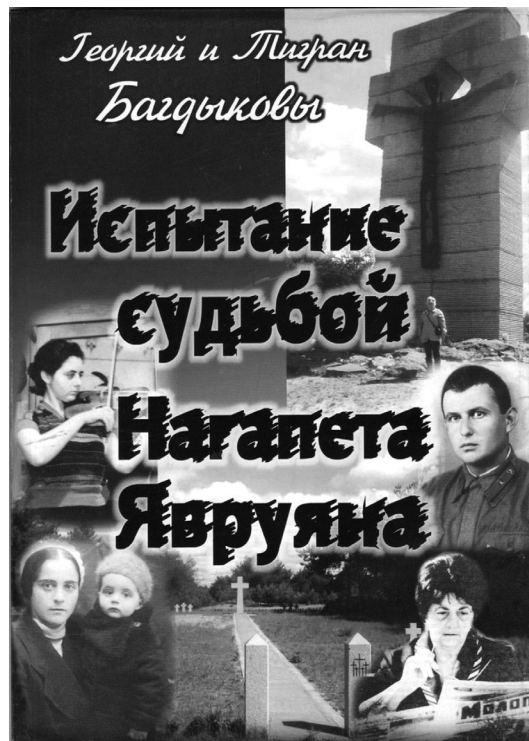
Митрополит Владимир за свою жизнь был награжден многими государственными медалями. Но главное, чему посвятил свою жизнь Блаженнейший митрополит Владимир, — это сохранение единства Русской православной церкви!

Думаю, не случайно смерть митрополита в 2014 году совпала с теми трагическими событиями, которые стали происходить на Украине.

К сожалению, вместе с Блаженнейшим ушла и та Украина, которую он знал и любил.

Есть одно удивительное и интересное обстоятельство, которое связано с митрополитом Владимиром, когда он был Предстоятелем Украинской православной церкви Московского патриархата.

Дело в том, что мой дедушка Нагапет Серопович Явруян, мамин папа, был военным врачом, хирургом. Он, как и миллионы советских солдат и офицеров, погиб во время Великой Отечественной войны. И не просто погиб, а был замучен нацистами в концлагере «Гросс-лазарет» на Украине. Этот концлагерь находился возле города Славута Хмельницкой области.

Книга «Испытание судьбой
Нагапета Явруяна».

О трагической судьбе деда я со своим старшим братом Тиграном написал книгу «Испытание судьбой Нагапета Явруяна». И вот когда мы с братом работали над книгой, то узнали, что митрополит Киевский и всея Украины Владимир в городе Славута возле мемориала погибшим советским военнопленным в концлагере «Гросс-лазарет» совершил молебен. Он молился за всех погибших советских солдат и офицеров — русских, украинцев, армян, евреев, людей разных национальностей. Значит, он молился и за дедушку Нагапета.

Конечно, митрополит Владимир не знал ничего о судьбе нашего деда. И от этого вся эта ситуация для нас становится еще более трогательной, до слез. Как много в жизни бывает разных совпадений! Это то, что мы называем судьбой.

Повторюсь: считаю, что Блаженнейший был человеком с добрым сердцем и душой поэта. Моя мама очень любила его стихи, особенно вот эти:

*«На письменном столе стояла роза —
Бесценное сокровище мое,
Поэзия среди житейской прозы...
Вода и свет — все было у нее.
Но вдруг она глаза закрыла ночью
И голову склонила от тоски,
И, словно строчки песни, грустной очень,
Упали друг за другом лепестки.
Есть родина, я знаю, у любого
И яркого, и скромного цветка.
И во дворце, из золота литого,
Цветы задушит по земле тоска.
Им нужно солнце, и дожди, и грозы.
Гнездо им нужно на родной земле.
Я видел сам, как умирают розы.
Умрет и эта — на моем столе.
Она уйдет из жизни безвозвратно.
Уже уходит. В каждой лепестке
Я слышу стон ее на непонятном
И очень мне понятном языке.
Цветы, цветы... Зачем им жить под крышей?
Им не цвести за стенами квартир.
Хочу, чтоб, этот тихий стон услышав,
Мы не лишили красоты наш мир».*

Толковая Библия с автографом митрополита Владимира продолжает храниться в квартире родителей в Нахичевани. Для нас с братом эта реликвия так же бесценна и очень дорога. Да и напутствия митрополита Владимира не менее важны.

Ах, как же хотелось бы, чтобы «мы не лишали красоты наш мир»!

УМЕТЬ ДРУЖИТЬ

Уметь дружить — это большое искусство. В этой истине я убеждаюсь все чаще и чаще.

Ко мне на работу пришел мой хороший знакомый Григорий и принес фотографию моего отца, которая была сделана 14 сентября 2019 года в кафе «Ника» в Чалтыре. Именно там была организована встреча врачей-однокурсников моего отца, посвященная 60-летию юбилею окончания Ростовского государственного медицинского института. Мир тесен. Оказалось, что бабушка моего знакомого Григория училась вместе с моим папой.

Почти каждый год папа встречался со своими однокурсниками. Эти встречи проходили, как правило, в различных кафе Чалтыря, иногда у нас на даче, которая располагается в этом же селе. На эти встречи приезжали доктора-выпускники ростовского медицинского вуза со всех концов нашей родины. Приезжали, пока могли. Так длилось 60 лет! А в 2020 году моего отца не стало, вслед за ним ушли и многие его друзья, коллеги, однокурсники. Время безжалостно, оно берет свое: сменяются поколения, уходят близкие люди. Но не меняются человеческие ценности. Не должны меняться. И умение дружить — большая ценность.

Своим примером папа не только мне это показал, но и доказал, что именно так и надо жить.

Точно так же, как и с сокурсниками, отец дружил со своими одноклассниками. Папа был дитя войны, как говорят. В классе с ним учились ребята разных возрастов, так как была Великая Отечественная война и многие не могли учиться при оккупации и бомбежках. Как вспоминал отец, время, конечно, было тяжелое, голодное, но люди жили дружно, помогая друг другу, каждый хотел стать после школы достойным человеком. И почти все одноклассники многого достигли в жизни. Но главное — они были хорошими людьми, верными и настоящими друзьями.

Ежегодно, почти до самой смерти, папа встречался с одноклассниками. Они вспоминали своих учителей, школьные годы, которые считали счастливыми, несмотря на голодное время. Пока была жива их классная руководительница, всегда ходили к ней в гости.

Особо близко папа дружил со своими одноклассниками Павлом Школьниковым и Константином Гугуевым.

Среди его товарищей-одноклассников были известные ученые, преподаватели — это Эдуард Иосифович Липкович, Эдуард Арамович Маркарьян, Виктор Михайлович Александров, Владимир Васильевич Соколов. Кстати, Владимир Васильевич был известным профессором-анатомом, долгие годы возглавлял кафедру анатомии в нашем Ростовском медицинском институте.

Когда отец работал заместителем главного врача по хирургии медсанчасти «Ростсельмаша», то собирал своих одноклассников в больничном кафе. В то время, чтобы заработать хоть какие-то деньги, больница сдавала в аренду помещение, в котором располагалось неплохое кафе для пациентов.

Иногда мне казалось, что папа встречается не со своими одноклассниками, а с близкими друзьями и родственниками. Именно так, тепло и с любовью, они все относились друг к другу. Совместно отмечали какие-то радостные события, помогали друг другу в беде. Помню, когда в 1997 году у отца случилось желудочное кровотечение и он попал в реанимацию, то его одноклассники не только собирали деньги, лекарства для папы, но даже хотели организовать делегацию к губернатору. Дело в том, что в медсанчасти «Ростсельмаша», где работал папа, в то время нерегулярно платили зарплату. И папины одноклассники решили обратиться к губернатору за помощью. Но, к счастью, лекарства нашлись, руководство больницы и завода «Ростсельмаш» помогло отцу всем, чем могло. И он выздоровел.

Артём Цхяев, Амирби Казаков и Минас Багдыков. Чалтырь. Кафе «Ника». 14 сентября 2019 года.

Помню, с какой радостью встречали моего папу его одноклассники, когда он выписывался из больницы. Многие его школьные товарищи стали близкими друзьями нашей семьи.

Мне кажется, что после семьи и его любимой супруги, нашей мамы, у отца главным приоритетом в жизни были друзья. Он собирал в доме своих товарищей всегда: на день рождения, на Новый год — да на все праздники, коих в нашей стране немало. Все знали, что двери дома отца для гостей открыты. К отцу за советом приходили все — соседи, рабочие Сельмаша, коллеги. И каждый раз он не просто встречал гостей, а накрывал стол. Он был гостеприимным человеком. Я бы даже сказал, что не мыслил своей жизни без людей и общения.

Сегодня мне как-то сложно представить, что с коллегами можно дружить, как с близкими товарищами. Для меня друзья и коллеги — это все же разные понятия. Да и к дружбе я не отношусь так, как отец, признаюсь честно. Я четко разделяю друзей и приятелей. И стараюсь не смешивать данные категории. Но это тема, конечно, другого разговора.

А вот папа многих своих коллег любил как своих самых близких людей. Да. Это так.

Как я уже писал, мой отец ушел из жизни в 2020 году. В конце сентября того года он, смертельно больной, лежал в нашей больнице (ОКБ № 2) в кардиологическом отделении. Я знал, что может улучшить его настроение. Принес ему альбом с теми фотографиями, которые были связаны с самыми радостными событиями в его жизни.

Когда папа листал альбом, я спросил у него:

— Какой день в этой больнице у тебя был самым счастливым?

— Таких счастливых дней, к счастью, было немало, — ответил он мне. — Я себя чувствовал счастливым, когда ты и твой брат Тигран пришли сюда работать, когда родился мой внук Карен и коллеги меня поздравляли с этим. Но никогда не забуду, как коллеги поздравляли меня с шестидесятилетним юбилеем.

Папа стал внимательно рассматривать фотографии со своего юбилея и буквально прослезился:

— А ведь теплый вечер получился...

— Папа, почему же ты с такой ностальгией вспоминаешь этот юбилей? — поинтересовался я у него.

— Понимаешь, в тот день меня пришли поздравить все заведующие отделениями, старшие медсестры и ординаторы. Было ощущение, что мы — одна семья, что вместе мы преодолеем все невзгоды, — пояснил папа.

А потом, немного подумав, добавил:

— Ведь и в войну мы так с семьей выживали в Нахичевани, держась все вместе и помогая друг другу. Знаешь, несмотря на трудности, в такие моменты и чувствуешь себя счастливым. Когда к тебе приходят коллеги и разделяют с тобой всё: и радость, и житейские невзгоды... Это жизнь. А как иначе жить?

Тогда я папе ничего не ответил. Не хотел с ним спорить. Но мысленно сказал ему: «Сегодня живут иначе».

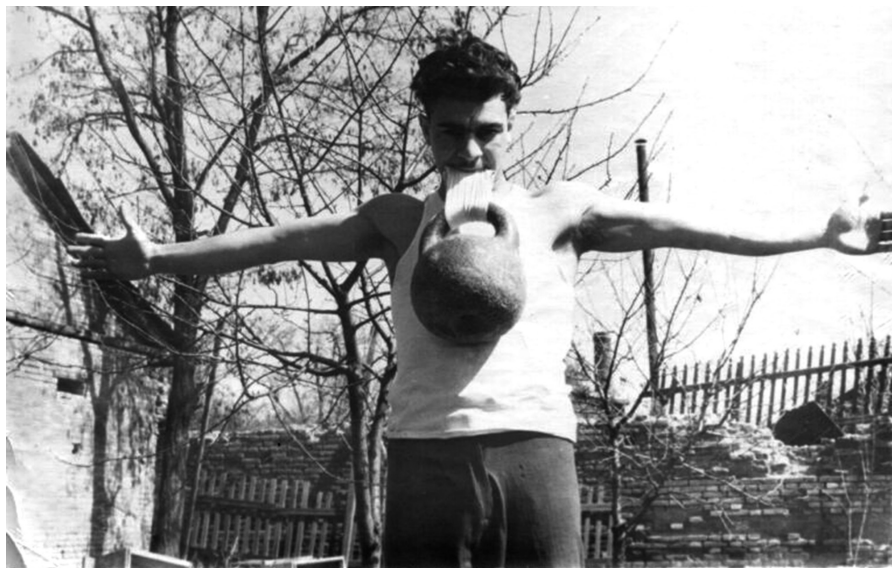
Я рад, что одними из последних в жизни были фото с его юбилея, фотографии одноклассников, которых он очень любил, фотографии, когда он был счастлив в кругу коллег, семьи, рядом с любимой супругой, моей мамой, и внуком. Словно он прощался со всеми. А простившись, ушел навсегда.

Мне же папа оставил одну из своих главных заповедей: «Надо уметь дружить. И помнить то добро, которое делают тебе люди. Будь благодарным».

Конечно, не всегда и не во всем я соглашался с отцом. Но то, что дружба в нашей жизни очень важна, — несомненно. С этим утверждением спорить я не стану.

КАК ОТЕЦ ПРИОБЩАЛ МЕНЯ К СПОРТУ

В зрелом возрасте, да и в пожилом, папа был полным. И мало кто знал, что в молодые годы он был гимнастом. И не просто гимнастом, а даже судьей на соревнованиях. О физической силе отца в юности его друзья слагали легенды. Вспоминали, как он поднимал тяжеленные гири, штангу, на гимнастических кольцах делал «крест Азаряна». (Напомню, что в пятидесятые годы минувшего века прославленный советский и армянский гимнаст

Молодой Минас Георгиевич с гирей.

Альберт Вагаршакович Азарян делал «крест» на кольцах, который потом называли его именем.)

Конечно, папа пытался нас со старшим братом Тиграном приобщать к музыке, литературе и спорту.

Признаюсь, со спортом у меня отношения не сложились. Хотя папины друзья-спортсмены и считали меня перспективным, физически сильным.

Но беда в том, что я рос нетипичным мальчиком. Не баловался, не шалил, не дергал девочек за косички, не любил драться с соседскими пацанами. Спортом заниматься мне тоже не очень нравилось. Разве только с друзьями или братьями в футбол поиграть.

Я любил читать. Особенно мне нравились книги Жюль Верна — это был мой любимый писатель в детстве.

Вообще, я жил в своем мире, а точнее в мире книг этого замечательного писателя. Такое поведение мальчика было настолько необычно, что даже моя мама говорила: «Деточка, может, пойдешь погулять, подышать воздухом?»

У нас в Нахичевани все друг друга знали. Мы жили дружно и весело. Вспоминаю об этом со светлой ностальгией, если так можно выразиться.

Помню, как папин товарищ, легендарный ростовский тренер Сурен Саркисович Казаров, предложил моим родителям отдать меня на борьбу. Поясню, что многие донские армянские мальчики с детства занимаются борьбой. Немало чемпионов по этому виду спорта вышло из среды донских армян. Взять хотя бы олимпийского чемпиона по греко-римской борьбе Вартереса Самургашева. У армян классическая борьба так популярна потому, что существует древняя национальная борьба гураш.

Так вот, у нас в Нахичевани легендарный тренер Сурен Саркисович Казаров для многих мальчиков являлся поистине вторым отцом. Каждый подросток считал за счастье тренироваться у него. Как оказалось, кроме меня.

Когда родители предложили мне походить на занятия к этому легендарному тренеру, то я и тут отличился.

— Вы что, ненормальные? — заявил я им. — Вы хотите, чтобы я добровольно дрался с людьми и делал им больно? Делать больно — это нормально?

Родители мне ничего не ответили — лишь развели руками.

И я занялся, простите за тавтологию, самым «спортивным» видом спорта — шахматами. Конечно, великим шахматистом я не стал, но эта игра научила меня

думать, анализировать, сопоставлять, ставить себя на место противника. Только это, как я люблю говорить, уже другая история...

«И СКАЛЬПЕЛЬ, И СКРИПКУ ДЕРЖАЛ УВЕРЕННО В РУКАХ...»

Как-то от большого друга нашей семьи, известного музыковеда и профессора Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова Натальи Алексеевны Мещеряковой, я такое высказывание услышал о своем отце: «И скальпель, и скрипку держал уверенно в руках...»

Действительно, это так. Папа был известен как хирург, с годами его стали знать еще и как краеведа и публициста. А вот о том, что в молодости он играл на скрипке и пианино в эстрадных оркестрах, догадывались немногие.

Любовь к музыке у отца с молодости. Можно сказать, что это была его страсть, которой он любил отдаваться в свободное от работы время. Нередко он встречал друзей, играя на пианино популярные мелодии тех лет.

Папа очень любил играть и романсы тридцатых годов минувшего века. До сих пор у меня в ушах звучит, как он играл на пианино «Утомленное солнце».

С годами отец стал уважаемым хирургом Минасом Георгиевичем Багдыковым, а в молодости для многих он был Минечкой, играющим на скрипке с оркестром перед киносеансами популярные мелодии того времени.

Вообще, папа влюбился в скрипку с детских лет. Вот как трогательно он пишет об этом в книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом»:

Семья Багдыковых, начало 1950-х годов.
Со скрипкой на фото — молодой Минас.

«Страна моего детства — это война... У мальчишек в карманах — шершавые осколки от снарядов и бомб, порой еще теплые, только что подобранные, запалы, не игрушки, а смертельные посылки, которые предназначались не только для взрослых. Центром «культурной жизни» этого периода был базар. Торговля всякой всячиной, обилие нищих, искалеченных, просивших, молящих подаяния. Все мысли вращались вокруг еды. Что из вещей можно выменять на продукты? Что купить? Как-то, прохаживаясь вдоль ларьков, я неожиданно заметил футляр. Внутри — маленькая скрипка. С этой минуты мой покой был потерян, и, куда бы я ни шел, путь заканчивался непременно у ларька, где на витрине лежала скрипка. Вскоре я стал ее счастливым владельцем».

Федор Сергеевич Готьян.

Только вдуматься: в то голодное время мальчик мечтал о скрипке. Думаю, это и неудивительно. Семья Багдыковых была музыкальной. Кто-то играл на пианино, кто-то — на аккордеоне, папа же на семейных концертах брал в руки скрипку. А эти концерты устраивались всегда, когда собирались родственники, друзья и гости.

С особым трепетом папа относился к своему первому учителю музыки. Вот как пишет он об этом в книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом»:

«Ростов освободили от фашистских оккупантов, и спустя пару месяцев мама, по совету моей двоюродной сестры Елены, отвела меня домой к известному в Нахичевани музыканту, учителю музыки — Федору Сергеевичу Готьяну. Встретил нас небольшого роста человек, с большим лбом и копной седых волос, чисто выбритый, с добрыми улыбающимися глазами, одетый в нарядный темно-синий костюм в полоску, кипенно-белую рубашку, галстук. Мое внимание сразу же привлекли его руки, мягкие, словно с просвечивающей кожей, с коротко подстриженными ногтями. А заговорил — и голос его оказался приятным, словно обволакивающим. Впечатление было такое, что ты уже давно знаешь этого человека, а главное, веришь ему. Он изнутри светился добротой.

Всякий раз, подходя к дому, где он с матерью снимал комнату (их квартира сгорела), я слышал волшебные звуки скрипки и подолгу простаивал у окна, прежде чем постучать. Манера игры у Федора Сергеевича была особенно проникновенная, очень искренняя, она отражала характер самого исполнителя. Запомнились навсегда первые уроки. Учитель старался прежде всего привить своим воспитанникам любовь к инструменту. Много рассказывал о мастерах, создававших скрипки, о сортах дерева, поиске лака. Увлекательными и познавательными были эти истории! Федор Сергеевич показывал свои инструменты, говорил об особенностях, тембровой окраске звучания каждого».

Еще в детские годы папа подружился с Кимом Назаретовым, который впоследствии стал выдающимся джазменом, прославив Ростов на весь мир и сделав наш город джазовой столицей юга России. Их дружба длилась долгие годы, до самой смерти Кима Аведиковича.

Помню их разговоры, их воспоминания о том, как они вместе играли в эстрадных оркестрах. Кстати, папа играл в таком оркестре и когда учился в мединституте.

Не без гордости не устаю повторять, что мой папа был удивительно многогранно талантливым человеком. Чем только он не увлекался! И делал все это высокопрофессионально.

Как-то, перебирая домашний архив, я обнаружил пожелтевшую газету «За медицинские кадры» от 9 апреля 1957 года. Это была газета партбюро, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома Ростовского государственного медицинского института. Как тогда говорили, институтская многотиражка.

Тогда, в далеком 1957 году, «За медицинские кадры» рассказывала своим читателям о том, как студенты мединститута готовятся встречать Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Более того, по этому поводу был организован первый институтский фестиваль. На первой полосе многотиражки была опубликована фотография эстрадного институтского оркестра. Каково же было мое удивление, когда на этой фотографии я увидел своего отца Минаса Георгиевича Багдыкова. На фото он стоит второй слева в верхнем ряду со скрипкой в руках.

Будучи студентом, отец не только играл в эстрадном студенческом оркестре, но и был в числе активистов, которые организовывали молодежный фестиваль у нас, в Ростовском медицинском институте.

После того как я нашел газету, вспомнил разговоры с папой о его студенческой жизни. Он мне рассказывал, что в те годы, во время «хрущевской оттепели», культурная жизнь в медицинском институте была на подъеме. В институте был создан эстрадный оркестр, духовой. Играли музыку советских композиторов. Но, конечно,

Статья в газете «За медицинские кадры».

запрещенный тогда джаз тоже звучал. При Хрущеве его стали немного разрешать. Правда, потом начали бороться со стилями. У нас почему-то все время с чем-то боролись.

Конечно, официально эстрадный оркестр играл только разрешенные музыкальные произведения. В газете «За медицинские кадры» была опубликована и программа выступлений студенческого коллектива.

Напомню, что VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов торжественно открылся 28 июля 1957 года в Москве. Он был самым массовым за всю историю фестивального движения. Это было грандиозным событием в истории СССР, олицетворяющим новую поли-

тику, открытость миру. Ведь приехавшие иностранцы свободно общались с москвичами, и это не преследовалось.

Тогда у нас в стране, да и в Ростове, развернулось фестивальное движение. Еще до официального открытия Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве по всей стране стали проводить молодежные фестивали. Ростовский медицинский институт также старался не отставать от передовых вузов страны.

Но даже не это произвело на меня особое впечатление — а то, что в те годы руководство ростовского медицинского вуза уделяло большое внимание культурному досугу студентов.

Невероятно, но в Ростовском медицинском институте был создан даже свой симфонический оркестр! И мой папа в нем тоже играл на скрипке! Подобное сегодня я представить не могу.

В институтском оркестре играли не только студенты, но и врачи, преподаватели.

Мне кажется, что подобный подход к досугу и воспитанию молодого поколения был очень важен. Ведь все это формировало настоящего интеллигентного, культурного, думающего человека. А врачи и должны быть людьми думающими и разносторонне развитыми.

Конечно, папа не был профессиональным музыкантом, консерваторию он не оканчивал. Но любовь к музыке жила в его сердце всегда. Он был уверен, что музыка может лечить. И это так.

Помню, как в наш дом в Нахичевани за медицинским советом к папе приходили соседи. Бывало, что приходили беременные женщины. Нередко он говорил им: «Думайте только о хорошем, смотрите добрые фильмы, красивые картины и слушайте хорошую музыку. Это

Пианино «Рёниш» семьи Багдыковых.

очень важно не только для вас, но и для вашего будущего ребенка».

После этих слов папа мог сесть за наше старое пианино «Рёниш» и начать играть для беременной соседки разные мелодии. До сих пор помню те добрые улыбки, которые возникали у будущих матерей, когда они слышали, как играет папа.

Музыка может лечить. Только она должна быть доброй, пробуждать светлые чувства в людях. Осмелюсь сказать, что именно такие чувства и пробуждал мой отец — и своим творчеством, и врачебным искусством.

Папа любил повторять высказывание выдающегося врача древности Авиценны (Ибн Сины): «Врач должен обладать взглядом сокола, руками девушки, мудростью змеи и сердцем льва». А потом добавлял: «Только сердце должно быть еще и добрым».

Очень точно, на мой взгляд.

«И скальпель, и скрипку держал уверенно в руках...» Лучше об отце, пожалуй, я и не скажу.

ДОМ НА 23-й ЛИНИИ

В доме на 23-й линии, 18, в Нахичевани жила моя семья. Можно сказать, что это был один из фамильных домов Багдыковых. Тут жили самые близкие мои родственники, родители, бабушка, тетя, дядя — одним словом, большая нахичеванская семья.

В этом доме я провел все свое детство и юность. Поэтому я очень растрогался, когда на моем творческом вечере, который проходил в галерее «Ростов» в феврале 2020 года, известная ростовская художница Инна Федорова сделала мне необычный подарок: она преподнесла картину, которая называется «Дом Георгия». На ней изображен тот самый родовой дом Багдыковых, который располагался на 23-й линии в Нахичевани. В 2005 году дом, к сожалению, был снесен.

Правда, более верно этот дом назвать «Дом Попова». Об особняке Л. Попова Оганес Халпахчян в работе «Архитектура Нахичевани-на-Дону» писал:

«Наиболее прост возведенный в третьей четверти XIX в. особняк Л. Попова с подвалами под всем домом на 23-й линии, 18. В его компактном плане выдержан прием расположения комнат вокруг общей передней, связанной с открытой каменной верандой, перестроенной в 1911–1912 гг. в прихожую с санузлом и ванной на северном торце. Удачные по плановым пропорциям жилые помещения ориентированы на восток и юг, где находится обращенный во двор единственный вход в здание. Сохранившиеся потолочные карнизы и тяги, лепные розетки, массивные двери с бронзовыми ручками, кафельные печи с фигурными дверцами и орнаментированный паркет выполнены в формах, бытовавших в архитектуре конца XIX века. В этом сооружении, ви-

Дом на 23-й линии, 18.
Из книги Халпахчяна «Архитектура Нахичевани-на-Дону».

димо, впервые была осуществлена небольшая анфилада комнат, что практиковалось позднее в парадных особняках и даже в квартирах доходных домов».

Помню, как во дворе этого дома я со своими братьями Тиграном и Костиком, а также с друзьями играл в футбол и в войну, а в подвале старинного родowego особняка — в прятки. Особенно любил играть в прятки со своей подружкой Машей, которая жила через дом. В саду этого дореволюционного особняка мы с ней и другими моими друзьями катались на велосипедах, строили какие-то шалаши, играли в шахматы и шашки.

Картина Инны Федоровой «Дом Георгия».

А еще мы любили рассматривать высокие потолки дома и лепнину на них, представлять, что мы находимся в старинном замке времен Александра Дюма. Чего мы только не придумывали! Об этом можно написать отдельную книгу.

Если внимательно посмотреть на фотографию особняка Л. Попова, опубликованную в книге Халпахчьяна «Архитектура Нахичевани-на-Дону», то можно увидеть у входных дверей силуэт мальчика. Так вот, тот мальчик — автор этих строк. Когда фотограф снимал наш дом, я из любопытства вышел на улицу, чтобы посмотреть, чем он занимается.

Кстати, дата постройки особняка Л. Попова, как пишет Халпахчьян, относится приблизительно к третьей четверти XIX века.

Не один десяток лет в этом доме до 2005 года жила многочисленная семья Багдыковых. После того как дом был снесен, папа с мамой отвезли семейные реликвии на дачу в Чалтырь.

Конечно, в нашем доме на 23-й линии жил особый дух старой Нахичевани. Вот как мой отец, заслуженный врач России, краевед и публицист Минас Георгиевич в своих мемуарах описывает этот дом:

«Здесь жил дух добра и уважения к прошлому. Особое место в доме занимали две большие смежные комнаты. Одна из этих комнат именовалась залом. Между ними стояла высокая, красивая, мощная двухстворчатая дверь, подвешенная на больших бронзовых петлях, на правой створке двери были прикреплены с обеих сторон большие, красивые, бронзовые ручки. Каждый раз, подходя к этим старинным дверям, невольно ощущал веяние прелести прожитых времен. Эти дверные бронзовые ручки, служившие жителям с момента строения дома, сохранились по настоящее время, но уже как реликвии... Половину дома занимал большой подвал, приспособленный под бытовые и хозяйственные нужды. Здесь стояли бочки с соленьями, запасы на зимнее время, хранился картофель, овощи и т.д. Был выделен участок для складирования угля, дров. В стенах подвала имелись четыре глубокие ниши, в двух из которых были проложены вентиляционные проходы на фасад здания. Ниши были приспособлены для хранения вина. Во второй половине подвала стояли полки, на которых размещались банки с заготовками на зиму. В подвале имелись также четыре окна с коваными решетками. На отдельной полке находились предметы прошлых эпох нашей семьи, фамильные реликвии».

Наш дом был довольно большим. В нем насчитывалось семь комнат, коридор с кухней, совмещенная ванная с туалетом. Но и семья у нас была немаленькая. В доме жили восемь человек, не считая многочисленных родственников, часто гостивших у нас. Так что наш дом иногда напоминал коммуналку. Но зато жили весело, дружно.

В Нахичевани почти все занимались садоводством. Вот и у нас был хороший сад. Яблони, орехи, вишня, черешня — каких только деревьев не росло у нас во дворе! Сажали также малину, черную и красную смородину, крыжовник.

Но особой гордостью родителей и родственников был виноград. Вино из нашей «Изабеллы» пользовалось большой популярностью среди друзей и соседей.

А еще нельзя не рассказать о нахичеванском варенье. Из чего его только не делали! Помню, что в детстве я особо любил варенье из роз, орехов, малины, клубники и смородины.

Нередко мне снится дом моего детства, с ностальгией вспоминается беззаботная юность...

А еще в доме было немало исторических артефактов. У нас до сих пор, теперь уже на даче в Чалтыре, хранится металлическое кольцо, которое ранее было прикреплено к стене дома, для привязи лошади. Вот это кованое кольцо имеет особенность. Она заключается в том, что по кольцу свободно ходит другое, маленькое, с бортами. Мы долго не могли узнать его практическую надобность. Потом как-то мне объяснили, что через маленькое кольцо можно закрепить дополнительные предметы, связанные с уходом за лошадьми, их кормлением или другими хозяйственными нуждами.

Конечно, время неумолимо берет свое. Сносятся старые особняки, строятся новые элитные многоэтажные

Дом на 23-й линии, 18.

дома. И, к сожалению, безвозвратно уходит дух старой Нахичевани. И все же только от нас зависит, сможем ли мы сохранить нашу историю, культуру, привить последующим поколениям любовь к своему прошлому, к Отчизне. Следует обязательно помнить, что любовью к истории определяется культура народа. И только у народа, ценящего свое прошлое, возможно хорошее, светлое будущее.

НАШ ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

Папа с мамой относились к своей даче в Чалтыре с большой любовью. Маме это село было дорого потому, что здесь жили ее родственники, тут прошли ее детские годы. Для папы же это был островок его родной Нахичевани. Почему так? Потому что после сноса фамильного дома на 23-й линии, 18, все семейные реликвии перевезли именно сюда, на дачу в Чалтырь.

С начала девяностых годов родители жили как бы на два места: в будние дни они находились в Ростове, в Нахичевани, а на выходных — в Чалтыре. Уйдя на пенсию, большую часть времени они проводили именно на даче: благоустроили дом, ухаживали за садом. Мама сажала цветы, папа что-то мастерил, создавал поделки и писал книги.

А еще, как я уже отмечал, они создали свой домашний музей. Дело в том, что многие вещи в нашей семье передавались из поколения в поколение. Например, большой медный таз. По легенде, он попал на Дон вместе с моими предками — армянами-переселенцами из Крыма — в 1779 году. Но как бы там ни было, таз действительно очень древний.

Интересен светильник девятнадцатого века. Такими пользовались нахичеванские полицейские, охранявшие линии-улицы города ночами.

У нас хранятся старинные стетоскопы, которыми пользовалась моя бабушка, врач-терапевт Надежда Григорьевна Кристостурян. Она до глубокой старости консультировала больных. Стетоскоп — это диагностический прибор для аускультации (выслушивания) звуков, исходящих от сердца, сосудов, легких, бронхов, кишечника и других органов.

Считаю не менее ценным и дорогим самовар моей прабабушки Розалии Георгиевны. Этот самовар — часть ее приданого и наследства, как и старинная ступа, приспособление для колки сахара и старинные утюги.

Моя прабабушка Розалия Георгиевна была двоюродной сестрой прославленного архитектора Марка Владимировича Григоряна.

В 70-х годах прошлого столетия во многом благодаря его стараниям было восстановлено здание монастыря Сурб Хач. Среди самых известных творений Григоряна

в Ереване — здание Матенадарана, научно-исследовательского института и крупнейшего в мире хранилища древних рукописей. Он проектировал центральную площадь Еревана, которая сейчас называется площадью Республики.

Мало кто знает в Нахичевани, что Марк Владимирович Григорян, живя в Нахичевани, носил фамилию Тер-Криков. Григоряном он стал уже в Армении.

А еще на даче в Чалтыре хранились почетные награды, грамоты и медали родителей. В частности, памятные медали «Дети войны».

Мои родители никогда не состояли в коммунистической партии, но решение об их награждении медалями принималось на заседании ЦК КПРФ и лично Председателем ЦК КПРФ Геннадием Андреевичем Зюгановым.

Дело в том, что мой папа, будучи ребенком, видел все те зверства, которые творили фашисты в Ростове и Нахичевани. Он видел расстрелянного Витю Черевичкина, видел, как его соседей убивали только за то, что они были евреями.

Об этих ужасах войны, об этих фашистских злодеяниях мой отец много писал, в том числе и в «Вечернем Ростове». Кстати, первые папины воспоминания были опубликованы в этой газете еще в 1990 году! Более того, все свои переживания отец изложил в книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом».

Мама, будучи маленькой девочкой, тоже испытала все ужасы войны. Моя бабушка, врач-терапевт Надежда Григорьевна (Арекназан Крикоровна) Кристостурян, рассказывала мне о том, что ей и моей маме пришлось пережить во время немецких бомбежек. Бабушка какое-то время работала врачом в санитарном поезде, который перевозил раненых советских солдат. Фашисты эти поезда бомбили беспощадно. Они прекрасно знали, что в них везут раненых солдат, женщин и детей.

Разве я могу забыть бабушкины рассказы о том, как она с мамой выскакивала из горящего поезда, а немецкие истребители расстреливали наших раненых сол-

дат? Бабушка своим телом прикрывала мою маму, при этом еще умудрялась оказывать первую помощь раненым.

Конечно, дети войны достойны наград и уважения. Тем более что это поколение уходит вслед за поколением ветеранов. А потому их воспоминания сегодня крайне важны.

Уверен, что в каждой семье может появиться свой маленький домашний музей. И это очень важно для последующих поколений. Ведь из подобных историй и складывается история нашей огромной страны.

ПОДЕЛКИ МИНАСА БАГДЫКОВА

Папа создавал удивительные поделки из дерева. Именно о них мне и хотелось бы рассказать подробнее.

Я уже писал, что, когда был маленьким, наша семья регулярно путешествовала: мы отдыхали на Черном море, побывали в Армении, Грузии, Аджарии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Москве и на Украине. Где мы только не были! Каждый год папа вывозил нас на две недели в горы, а еще на две — на море.

Помню, как он вместе со своим другом, профессором-хирургом Александром Васильевичем Шапошниковым, любил собирать причудливые коряги и ветки. А потом они вырезали из них разные фигурки. Это было замечательно!

Когда отец ушел на пенсию, он с особым энтузиазмом продолжил заниматься поделками.

Особенно ему нравилось вырезать из дерева руки. Они были разными, но всегда создавалось впечатление, что это руки молящегося человека.

Также он любил вырезать фигурки животных и... хачкары.

Хачкар — это особый армянский крест-камень. Только у отца он был деревянным. В своих последних работах он все чаще обращался к памяти города далеких предков — Ани.

Напомню, что Ани — древняя столица Армении, а точнее столица Армянского царства Багратидов. Этот город, как и многие другие армянские города, был разрушен чужеземцами.

Как известно, донские армяне являются потомками крымских армян, которые переселились на Дон по указу императрицы Екатерины II.

А в Крым армяне попали из Ани, пройдя через астраханские степи и другие земли.

И вот отец в своем творчестве часто вспоминал город, в котором жили его далекие предки.

С моей точки зрения, папа к любому делу подходил творчески. Возможно, потому он был и хорошим изобретателем: придумывал хирургические инструменты,

у него было множество рационализаторских предложений. Он также организовывал научные конференции, издавал журналы и методички.

На пенсии папа не сидел без дела: вел активную общественную жизнь, писал краеведческие книги; при его непосредственном участии в нашем городе, в том числе в Нахичевани, было установлено немало значимых памятников. Он даже принимал участие в строительстве церквей.

Отец любил сажать деревья и ухаживать за садом вместе с мамой. Кстати, мама была его главным критиком и соратником. А мы с братом Тиграном старались помогать ему во всех его начинаниях.

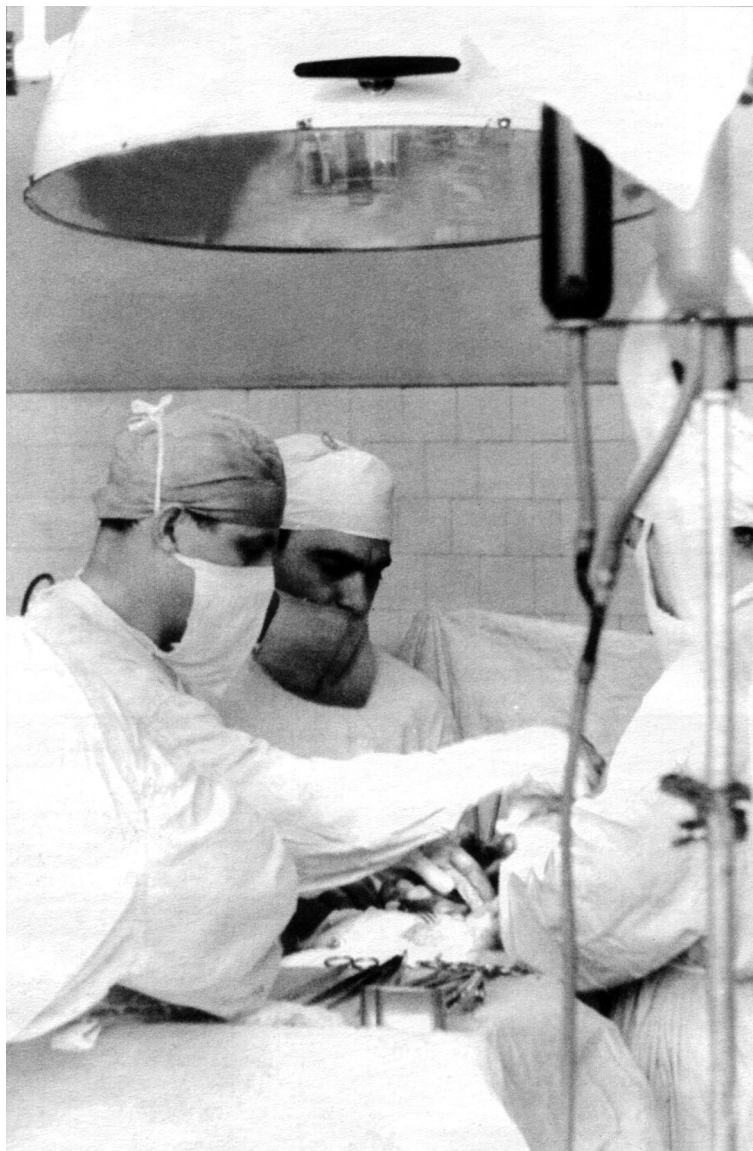
И все-таки, если говорить о поделках, то папе, как я уже отмечал, особенно нравилось работать с деревом, изучать его структуру и свойства. Иногда мне казалось, что он относился к своим творениям как к живым существам. Наверное, потому, что вкладывал в них душу, частичку своего сердца. И теперь это душевное тепло моего отца продолжает жить на его даче, напоминая нам о его таланте и большом любящем сердце.

ВКЛАД В МЕДИЦИНУ

Рассказывая об отце как о краеведе, публицисте и общественном деятеле, не могу не вспомнить и о его вкладе в медицинскую науку и здравоохранение. Я уже писал об этом, но хочется рассказать более подробно.

Биография отца такова. В 1959 году он окончил Ростовский медицинский институт. Работал хирургом в Новочеркасске в Первой городской больнице до 1961 года. С 1961 по 1966 годы был в Ростове-на-Дону в ЦГБ ординатором хирургического отделения. В 1966 году защитил кандидатскую диссертацию и прошел по конкурсу в Ростовский медицинский институт на должность ассистента кафедры общей хирургии. С 1983 года — до-

Профессор П.М. Шорлуян и ординатор М.Г. Багдыков.

Минас Багдыков во время операции.

цент кафедры усовершенствования врачей по хирургии, заместитель декана факультета усовершенствования врачей. С 1991 года — заместитель главного врача по хирургии медсанчасти ОАО «Ростсельмаш» Ростова-на-Дону. При непосредственном участии Минаса Георгиевича в больнице было организовано реанимационное отделение, создано урологическое отделение волновой дистанционной литотрипсии. В урологическом отделении освоены методики пластических оперативных вмешательств на мочевыделительном тракте. В хирургическом отделении стали проводиться операции на поджелудочной железе и протоках. Впервые в Ростове приобретен и освоен ультразвуковой аппарат с целью диагностики наличия конкрементов в желчном пузыре и протоках.

Минас Георгиевич организовал выпуск сборников научных трудов врачей больницы и был их редактором. Входил в состав редакционной коллегии юбилейного сборника научных статей, посвященного 50-летию областной больницы № 2 в 2007 году. С 2003 по 2012 год работал заведующим кабинетом учета и медицинской статистики Областной клинической больницы № 2.

Минасом Георгиевичем опубликовано более 100 научных работ и методических указаний. Издано несколько монографий, две из которых посвящены изучению отечественного препарата цигерол (применялся для лечения ожогов). Монографии выставлялись на ВДНХ, получили медаль и диплом. Опираясь на результаты исследований, Институт органической химии имени Н.Д. Зелинского Академии наук СССР продал лицензию на приобретение цигерола США, Франции. Разработанный метод и состав мази на основе цигерола с успехом нашел применение при аварии на Чернобыльской АЭС.

Опубликованная монография «Проникающие ранения сердца и реанимация больных» дала возможность практическим врачам-хирургам выхаживать эту сложную категорию пациентов. Монография, посвященная вопросам проникающих ранений органов грудной полости, определяла решение первостепенных задач практической неотложной хирургии.

Минас Георгиевич Багдыков имел звание «Заслуженный врач России». Был действительным членом (академиком) Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности человека (МАНЭБ), членом Союза писателей Дона.

Конечно, отец внес большой вклад в становление медико-санитарной части завода «Ростсельмаш», впослед-

ствии ставшей Областной клинической больницей № 2, в которой он тоже трудился долгие годы.

Публицистической деятельностью он стал активно заниматься с 1990 года. Неоднократно писал статьи для журналов «Южная звезда», «Ковчег», являлся членом их редакционного состава. Публиковался в местных газетах, выступал по радио и телевидению на темы медицины и истории нашего города. В 2007 году совместно с автором этих строк и старшим сыном Тиграном опубликовал книгу «...И дай место врачу», посвященную истории медицины в Ростове-на-Дону и Нахичевани, в которой отражены имена и биографии лучших врачей и ученых.

Работая начмедом в медсанчасти завода «Ростсельмаш», отец организовал целое медицинское издательство в больнице. Да-да. И это произошло в самые непростые годы минувшего столетия. Данное издательство выпустило немало брошюр. Была также у больницы и своя газета «Лекарь Дона», которую редактировал автор этих строк.

В то время я стал публиковать свои первые научно-популярные книги в издательстве «Феникс». И папа посчитал, что мои способности следует использовать на благо больницы. Он и решил на базе медсанчасти ежегодно проводить научно-практические конференции, материалы которых публиковать отдельными сборниками. А поскольку врачи должны заниматься научно-просветительской деятельностью, то и попросил меня

Книги Минаса Багдыкова.

начать публиковать книги и брошюры по популярной медицине и здоровому образу жизни под грифом «Медико-санитарная часть завода «Ростсельмаш».

К нашей работе мы привлекли Донское отделение МАНЭБ, которым в те годы руководил профессор Артем Ервандович Аствацатуров. Профессор Аствацатуров долгие годы работал в ДГТУ и всегда с радостью откликался на подобные инициативы.

Таким образом мы издали не один десяток книг и брошюр.

У меня нередко спрашивают: как мы умудрились это делать, откуда брались деньги на издание книг и брошюр?

Отвечаю всегда так: в жизни большую роль играют друзья и дружеские связи. Именно они помогали нам, оказывали финансовую поддержку. В это сегодня трудно поверить, но в те годы немало проблем решалось при помощи, как я шутя говорю, «натурального обмена». Что это значит? А все очень просто. Тогда действовал принцип, который можно назвать «ты мне — я тебе».

То есть ты кому-то оказал какую-то услугу, а этот кто-то купил для типографии бумагу. Вариантов было немало. И получалось, что, не затратив больших денег, можно было издать брошюру или даже книгу.

Помню, как нашей творческой деятельностью заинтересовались на «Дон-ТР». И известная в те годы ведущая медицинских программ Людмила Квасова вместе с оператором Эдуардом Кечеджияном специально сняла программу, в которой показала изданную мной с братом Тиграном, врачом-эндоскопистом, книгу «Искусство быть здоровым».

Почему в те годы наши брошюры были востребованы и о них даже снимали репортажи? Ответ тоже прост. Дело в том, что тогда у многих людей не было денег на лекарства. А мы собирали простые рецепты для профилактики тех или иных заболеваний. Например, я писал о том, какие травы надо заваривать и пить для профилактики пиелонефрита или простатита.

А еще считаю, что сам факт существования своего издательства в медико-санитарной части завода «Ростсельмаш» и газеты «Лекарь Дона», которая была приложением к «Приазовскому краю» (ныне уже не издающемуся), говорит о многом. Прежде всего о том, что нашу жизнь определяет не только экономическая ситуация, но и люди. Тогда мы смогли собрать вокруг себя настоящих единомышленников и осуществить, казалось бы, невозможное. И все это претворялось в жизнь благодаря помощи моего отца Минаса Георгиевича Багдыкова. Конечно, без его поддержки ничего бы не получилось.

С тех пор прошло уже немало лет. Но я до сих пор не знаю в нашем городе лечебного учреждения, у которого были бы свое издательство и газета. По крайней мере, мне о таких больницах неизвестно.

«НАШИ ДЕВЯНОСТЫЕ»

«Наши девяностые» — именно так называлась книга воспоминаний, которую я уговорил написать отца в соавторстве со мной.

Как я уже отмечал, мой отец работал начмедом (с 1991 по 2002 год) в больнице в самое непростое время. Эпоха перемен. Смена политического и экономического устройства страны. Менялась система здравоохранения, преобразалась до неузнаваемости наша страна. Отец начинал работать, когда еще существовал Советский Союз, расцвет его карьеры пришелся на девяностые — на эпоху Ельцина, как мы обычно говорим. А уходил на пенсию он уже при Путине.

С моей точки зрения, наши воспоминания важны еще и потому, что дают возможность увидеть, что не все было так уж плохо в девяностые годы. Несмотря на нерегулярную выплату зарплат, медицинские работники продолжали выполнять свой долг, лечить пациентов, писать научные работы, влюбляться, развлекаться, жить полноценной жизнью.

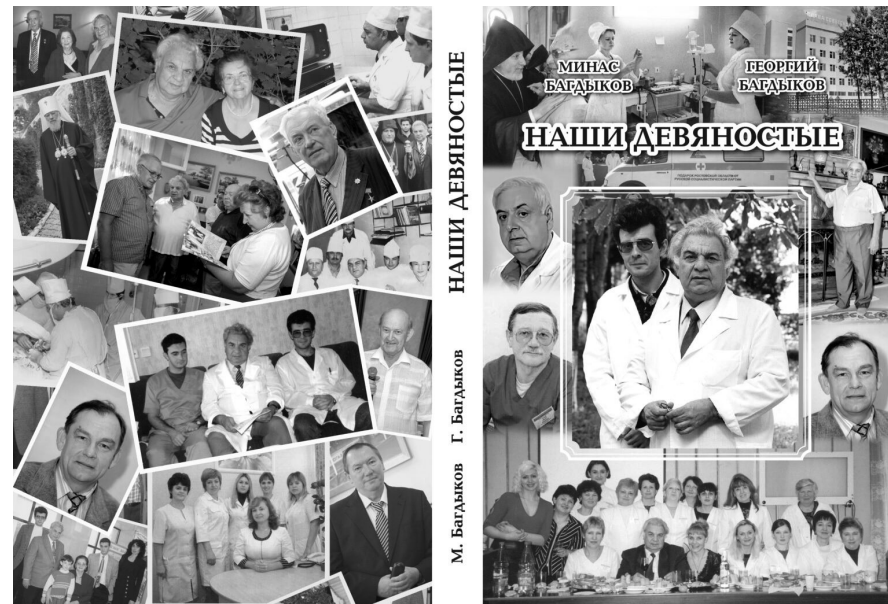
Я уверен, что любое время определяют люди. Только благодаря слаженной работе коллектива возможен успех любого дела и начинания.

Конечно же, те времена были непростые. Это правда. Хотя, как я люблю говорить, простыми времена у нас никогда не бывают. Но все же...

После вынужденного по объективным и субъективным причинам ухода с руководящего поста прославленного и легендарного генерального директора Юрия Александровича Пескова для завода «Ростсельмаш» и медсанчасти наступили тяжелые времена. И если раньше медсанчасть (она еще известна была как «десятка»)

Георгий Минасович и Минас Георгиевич Багдыковы
во дворе больницы.

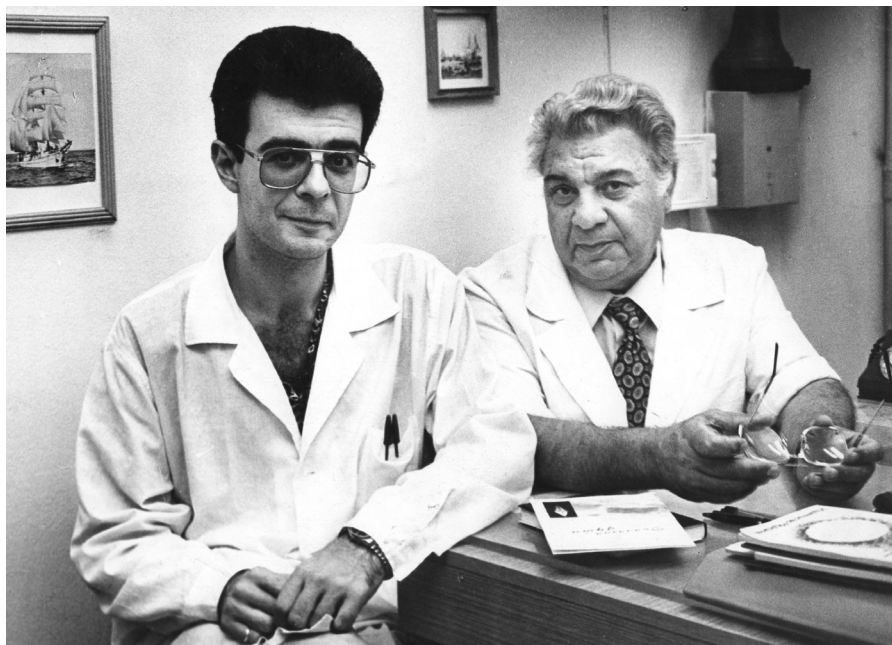
Книга «Наши девяностые».

снабжалась лучше всех не только в городе, но и в области, то с уходом Пескова мы даже вообще перестали получать зарплату. Кстати, помню, в 1997 году зарплату мы не получали восемь месяцев! Вы только вдумайтесь в это.

Сегодня молодым докторам и медсестрам сложно понять, что многие их коллеги в девяностые ходили на работу пешком: на транспорт у них просто не было денег!

Вот как об этом вспоминал мой отец Минас Георгиевич Багдыков:

«...Мне не забыть начало рабочего дня, когда больной уже лежал на операционном столе, персонал был готов приступить к операции, а операционной сестры в отделении не было — задерживалась. Пришлось срочно раз-

Георгий в кабинете у отца Минаса Георгиевича.

бираться в случившемся, менять операционную сестру. Спустя час в отделение пришла операционная сестра — мокрая, замерзшая, в слезах. Оказалось, что в автобусе ее знали и практически не требовали плату за проезд, потому что она операционная сестра и едет в больницу на работу, а новый водитель потребовал оплату, но у нее денег не хватило, и он ее высадил в дороге. Ей пришлось пешком пройти несколько километров в дождь, грязь, изморось, добираясь до больницы. Обогрелась, почистилась, успокоилась, а покормить ее было нечем. Больные питались тем, что приносили родственники. Это заставило главного врача Константина Ивановича Сулиму и меня обратиться с просьбой к своим зна-

Минас Георгиевич с семьей Манукян.

комым, держащим кафе, выделить муку, постное масло в отделения для того, чтобы медицинские сестры могли приготовить себе еду в перерыв. Многие заведующие отделениями последовали нашему примеру. Так мы смогли удержать штат медицинских сестер и санитарок. Одновременно Константин Иванович распорядился подготовить площадь для помещения, где организовал кафе с приготовлением горячих блюд. Повезло с хозяевами кафе: молодые, доброжелательные, порядочные люди охотно и приветливо встречали наших врачей, ходячих больных, кормили недорого и вкусно».

В буквальном смысле докторам и медсестрам еду приносили владельцы ресторанов и кафе.

С особой любовью вспоминаю папиных друзей Григория (Гургена) Тиграновича Манукяна и Льва (Левона) Михайловича Симоняна. Их помощь в те годы для нас была бесценна.

Минас Георгиевич с Леоном (Львом) Симоняном.

Конечно, в девяностые годы минувшего столетия работать было непросто, но интересно: да, не платили регулярно зарплату, не хватало медикаментов, но ощущалась свобода действий и чувствовалось уважение людей.

И еще: благодаря руководству больницы и лично моему отцу медицинские работники получали хоть какую-то помощь.

Хочу выразить надежду на то, что идущие нам на смену поколения молодых врачей будут более счастливыми, нежели мы. Очень надеюсь на то, что они будут жить в стабильном и богатом обществе, в котором высоко ценят и уважают труд врача и медицинских работников. Правда, мне почему-то вспоминаются строки Н.А. Некрасова:

*«Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе».*

ПРОФЕССОР ШОРЛУЯН. УЧИТЕЛЬ И НАСТАВНИК

Папа всю жизнь очень трепетно, с уважением и любовью относился к своему учителю и наставнику, известному хирургу профессору Партеху Макаровичу Шорлуяну.

Шорлуян создал большую школу хирургов. Эти доктора и в XXI веке являлись ведущими специалистами в различных разделах хирургической науки донского края. Среди известных учеников Шорлуяна можно выделить докторов наук, профессоров, имена которых знают многие ростовчане и жители области. Это А.А. Дюжиков, А.В. Шапошников, В.И. Нефедов, И.И. Таранов, В.Н. Чернов, Н.Л. Хашиев, А.Д. Беляевский. Среди учеников Шорлуяна есть и заслуженные врачи: Э.В. Коноплев, М.Г. Багдыков, А.П. Смирнов, А.И. Маслов.

Отец в 2003 году написал книгу «П.М. Шорлуян. Штрихи к портрету учителя, ученого, гражданина». Эту книгу он посвятил светлой памяти своего учителя. В ней рассказывается и об истории ЦГБ, освещены этапы становления хирургической службы больницы, а также кафедры общей хирургии.

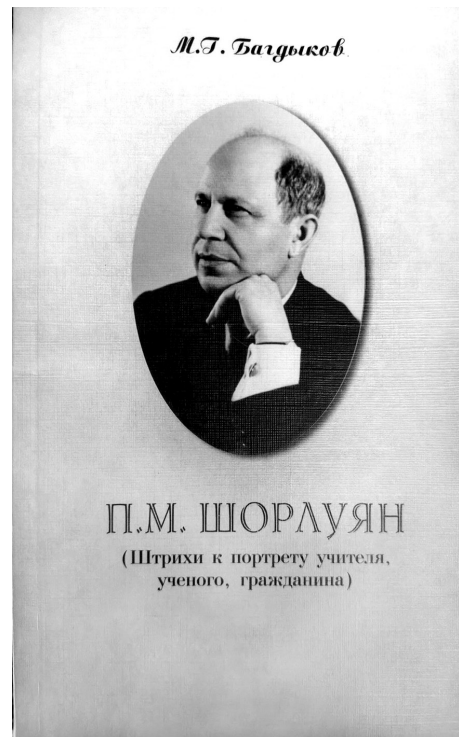
Я сам, будучи студентом мединститута, слушал лекции профессора Шорлуяна. Партех Макарович до последних своих дней вел активный образ жизни, оперировал, лечил людей, преподавал. Вместе с моим отцом профессор Шорлуян написал несколько монографий. Одна из работ была посвящена такому препарату, как цигерол.

Цигерол — это мазь, которую в советское время применяли для лечения ожогов. Мало кто знает, что эта мазь

Профессор Шорлуян.

использовалась для лечения ожогов у ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. Я с гордостью могу сказать, что мой отец и профессор Шорлуян оказали свою посильную помощь в лечении людей, пострадавших от взрыва на Чернобыльской АЭС.

*Книга М.Г. Багдыкова
«П.М. Шорлуян».*

Первые монографии, посвященные препарату цигерол, были изданы моим отцом и профессором Шорлуяном еще в 70-е годы минувшего столетия. Когда мой отец работал над этими книгами, то он ставил опыты на кроликах. А потом лечил их мазью цигерол. Эти кролики жили во дворе нашего дореволюционного дома. Тогда я был слишком мал, мне было лет пять. Я кормил кроликов, жалел их. Мне было непонятно, зачем доктора ставят над ними какие-то опыты. Как-то кролик укусил меня за палец, когда я

его кормил. Родители очень испугались за мое здоровье. Папа возил меня в разные больницы, мне делали уколы, прививки, перевязки. Он показал мой укушенный палец и профессору Шорлуяну. Тот внимательно осмотрел место укуса, затем сказал:

— Ничего страшного. До свадьбы заживет. Слушай, Минас, а твой парень врачом станет. Смотри — не плачет...

Его слова оказались пророческими. Я работаю врачом уже немало лет.

В Больших Салах на открытии памятной доски П.М. Шорлуяну.

А еще папа написал совместно с профессором Шорлуяном монографию, посвященную ранениям сердца. Она так и называется — «Хирургическая и реанимационная помощь при ранениях сердца». В те годы, когда мой отец, будучи молодым доктором, работал в ЦГБ Ростова-на-Дону, хирургическое отделение принимало по скорой помощи пациентов с любой патологией, в том числе и с ранениями сердца. Опыт этой работы папа с профессором Шорлуяном и обобщил в монографии.

К несчастью, Партех Макарович погиб в ДТП в 1991 году.

На доме № 42 на улице Пушкинской, где жил профессор, по инициативе моего отца и Нахичеванской-на-Дону армянской общины была установлена мемориальная доска со следующим текстом: «В этом доме жил Шорлуян Партех Макарович, 1915–1991 гг., профессор РГМУ, известный хирург, ветеран Великой Отечественной войны».

В селе Большие Салы в декабре 2015 года на здании школы была установлена мемориальная доска, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Шорлуяна. Как я уже писал, мой отец был не только учеником Партеха Макаровича, но и одним из инициаторов увековечения его памяти.

На открытии мемориальной доски он произнес трогательную речь:

«Я хочу поклониться этой святой земле. Партех Макарович был человеком удивительной скромности. Я ему обязан абсолютно всем. Он научил меня хирургии. И мне очень приятно, что здесь его дочь, очень яркий и глубокий специалист, она достойно несет имя своего отца. Низкий поклон светлой личности Партеха Макаровича».

К этим проникновенным словам мне добавить нечего.

«ДОНСКОЙ ВРЕМЕННИК» О МИНАСЕ БАГДЫКОВЕ

«Донской временник» неоднократно писал о деятельности Минаса Георгиевича Багдыкова, о его творческом пути, исследованиях и книгах. Меня особо тронула публикация друга нашей семьи, известного историка, общественного деятеля, профессора Германа Ароновича

Матвеева о моем отце. А потому я решил поделиться фрагментом этой публикации со своими читателями, так как, на мой взгляд, она хорошо раскрывает неординарную личность папы.

Донской временник. Выпуск 29

Краеведы

3 октября 2020 года ушел из жизни Минас Георгиевич Багдыков, известный врач и краевед. Он был большим другом Донской публичной библиотеки, частым гостем на наших мероприятиях. О Багдыкове рассказывал «Донской временник». Выражая соболезнование семье Минаса Георгиевича, редакция предоставляет слово кандидату исторических наук, профессору Герману Ароновичу Матвееву.

Герман Аронович Матвеев

Памяти друга

Я познакомился с Миной Георгиевичем Багдыковым и его семьей в 60-е годы прошлого века. Мои родители построили дом на 23-й линии, 24, на месте разрушенного в годы войны, и мы оказались соседями Багдыковых, которые жили на улице через дом.

Мне сразу понравился новый для меня район города, где предстояло жить. В 1960–1970-е годы эта часть Пролетарского района Ростова (в прошлом — центр армянского города Нахичевань-на-Дону) сохраняла архитектурный облик и другие характерные черты старого

Друг семьи Герман Аронович Матвеев.

города: удобную планировку кварталов (линии), преимущественно одноэтажные добротные дома — зачастую с лепниной на фасадах, обилие зелени, доброжелательное армянское население.

Мое знакомство с Миной началось после того, как я узнал у соседей, что на нашей улице живет хороший врач-хирург, работавший в центральной городской больнице № 1. Мой отец, ветеран Великой Отечественной войны, часто болел, и я решил обратиться с просьбой о профессиональной помощи к Мине. Меня приветливо встретил круглолицый коренастый молодой человек с очень живыми глазами. Он немедленно согласился

проконсультировать отца: обстоятельно расспросил о признаках недуга, проверил пульс, измерил давление, внимательно осмотрел и прослушал его, после чего дал четкие рекомендации, пообещав проследить за ходом лечения.

Мой отец после этого визита сказал, что его никто из докторов так детально не осматривал, не расспрашивал и что он почувствовал доверие к Минасу как к специалисту и человеку.

Я учился тогда в аспирантуре, затем стал преподавать историю в Ростовском государственном университете, защитил кандидатскую диссертацию. Общаясь с Минасом, обратил внимание на то, что он не только великодушный врач, но и человек с разносторонними инте-

*Минас с супругой Галиной
и сыном Тиграном.*

*Лидия Дмитриевна
Матвеева.*

ресами в области истории, краеведения, литературы, музыки. Общие интересы сблизили. У Минаса и у меня были большие домашние библиотеки, мы стали обмениваться книжными новинками.

У Минаса и его супруги Галины Нагапетовны к началу нашего знакомства уже рос старший сын Тигран; через несколько лет родился младший — Георгий. У меня с моей женой Лидой сначала родилась Маша, а затем Алексей. Маша с Георгием были сверстниками, они подружились, вместе играли в просторном дворе Багдыковых с большими ореховыми и другими плодовыми деревьями.

Минас Георгиевич с мамой Сусанной Леонтьевной.

Моя жена Лида, закончив учебу на филологическом отделении Ростовского государственного университета, стала учителем русского языка и литературы в школе № 14 на 30-й линии. У нее учились сыновья Минаса Тигран и Георгий. Это тоже способствовало нашему сближению с Минасом и Галиной, которое с годами переросло в дружбу.

Я с женой часто бывал в доме Багдыковых. Мы познакомились с Георгием Минасовичем и Сусанной Леонтьевной, родителями Минаса, с его тетей, сестрой отца Софьей Минасовной Карташовой-Багдыковой, младшим братом Константином и его женой Ниной. К великому сожалению, вскоре после нашего знакомства отец семейства, Георгий Минасович, интеллигентный

Сусанна Леонтьевна с внуком Тиграном.

обаятельный человек, музыкант, великолепно игравший на многих музыкальных инструментах, прививший Минасу любовь к музыке, скончался после тяжелой болезни, что стало для Минаса ударом (он очень любил отца).

Сусанна Леонтьевна, мудрая, любящая женщина, сделала все, чтобы продлить жизнь мужа, у которого был порок сердца. Она безмерно любила сыновей и приложила все силы, чтобы они смогли получить высшее образование; радовалась их успеху на профессиональном поприще, приняла в дом жену Минаса как свою дочь, обожала и пестовала внуков. Сусанна Леонтьевна была доброй и хлебосольной: встречая уставшую после рабочего дня в школе мою жену, часто зазывала ее пообедать. Я до сих пор помню замечательные пирожки с

лебедой и вареными яйцами, которые она обязательно пекла весной.

Тетя Минаса Софья Минасовна, по его словам, сыграла важную роль в его жизни. До войны и в послевоенные годы она работала акушером-гинекологом в роддоме и женской консультации Пролетарского района. Во время оккупации города, подвергая свою жизнь опасности, уходила ночью помогать больным и беременным женщинам, оказывала медицинскую помощь раненым красноармейцам, которых местные жители прятали в своих домах. Минас не раз говорил о том, что его представления о врачебном долге с детства формировались на примере жизни Софьи Минасовны. Именно она настояла на его поступлении в мединститут, помогала советами во время учебы в вузе и в начальный период деятельности. Кстати, появление на свет Минаса не обошлось без тети: опытный акушер-гинеколог, она принимала в роддоме самого Минаса, а через несколько десятилетий и его детей, Тиграна и Георгия.

Прежде всего я должен сказать о своем восприятии достоинств Минаса Георгиевича как врача, опираясь на свой многолетний опыт общения с ним, наблюдения за практикой его врачевания членов моей семьи, а также свидетельств его пациентов. Мне представляется, что обязательным профессиональным качеством любого врача, особенно хирурга, является его способность расположить к себе пациента, успокоить его, снять напряжение, стресс, неизбежные при возникновении недуга, особенно серьезного, вызвать доверие к себе как специалисту. Не случайно медицину называют не только областью науки и искусства, но и человековедением.

Минас обладал в самой высокой степени этими способностями. Я многократно был свидетелем, как во вре-

Маленький Георгий с бабушкой Сусанной Леонтьевной.

мя его общения с больными, взрослыми и детьми, происходила эта магия рождения доверия. Во время беседы с пациентом Минас Георгиевич излучал доброжелательность, уверенность в возможности победить болезнь, убеждал в необходимости сдать анализы, принять лекарства, назначая для детей наименее неприятные по вкусу.

Меня удивляла универсальность Минаса-врача, его способность успешно лечить различные недуги как у взрослых, так и у детей. Как-то я задал ему вопрос: как он обрел эрудицию в разных областях врачевания? Он рассказал, что его учителями были доктора, которые приобрели такой опыт в годы Великой Отечественной войны: П.М. Шорлуян, П.П. Коваленко, А.Р. Ханамиров, хирурги В.В. Лесковский, Н.Т. Назаров и другие.

В военное время им приходилось лечить не только ранения, но и другие болезни красноармейцев. В своих воспоминаниях Багдыков писал, как, получив после окончания мединститута направление на работу хирургом в городскую больницу Новочеркасска, зав. хирургическим отделением Н.Т. Назаров, прошедший две войны, поместил его жить в своем рабочем кабинете, и Минас в течение шести месяцев практически каждую ночь участвовал в операциях пациентов, привозимых машинами скорой помощи, которые проводили травматологи, гинекологи, лор-специалисты. Этот бесценный опыт ему впоследствии очень пригодился.

Минас также вспоминал, что ему приходилось как дежурному врачу в хирургическом отделении ЦГБ участвовать в проведении операции на сердце и других внутренних органах, оперировать гнойные раны. Не раз Минас Георгиевич огорченно сетовал, что в последнее время нарастает тенденция узкой специализации врачей, в том числе хирургов, и это ведет к снижению квалификации.

У Минаса-врача было еще одно ценное качество: если он сомневался в определении диагноза обратившегося к нему больного, он не только направлял его на дополнительные анализы, но и зачастую рекомендовал опытного специалиста, которому доверял, лично или по телефону просил проконсультировать пациента. И таким он оставался до последних дней жизни. Вот почему к доктору Багдыкову шла вся округа жителей за врачебной помощью в любое время дня и ночи. И он никому не отказывал.

М.Г. Багдыков не только лечил. Кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, доцент Ростовского мединститута, он учил студентов,

участвовал в подготовке и повышении квалификации нескольких поколений врачей.

Я бесконечно благодарен Минасу как врачу, поскольку был спокоен, имея возможность всегда обратиться к нему за помощью, когда болели мои родители, дети, жена и я сам.

Приоритетом в семье Багдыковых, в соответствии с армянскими этнокультурными традициями, были семейные ценности. В доме № 18 на 23-й линии много десятилетий жили три поколения семьи, включавшие дедушку с бабушками, двух сыновей с женами, внуков. Минас очень любил этот дом, в котором он вместе с родителями, женой и детьми прожил большую часть жизни, где проходили важные события семьи, бывали дорогие друзья, интересные люди. Не случайно в армянской традиции для обозначения семьи используются два понятия: дом и очаг...

Еще одна характерная этнокультурная традиция, которой следовали Минас и его семья, — не только уважительное, но и благоговейное отношение к старшим, прежде всего к бабушке Розалии Георгиевне, к родителям Георгию Минасовичу и Сусанне Леонтьевне, матери Галины Надежде Григорьевне Кристостурян, тете Минаса Софье Минасовне. Они всегда занимали почетные места на семейных торжествах и застольях, были окружены заботой и вниманием до последнего часа земной жизни. В духе безусловного уважения к старшим воспитывались дети Минаса. Его младший сын Георгий был назван по армянской традиции в честь своего деда, а Тигран, старший, — в честь одного из самых почитаемых деятелей армянской истории.

Супруга Минаса Галина также следовала традиционным национальным нормам общения в семейном кругу.

*Минас Георгиевич с тещей Надеждой Григорьевной
(Арекназан Крикоровной) Кристостурян.*

Я не могу вспомнить, чтобы она прилюдно возразила мужу, критиковала его. Галина неуклонно воспитывала уважительное отношение детей к отцу, формировала в них сознание, что Минас — старший в доме, его надо беречь.

Минас считал, что до 10–12 лет основную роль в воспитании детей должна играть супруга, а затем, когда они стали подростками, уделял им много внимания, гулял с ними, постоянно беседовал, стремясь формировать в них необходимые мужские качества, интерес к профессии врача. Когда сыновья стали старше, брал их с собой на работу, в больницу. Особое внимание уделял учебе детей.

Супруга Минаса Галина — красивая женщина, наделенная природной мудростью. Воспитанница Саратовской консерватории по классу скрипки, она многие годы преподавала в музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина, работала заведующей струнным отделением школы, воспитала десятки одаренных скрипачей. Вместе с тем успешно сочетала напряженную творческую педагогическую деятельность с повседневной заботой о детях, домашнем тепле и уюте.

Минаса отличала душевная щедрость. Дом на 23-й линии, 18, был одним из самых хлебосольных не только в Пролетарском районе, но и в городе. Минас любил встречать друзей, а супруга Галина, талантливая кулинарка, накрывала красивые столы, угощала гостей изысканными блюдами армянской и русской кухни: долма, гата, мусаха, курник, запеченная рыба, мягкие сыры с зеленью и прочие деликатесы обычно готовились к семейным торжествам и дружеским встречам. Я никогда не едал таких вкусных слоеных пирожков с мясом, подававшихся горячими, и чудесного курабье, приготовленного по семейным рецептам.

В доме у Минаса бывали замечательные люди: Герой Социалистического Труда генеральный директор «Ростсельмаша» Ю.А. Песков, профессор Ростовской консерватории, руководитель струнного отделения С.Б. Куцовский со своей супругой — мастером художественного слова Лилией Лилиной, блестящий хирург, литератор, остроумный человек, профессор А.В. Шапошников, организатор Шагиняновских чтений профессор Н.С. Авдулов, философ, профессор И.А. Негодаев и другие. На этих встречах обсуждались новости, события политической, социальной, культурной жизни страны и города. Как правило, сам Минас блистательно, эмоционально

вел все семейные торжества и дружеские встречи, вовлекая в беседу гостей.

Встречи часто сопровождались музыкальными импровизациями Минаса на скрипке или пианино. Нередко играла, вызывая восторг слушателей, друг семьи, пианистка, профессор консерватории С.Б. Арабкерцева, выступали и ученики Галины — юные скрипачи. Дети, пока были маленькие, не приглашались к праздничным застольям взрослых, но неизменно были среди гостей, внимали их разговорам, слушали музыкальные экспромты и импровизации.

Минас хорошо знал историю и культуру Армении, у него была большая подборка книг, посвященных этой проблематике, сочинения классиков армянской литературы Хачатура Абовяна, Рафаэла Патканяна, Ованеса Туманяна, Наапета Кучака и других. Он стремился передать сыновьям знания по истории и культуре Армении. Минас организовал крещение старшего сына Тиграна в Армянской апостольской церкви в Эчмиадзине, что в советский период было рискованно; затем, когда пришло время Тиграну жениться, там же прошло венчание молодых. В Армении крестили и младшего — Георгия.

В детстве и юности Минас любил слушать воспоминания старожилов Нахичевани-на-Дону, рассказы старших родственников, родителей, знакомых, у которых сквозила ностальгия по этому городу, звучали восхищение и гордость предками, крымскими армянами, переселившимися в донской край и построившими такой замечательный город.

Минас считал, что в советский период история, культура и, главное, люди Нахичевани-на-Дону были преданы забвению. Поэтому в конце 1980-х годов решил

ся написать книгу о Нахичевани-на-Дону, опираясь на дооктябрьские источники, воспоминания старожилов, собственное общение в молодости с ветеранами города. Так родились «Нахичеванские портреты». Первую краеведческую книгу Минас посвятил светлой памяти своих родителей.

В конце 1990-х появились и другие его книги по истории и культуре родной Нахичевани: «Лики прошлого», «Нахичеванские находки». Две из них Минас Георгиевич посвятил жизни и деятельности архиепископа Иосифа Аргутинского, предводителя армян России, который принимал самое активное участие в основании и развитии Нахичевани-на-Дону, одну — учителю-наставнику П.М. Шорлуяну.

Несколько книг вышли в соавторстве с сыновьями: по истории нахичеванской медицины, по истории старого города и о взаимодействии Армянской апостольской и Русской православной церквей.

Последней публикацией Минаса Георгиевича Багдыкова стала замечательная книга воспоминаний о пережитом начиная с периода Великой Отечественной войны, написанная по просьбе сыновей.

В период перестройки в СССР, на волне демократических перемен по инициативе общественности города в 1988 году возникло культурно-просветительное общество «Нор Нахичеван» (ныне Ростовская региональная общественная организация «Нахичеванская-на-Дону армянская община»). Его задачей стало возрождение и сохранение самобытной многовековой культуры донских армян. Минас Георгиевич был одним из создателей Общества, входил в состав правления. В качестве делегата участвовал в почетной миссии избрания Католикоса всех армян Гарегина II в Армении. До последних

дней жизни был активным членом Нахичеванской армянской общины. Вклад его в культуру донских армян еще предстоит оценить.

Минас гордился своими далекими предками. На почетном месте в его доме висит картина с восстановленным им генеалогическим древом рода.

Сохраняя верность многим традициям армянского народа, символам национальной идентичности, Минас как потомок анийских армян, проживающих более двухсот сорока лет на Дону, обрел субэтнические черты, фактически обладая как армянской, так и русской идентичностью.

Размышляя о своем друге, о его светлой личности, вспоминаю слова из его первой книги: «Образовавшийся сплав, генетически закрепленный, дал удивительный нахичеванский тип людей». К такому типу прежде всего относился сам Минас Георгиевич Багдыков.

Он был счастливым человеком, потому что в полной мере реализовал себя в любимой профессии, в краеведении, в семье.

Минас занимал и занимает большое место в моей жизни. Мне не хватает его душевной щедрости, светлой, доброй ауры. Я благодарен судьбе, что много десятилетий мог общаться и дружить с этим замечательным человеком.

ВКЛАД В КРАЕВЕДЕНИЕ

Краеведческой работой мой отец увлекся в конце восьмидесятых годов, в эпоху перестройки и позднего Советского Союза, когда стало возможным говорить на разные темы, в том числе и на те, которые было не при-

*Выставка книг Минаса Багдыкова
в Донской государственной публичной библиотеке.*

нято обсуждать. Самое главное — упростилась работа с архивами.

Одни из первых публикаций отца на краеведческие темы, посвященные истории и людям Нахичевани-на-Дону, появились в конце девяностых годов прошлого века в газете «Вечерний Ростов». А в 1991 году вышла в свет папина книга «Нахичеванские портреты». Тогда это было культурным явлением в жизни города.

Презентация книги проходила в стенах Ростовского мединститута, в институтской библиотеке. Сегодня, конечно, в это сложно поверить, но тогда в библиотеке проводились подобные презентации и творческие встречи. Слово «презентация» в те времена было новым для

всех, более понятно «творческая встреча». Но у папы была именно презентация, одна из первых подобных в вузе.

В чем же была ее уникальность? А в том, что осенью 1991 года, в последние месяцы существования СССР, в библиотеке РОДНИИ (Ростовского ордена Дружбы народов мединститута) собралось немало людей, среди которых были известные ученые, деканы различных факультетов, профессора, в том числе из Ростовской государственной консерватории, музыканты, артисты, джазмены.

Папин товарищ, выдающийся джазмен Ким Аведикovich, пришел со своими студентами и устроил для всех собравшихся незабываемый концерт.

Уникальность книги «Нахичеванские портреты» была в том, что впервые после долгих лет молчания стали говорить о Нахичевани и о тех людях, кто в ней жил. Потому что эта книга интересна прежде всего портретами людей, живших или на тот период времени живущих в Нахичевани и Ростове.

Как верно замечает ростовский профессор-историк, один из организаторов Шагиняновских чтений Герман Аронович Матвеев, именно Минас Георгиевич Багдыков был одним из тех, кто стал возрождать современное нахичевановедение.

Следующая книга отца называлась «Лики прошлого». И она также стала культурным явлением в городе. Презентация этой работы состоялась в 1995 году в кинозале Донской государственной публичной библиотеки. Причем замечу, что это была одна из первых презентаций в новой, отстроенной, библиотеке.

Книга «Лики прошлого» как бы явилась логичным продолжением «Нахичеванских портретов», вышедших

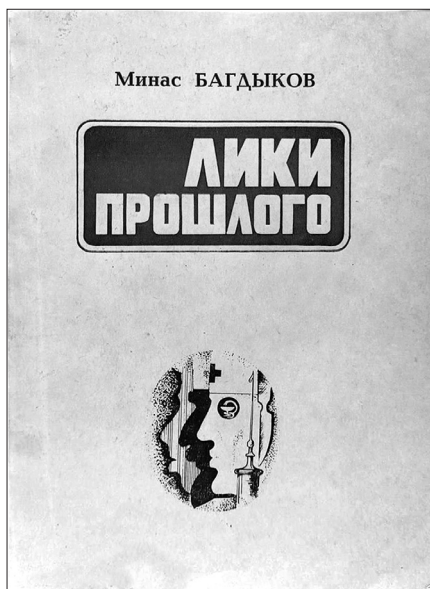
в свет в 1991 году. Но эта книга отличалась от первой — прежде всего тем, что помимо изображения портретов людей автор немало рассуждает о жизни, о том, каким должен быть врач, делится с читателями своими взглядами относительно происходящего вокруг, вспоминает друзей и знакомых, в том числе музыкантов, актеров, людей творческих профессий.

Книга писалась Минасом Георгиевичем в начале девяностых годов минувшего века. Многих людей, о которых он пишет, уже нет на этом свете. Да и жизнь теперь другая. За эти годы вообще немало изменилось.

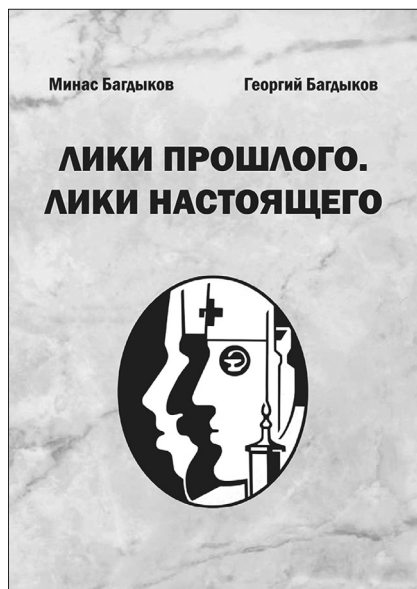
Но мне в 2024 году показалось интересным переиздать эту книгу отца под другим названием — «Лики прошлого. Лики настоящего». Сделал я это в своей редакции и добавил комментарии. Потому как то, что папе казалось в те годы очевидным, сегодня уже многим непонятно. Но вместе с тем, надеюсь, сегодняшнему читателю будет интересно узнать, чем жили в те годы люди, о чем думали, как рассуждали.

Например, я с увлечением читал рассуждения отца о платной медицине. Он считал ужасным, что в то время, когда люди нищают, услуги в здравоохранении пусть и частично, но стали делать платными. Вообще, он придерживался очень правильных взглядов, если так можно выразиться. Для него медицина была не просто благородной профессией, в которой сочетаются наука и искусство, но еще и неким служением. Отец не допускал формализма, бездушия, коммерциализации помощи людям в профессии. Он действительно долго не мог привыкнуть, что в здравоохранении многое стало платным.

Конечно, в этой книге представлен субъективный взгляд отца на происходящее вокруг. Но в те годы так мыслил не только он, но и некоторые представители ро-

Книга «Лики прошлого».

Книга «Лики прошлого.
Лики настоящего».

стовской, да и российской, интеллигенции. Потому, на мой взгляд, портреты людей и ценны: о них всегда интересно и поучительно читать.

Мне показалось важным написать небольшое продолжение этой книги, внеся некоторые пояснения и рассказав о жизни папы и нашей семьи.

Потому книгу я решил назвать «Лики прошлого. Лики настоящего». Ведь в дополнении я попытался посмотреть на все с позиции именно сегодняшнего дня. А «лики настоящего» — разные. Но в них тоже есть много хорошего и прекрасного.

За свою жизнь отец выпустил немало книг. Посвящал работы и нахичеванской медицине, и церковным вопросам, и отцу-основателю города Нор Нахичеван архиепи-

скопу Иосифу Аргутинскому, писал мемуары, очерки и научные работы.

Знаю, что к папе с большим уважением относились такие известные краеведы, как Владимир Сергеевич Сидоров, Владислав Вячеславович Смирнов, Елена Петровна Смирнова, Александр Олегович Кожин.

Напомню, что Владимир Сергеевич Сидоров — автор уникальной «Энциклопедии старого Ростова и Нахичевани-на-Дону». Эта энциклопедия является моей настольной книгой, да и не только моей, потому что все краеведы нашего города обязательно обращаются к трудам Сидорова.

Нас с отцом нередко вдохновлял на творчество и краеведческие изыскания именно Владимир Сергеевич. Именно поэтому, когда в 2011 году мы издали книгу «Арутюн Халибян» из серии «Жизнь замечательных нахичеванцев», то посвятили ее светлой памяти историка, писателя, публициста, краеведа Владимира Сидорова. Ведь именно он вдохновил нас с отцом в свое время на написание этой книги.

Помню, как В. Сидоров говорил: «Вот вы много пишете о легендарном нахичеванском голове Минасе Ильиче Балабанове. И правильно делаете. Достойный был человек. Но не забывайте о Халибяне. Эта личность еще малоизучена. Неоднозначный, но очень яркий и интересный был человек».

Кстати, именно Сидоров горячо поддержал инициативу моего отца и Нахичеванской-на-Дону армянской общины по установке бюста архиепископа Иосифа Аргутинского. И как мы знаем, к счастью, этот памятник теперь украшает центр Нахичевани.

А еще Владимир Сергеевич Сидоров очень тепло и по-доброму относился ко мне и моему творчеству.

В 2002 году он подарил мне свое трехтомное собрание сочинений. Первый том назывался «После жизни». Он мне написал автограф: «Багдыкову-сыну с доброй завистью к его краеведческим и литературным успехам. С пожеланиями «продолжение следует». В. Сидоров. 12.07.2002».

Понятно, что Владимир Сергеевич Сидоров называл меня «Багдыков-сын» потому, что он был в дружеских отношениях с моим отцом. Не знаю, почему я ему так, как говорится, запал в душу, но мне это невероятно приятно. И этот автограф, конечно, очень дорог мне.

А еще я запомнил презентацию книги «Арутюн Халибян». Она проходила в Музее русско-армянской дружбы на площади Свободы в Нахичевани.

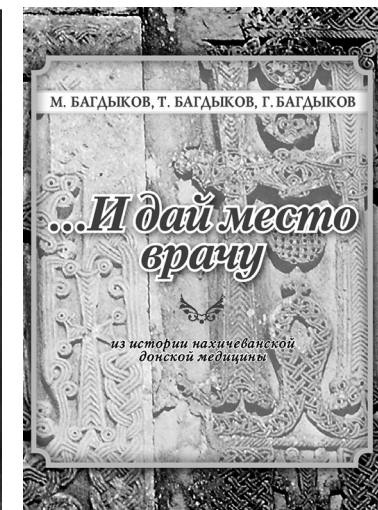
Эта презентация запечатлелась в памяти также тем, что на ней с музыкальным приветствием выступал папин коллега, известный ростовский психиатр и певец Олег Яковлевич Силецкий.

Олег Яковлевич вместе с профессором Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова, известным музыковедом и певицей Натальей Алексеевной Мещеряковой подготовил не просто музыкальный подарок. Это была яркая, насыщенная программа, я бы сказал, настоящая лекция. Романсы, которые были исполнены в тот вечер в старинном здании Музея русско-армянской дружбы, не могли не тронуть сердца собравшихся гостей. Мещеряковой и Силецкому неподражаемо аккомпанировала концертмейстер Ростовской государственной консерватории Элеонора Александровна Рабинович.

Редактором книги «Арутюн Халибян» была Нонна Владимировна Мирзабекова. Ее супруг, известный док-

Книга
«Арутюн Халибян».

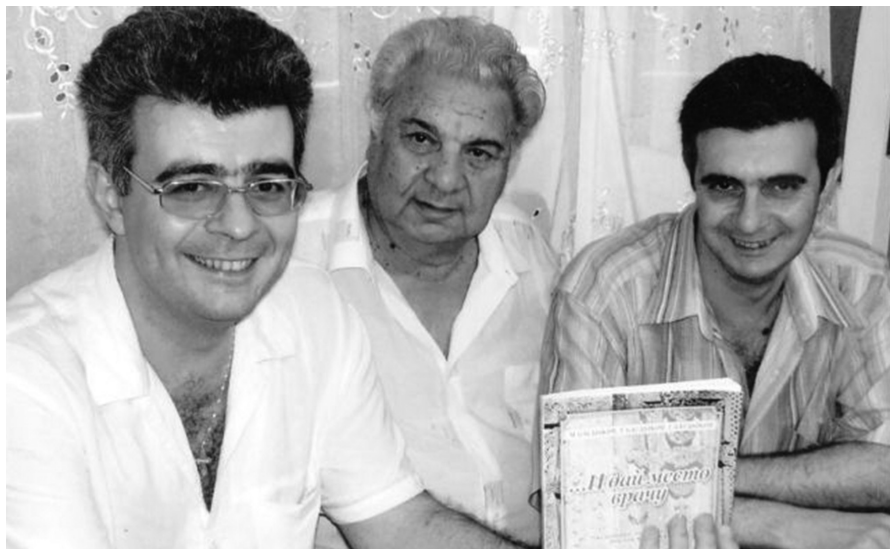

Книга
«...И дай место врачу».

тор и ученый, писатель и поэт, публицист и общественный деятель, музыкант и композитор Аркадий Константинович Мацанов, был не только коллегой, но и другом моего отца. Мы всей семьей часто приходили на презентации книг Мацанова, а он, в свою очередь, приходил на наши мероприятия. С отцом они говорили о многом, и об истории медицины на Дону в том числе.

Минас Георгиевич глубоко занимался исследованием нахичеванской медицины. Итогом этой работы стала книга «...И дай место врачу. Из истории нахичеванской донской медицины». Она вышла в свет в 2006 году. К своей исследовательской работе папа привлек и меня с братом Тиграном.

Книга «...И дай место врачу» представляет собой научно-популярное исследование, прослеживающее историю формирования и развития донской медицины

*Минас Георгиевич с сыновьями Георгием и Тиграном
с книгой «...И дай место врачу».*

со времени переселения крымских армян на юг России по указу Екатерины II.

Редактором книги, как и многих других работ отца, была Нонна Владимировна Мирзабекова.

Кстати, папа с Нонной Владимировной сотрудничал очень плодотворно. Когда-то в соавторстве с ней нами была написана книга «Нахичеванский базар», которая, к сожалению, по объективным, субъективным и финансовым причинам так и не вышла в свет.

Почему мы в свое время решили написать с Нонной Владимировной Мирзабековой книгу «Нахичеванский базар»?

А потому, что фактически армянский город Нор Нахичеван начал свое существование именно с базара. Первое, чем стали заниматься армяне, переселившись

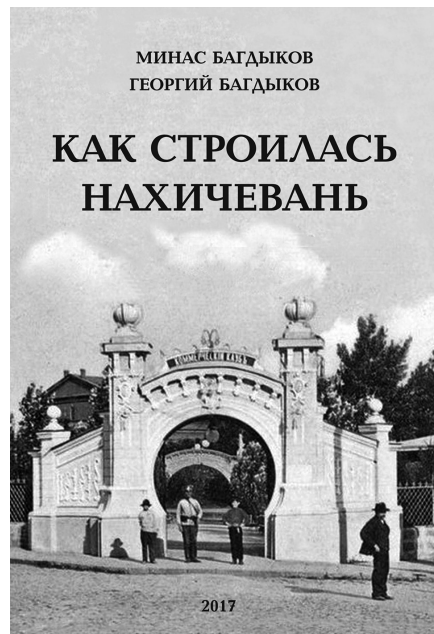
Презентация книги «Арутюн Халибян».

на донскую землю, — торговля. И сразу приступили к возведению церквей.

Но пока строились храмы, жилые дома, именно торговля помогала армянам выживать. А льготы, которые даровала императрица Екатерина Великая, позволили очень быстро превратить Нахичевань в один из самых крупных и экономически развитых городов юга России.

После неудачи с книгой «Нахичеванский базар» мы с отцом решили написать другую работу — «Как строилась Нахичевань».

Это была наша попытка рассказать читателям о том, как все начиналось, как появлялись храмы, расцветали торговля и экономическая деятельность армян на Дону.

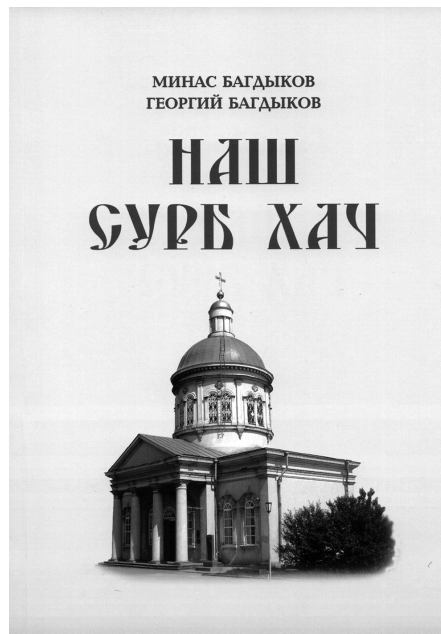

Книга
«Как строилась Нахичевань».

К 240-летию со дня основания города Нор Нахичеван по благословению священника Тер Погоса мы с отцом издали книгу «Наш Сурб Хач». Для отца этот труд был очень важен. И вот почему.

Святой Крест донского армянства — так называют армянский монастырь Сурб Хач. Этот Святой Крест освящает духовную и мирскую жизнь донских армян и сегодня.

Книга «Наш Сурб Хач» — это очень скромная и робкая попытка обобщить историю Сурб Хача. Эту работу можно было бы даже назвать «Краткая история армянского монастыря Сурб Хач».

Книга
«Наш Сурб Хач».

Мы были уверены, что исследовательская работа по изучению истории донских армян, их культуры будет продолжаться и далее. К счастью, так и происходит. Краеведы, да и автор этих строк, немало времени сегодня уделяют изучению истории Сурб Хача.

Такую исследовательскую работу мы с отцом всегда считали крайне важной. Потому что путеводной звездой для всех армян Дона всегда будет оставаться Сурб Хач — Святой Крест донского армянства.

Повторюсь, что за свою жизнь отец написал немало книг, в том числе и мемуары. В 2019 году, за год до смерти, папа после долгих моих уговоров написал книгу «Мои воспоминания. Мысли о прожитом», которая сегодня, на мой взгляд, уникальна. Ведь в этой книге Минас Георгиевич описывает жизнь ростовчан в военные и послевоенные годы. Отец с любовью вспоминает своих друзей, учителей, которых чтит всю жизнь как самых дорогих и близких его сердцу людей.

В связи с этим, на мой взгляд, весьма поучительны его воспоминания о студенческой жизни, о тех годах, когда он только начинал свой путь в медицину и в большую хирургию. Я считаю, что благодаря таким воспоминаниям мы можем лучше понять наших родителей, осознать, какими проблемами, мечтами жили они, какими идеалами руководствовались в своей жизни.

Я также смог уговорить отца написать совместную книгу воспоминаний «Наши девяностые». Только дписывать эту книгу, к сожалению, мне пришлось уже самому — после смерти папы.

Книга «Наши девяностые» посвящена, разумеется, девяностым годам минувшего века, медсанчасти завода «Ростсельмаш», нашей работе в этой медсанчасти и

коллегам, докторам, с которыми нам довелось трудиться в тот период.

Отдельная глава в книге рассказывает о друзьях больницы — о тех людях, которые в трудные девяностые годы старались помогать медикам в меру своих сил и возможностей.

Мы с отцом решили, что писать надо не о времени, а о людях. Ведь через портреты коллег и друзей больницы будет передано то время и та эпоха, в которой им довелось жить.

Эту книгу, как уже говорилось, я смог издать лишь после смерти папы. И она была уже данью его светлой памяти.

После того как отец ушел из жизни, возникла идея написать книгу уже о нем. Эту мысль от всего сердца поддерживали Нонна Владимировна Мирзабекова, исполнительный директор Нахичеванской-на-Дону армянской общины Сергей Михайлович Саядов и председатель Нахичеванской-на-Дону армянской общины Арутюн Арменакович Сурмалян.

И в 2021 году в серии «Жизнь замечательных нахичеванцев» вышла в свет книга «Несущий свет. Минас Багдыков». Она была посвящена истории жизни врача, краеведа, общественного деятеля Минаса Георгиевича Багдыкова.

Редактор этой книги, автор и составитель Нонна Владимировна Мирзабекова писала так:

«Коренной нахичеванец, чьи предки пришли на донскую землю в 1779 году, он нес в себе лучшие черты, присущие жителям Дона XX века, — профессионализм, интернационализм, преданность Родине и однажды выбранному делу. Заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук, действительный член Международной

Книга «Минас Багдыков».

академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), Минас Багдыков все свое свободное время посвящал изучению и описанию истории города Нахичевани, ее обитателей. Он своей первой книгой по краеведению «Нахичеванские портреты» (1991), последующими работами нарушил некий «заговор» умалчивания существования в восточной части Ростова до 1928 года армянского города Нахичевани — уникального в истории России урбанистического и культурного образования. То, что это дореволюционное название Пролетарского района Ростова активно используется современными ростовчанами, во многом и его, Минаса Багдыкова, заслуга».

Добавлю, что этот издательский проект был осуществлен в рамках культурной программы РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» (председатель правления — А.А. Сурмалян).

О творческом наследии своего отца и его вкладе в нахичевановедение я могу писать еще очень долго.

Но самой лучшей памятью для любого автора и пишущего человека, признанием его творчества является то, как читают книги, которые он написал.

Я убежден, что самая счастливая судьба книги — это когда ее зачитали до дыр. И самое печальное, когда берешь в какой-либо библиотеке книгу, а страницы у нее, как говорится, еще склеенные, то есть ее так никто и не читал. Нередко мне приходилось сталкиваться и с таким.

Любое дело должно жить — в этом заключается преемственность поколений. А потому надеюсь, что нахичевановедение будет и дальше развиваться.

Очень хотелось бы, чтобы история донского края была небезразличной подрастающему поколению. Я знаю, что именно об этом мечтал Минас Георгиевич Багдыков. И я хочу верить, что будет именно так!

ЮРИЙ ПЕСКОВ — ОСОБЫЙ ДРУГ МОЕГО ОТЦА

У моего отца было немало друзей, с которыми он общался долгие годы, как говорится, с молодости до глубокой старости. Но были люди, к которым он относился с особым пиететом — не только с уважением, но и с неким трепетом.

Юрий Александрович Песков.

Именно таким другом отца и был генеральный директор завода «Ростсельмаш» Юрий Александрович Песков. Они дружили с молодости, вместе бывали на различных мероприятиях, любили ходить в сауну по выходным, выезжать с семьями и детьми на Левый берег и на другие базы отдыха «Сельмаша». Всегда было весело, тепло и хлебосольно. Естественно, что ребенком мне посчастливилось побывать на многих базах отдыха «Ростсельмаша», которые располагались в том числе и на Черном море, и в горах Кавказа.

У нас в библиотеке на почетном месте хранится книга Юрия Александровича Пескова «Жизнь, отданная хлебу России», которую он подарил моему папе. Эту книгу мемуаров Песков написал, находясь на заслуженном отдыхе. Он привел немало интересных деталей своей биографии, в том числе вспомнил и о дружбе с моим отцом.

Юрий Александрович оставил такой автограф: *«Моему другу и товарищу Минасу Георгиевичу Багдыкову. В день 70-летия. На долгую и добрую память. С уважением. Ю. Песков. 30.08.2006»*.

В книге мемуаров Песков очень трогательно описывает последние дни жизни своей мамы. Мама Юрия Александровича очень любила сирень и праздник 9 Мая — День Победы. Она каждый год возлагала большой букет сирени к Вечному огню, который располагается на площади Карла Маркса в Нахичевани. Но в 1980 году она этого сделать не смогла, так как тяжело заболела. Маму прооперировали, потом она находилась в реанимации, а Юрий Александрович был на сессии Верховного Совета СССР. Когда он вернулся, то встретился с моим отцом. Вот как он описывает эту встречу:

Книга Ю.А. Пескова
«Жизнь, отданная хлебу
России».

«Договорились в праздник встретиться с Минасом Багдыковым. Мы с ним дружили; и моя мать, и его мать, тетя Соня тоже знали друг друга.

Во дворе, где жил Минас, росла сирень. Мы наломали целую охапку. Принес ее, поставил в комнате у матери в огромную емкость — ни во что другое она не помещалась. Это было вечером 9 мая.

Мать очень обрадовалась сирени. Но это уже не она отнесла сирень к Вечному

огню, а мы принесли ей. А потом говорит мне:

— Сыночек, ты такой уставший... Пойди отдохни.

— Хорошо, мама. Пойду посплю. Завтра утром к тебе приду.

И мы с Минасом ушли. И в эту ночь, с 9 на 10 мая, она ушла из жизни».

У папы с Юрием Александровичем Песковым были доверительные отношения. Было время, когда они не просто тесно общались, но даже породнились, если можно так сказать. Что я имею в виду? Дело в том, что Песков был крестным отцом моего племянника Карена.

Карен родился 12 декабря 1995 года. Когда Песков узнал, что у папы родился долгожданный внук, то сразу приехал к нам домой в Нахичевань и сказал, что хочет быть крестным отцом Карена. Конечно, мы были счастливы.

Юрий Песков. Крещение Карена.

Папа в девяностые годы работал начмедом в медсанчасти завода «Ростсельмаш» (в народе эта больница была еще известна как «десятка», ныне — областная клиническая больница № 2). И я, и мой брат Тигран тоже работали врачами в медсанчасти завода.

Юрий Александрович был человеком слова. И если обещал что-то, то делал непременно.

Я помню этот знаменательный день — день крещения племянника. Все было очень торжественно, по семейному тепло.

Сегодня я думаю, что это был подарок судьбы. Потому что мне довелось общаться с легендарным человеком, столь много сделавшим для нашего города.

Уже нет на свете Юрия Александровича Пескова, нет на свете и моего отца. Но каждый раз день крещения

племянника я вспоминаю как один из самых светлых дней своей жизни.

В то время у меня было много надежд, вера в лучшее, и я никогда бы не поверил, что после ухода Пескова с поста генерального директора завода «Ростсельмаш» начнутся массовые сокращения рабочих, люди не будут получать зарплату месяцами. Конечно, не думал я тогда, что в 2001 году исчезнет и наша медсанчасть (впоследствии она станет Областной клинической больницей № 2).

Изменилось многое. И не все в лучшую сторону. Но это с моей точки зрения. Тогда, конечно, я этого всего не знал. Хорошо, что нам не дано знать свое будущее.

И все же, несмотря ни на что, я искренне рад, что мог общаться с неординарным и легендарным руководителем — Юрием Александровичем Песковым.

Он был масштабным человеком во всем. Бывал жестким, очень требовательным, мог и крепкое слово сказать. Но вся его деятельность была направлена на благо города и донского края.

В те годы, когда он руководил «Ростсельмашем», этот завод был градообразующим предприятием. «Ростсельмаш» был городом в городе, своим миром, своей страной — со своими детскими садами, рабочими столовыми, учебными заведениями, крупной больницей, мощной индустрией жилищного строительства. Почти полгорода возведено «Ростсельмашем». Не говоря уже о том, сколько спортивных баз, баз отдыха для рабочих было построено под руководством Юрия Александровича Пескова.

Даже уйдя на пенсию в 1996 году, Песков не сидел без дела. Юрий Александрович поселился в селе Новомаргаритово Азовского района. И там развил кипучую

деятельность. Он провел в село газ, водопровод, строил дороги, установил высоковольтную линию электропередач с трансформаторами, осуществил ремонт школы и детского садика, обустроил канализацию, организовал медпункт. В Новомаргаритово Юрий Александрович построил храм-часовню Святой Тамары в честь своей любимой жены, ушедшей из жизни из-за тяжелой болезни.

Песков как генеральный директор «Ростсельмаша» общался со всеми руководителями нашей страны, которые были после Сталина. Но каждый раз при встрече с ними он думал только о благе людей и о процветании своего предприятия.

Песков был даже в хороших отношениях с президентом Борисом Николаевичем Ельциным. Он буквально «выбивал» у него зарплату для рабочих. Помню, как мы надеялись, что Ельцин после выборов в 1996 году поддержит «Ростсельмаш» и медсанчасть. Ведь Ельцин в той предвыборной кампании не только пьяным танцевал у нас на стадионе, но еще и обещания раздавал. Как эти обещания потом были исполнены, я комментировать не буду. Как говорят, история не терпит сослагательного наклонения...

А что касается Юрия Александровича Пескова, то он навсегда останется в нашей отечественной истории как выдающийся директор и организатор.

И еще. Несмотря на свою жесткость как руководителя, Песков в душе, я думаю, все же был романтиком. Почему-то при чтении воспоминаний Юрия Александровича о его жизни и тяжелой работе, о встречах с генеральными секретарями ЦК КПСС, президентами мне больше всего запало в душу не это, а история с сиренью. Именно та охалка сирени, которую он подарил маме в последний день ее жизни, тронула мое сердце.

СЕМЕЙНЫЕ ЗАСТОЛЬЯ

Семейные застолья в моей жизни сыграли огромную роль, во многом сформировав меня как личность. Странно это звучит, наверное, для кого-то. Но было именно так. Потому что собирались за большими праздничными столами не только наши родственники, но и друзья семьи.

А друзья моих родителей были людьми неординарными, интересными, многогранно талантливыми. За столом собирались коллеги родителей, в том числе друзья-ученые, музыканты, актеры, художники, писатели, военные — да всех так сразу и не вспомнишь.

Знаете, какое одно из самых первых воспоминаний моей жизни?

Просыпаюсь в детской комнате и плачу. Заходит мама, целует меня, гладит и говорит:

— Наш Ёрушка *(в детстве меня так ласково называли родные)* проснулся.

Следующее воспоминание. В гости приходят друзья родителей — Шапошниковы. Они дарят черного котенка, которого мы называем Маугли. Я, мой старший брат Тигран и Сережа Шапошников в детской комнате пытаемся напоить котенка.

Тут надо пояснить, что Тигран и Сережа были значительно старше меня. Тигран — на восемь лет. И если мне было где-то года три, то Тигран и Сережа по сравнению со мной были уже взрослыми ребятами.

Еще поясню: Сережа — сын профессора Александра Васильевича Шапошникова, который уже в те годы был известным хирургом, ученым, много лет работал с отцом в мединституте. Они вместе занимались наукой, преподавали студентам. Соответственно, и в тот день у

*Минас Георгиевич с супругой в гостях
у профессора Шапошникова.*

родителей были какие-то важные беседы за праздничным столом. А мы, как я уже писал, с Сережей и Тиграном пытались напоить котенка Маугли.

Затем вспоминается праздничный стол, на котором стоял большой торт «Наполеон» со свечами. И все так радовались, когда я пытался эти горящие свечки задуть.

После смерти мамы я поймал себя на мысли, что торт «Наполеон» у меня теперь всегда ассоциируется с праздниками. Ведь она каждый раз пекла его на мой день рождения, на Новый год, да и на все праздники.

Вообще, любые праздники в детстве я очень любил. Потому что мама готовила мои любимые блюда. Конеч-

*Минас Георгиевич с супругой и профессор Александр
Васильевич Шапошников с супругой Лидией Максимовной.*

но, традиционный салат оливье, но особенно я ждал маминых пирожков с мясом, ее сладостей и тортов.

Замечу, что пирожки она делала по-особому. Они были маленькими — треугольной или прямоугольной формы, что само по себе уже необычно.

Интересно, что тесто для торта «Наполеон» и для пирожков готовилось одинаково.

До сих пор удивляюсь, как моя мама, которая долгие годы работала учителем музыки, преподавателем скрипки, не одно десятилетие заведовала струнным отделением музыкальной школы имени М.Ф. Гнесина, на-

ходила время накрывать шикарные столы для многочисленных родственников и друзей. Но она была именно такой — трудолюбивой, гостеприимной, приветливой и доброжелательной.

Как-то я нашел фотографию торта «Наполеон», который, как можно судить по снимку, мама приготовила, когда мне исполнилось два годика.

Последний «Наполеон» она испекла мне, когда «мальчику» исполнилось 53.

Конечно, невероятно больно и грустно, что мамы нет рядом. Но ведь Господь даровал мне великое счастье: пятьдесят три года быть с ней рядом.

Помню, в детстве я очень любил, когда к нам в гости приходила семья Кудрявцевых. Почему? Потому что Герман Васильевич, или дядя Гера, как я его всегда называл, любил играть с нами, с детьми. Он вообще очень любил детей.

Герман Васильевич Кудрявцев и его супруга Татьяна Васильевна дружили с моей семьей много лет. Я их помню, как говорится, с пеленок. А с их сыном Димой мы с братом Тиграном тоже дружили, наша молодость прошла вместе — вместе отмечали дни рождения, свадьбы, праздники.

Герман Васильевич Кудрявцев долгие годы работал первым секретарем Железнодорожного райкома партии, а затем был первым секретарем Ленинского райкома партии города Ростова-на-Дону, то есть он был руководителем этих крупных и важных районов города. Герман Васильевич был человеком образованным, эрудированным.

В детстве я очень любил дядю Геру еще и потому, что с ним можно было «по-взрослому» поговорить за жизнь.

Герман Кудрявцев с маленьким Кареном.

Герман Васильевич был всегда опрятно и красиво одет. От него пахло хорошим одеколоном. Я хорошо помню этот запах, так как мне он очень нравился.

Помню, как семья Кудрявцевых приходила к нам на различные праздники. Мы вместе отмечали Новый год, 1 Мая, День Победы.

Взрослые гуляли до позднего вечера. Мне тоже хотелось быть с ними. Спать идти я не желал. Только дядя Гера мог меня уговорить отправиться спать. Я до сих пор вспоминаю, как он брал меня на руки, а я, прижавшись к его рубашке, сладко засыпал.

В те годы мы с Кудрявцевыми часто ездили отдыхать на море, в горы. Особенно мне памятна поездка в Северную Осетию, в Дигорию.

Конечно же, общение с семьей Кудрявцевых — это дружба длиною в жизнь.

Профессор Герман Аронович Матвеев читает стихи.

Особо трепетно и с любовью я всегда относился к семье Матвеевых. Герман Аронович Матвеев для меня всегда был примером настоящего русского интеллигента, а его супруга Лидия Дмитриевна, будучи учительницей русского языка и литературы, долгие годы возглавлявшая школу № 14 (ныне гимназия № 14) в Нахичевани, воспитала не одно поколение ребят.

Очень любил, когда на наших семейных застольях Герман Аронович читал стихи. Я погружался в удивительно прекрасный мир поэзии разных времен и народов, в том числе и поэзии Серебряного века.

Мы, дети, играя рядом со взрослыми, впитывали все это. Не устаю повторять, что это как эффект «соленого огурца»: находясь в соленом растворе, огурец неизбежно впитает соль. Так и мы, будучи детьми, впитывали эту «соль» настоящей русской культуры.

Кстати, с детьми Лидии Дмитриевны и Германа Ароновича — Машей и Лешей — меня связывают крепкие

Семья Манукян на юбилее Минаса Георгиевича.

дружеские отношения. С Машей мы росли, как говорится, на «одном горшке». А с Лешей так и вообще, можно сказать, стали ближе, чем родственники. Мы с Машей являемся крестными родителями его дочки Лидочки.

Все те люди, которые приходили в наш дом, начинали потом дружить и между собой.

Мой старший брат Тигран учился вместе со Стасиком Барковским, а его родители были близкими друзьями моих, часто бывали у нас в гостях, мы также совместно выезжали на отдых.

Семья Манукян. К ней мои родители относились особенно трепетно. Дядя Гриша (Гурген Тигранович) и тетя Галя были с моими родителями и в радостные, и в трудные минуты. А с их сыном Тиграном меня и моего брата теперь связывают дружеские отношения.

Михаил Самуилович Сосин, банкир и замечательный поэт, его супруга, известная пианистка, профессор Ростовской государственной консерватории Сусанна Бо-

*Профессор Наталья
Алексеевна Мещерякова.*

рисовна Арабкерцева, всегда были не только желанными гостями, но и «украшением стола», как говорится. Михаил Самуилович читал свои стихи, а Сусанна Борисовна устраивала незабываемые концерты.

Я бесконечно благодарен музыковеду и профессору Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова Наталье Алексеевне Мещеряковой за те незабываемые творческие вечера, которые она устраивала в моей семье. Кстати, когда родители жили у себя на даче в Чалтыре, она приезжала к ним с маминной подругой — талантливой пианисткой Элеонорой Александровной Рабинович. Те незабываемые концерты до сих пор вспоминают наши соседи по Чалтырю.

К нам на дачу в Чалтырь приезжали и мамы школьные подруги, с которыми она дружила всю жизнь, со многими с первого класса. Это и Инга Захарова, Светлана Мегерян, Ирина Березина (Арзамасцева) и другие. Подумать только, сколько лет эти женщины тесно дружили, деля и радость, и печаль!

Мама уважала и высоко ценила своего директора школы Андрея Дмитриевича Горбова. Она считала, что ее успех как педагога обусловлен чутким отношением к ее работе именно директора школы. И это действительно

*Директор музыкальной школы имени М.Ф. Гнесина
Андрей Дмитриевич Горбов.*

но так. Он не только поддерживал маму в ее работе и творческих начинаниях, но и давал ей возможность делиться опытом с другими, включал в состав делегаций учителей, которые посещали разные страны. Так маме удалось побывать в Греции, Италии.

Андрей Дмитриевич с супругой бывали у нас в доме в Нахичевани и на даче в Чалтыре. И всегда их встречали как самых дорогих гостей.

Многие мамы коллеги-учителя становились и друзьями нашей семьи. Это и Лусабер Варткесовна Давидян, и Татьяна Карповна Теслина, и Алла Владимировна Ларина, и Любовь Николаевна Алавердян, и Наталья Михайловна Семенюк, и Седа Гайковна Ларина (Тер-

Акопян), и Эльвира Георгиевна Восканян, и Людмила Александровна Рыбальченко, и многие, многие, многие другие ее коллеги-педагоги приходили к нам в гости. К сожалению, я просто не смогу вспомнить всех — об этом надо писать отдельную книгу.

Могу лишь сказать, что Людмила Александровна Рыбальченко была создателем музея в музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина. И мама старалась поддерживать ее в этой работе. Порой она просила меня о той или иной помощи, в частности чтобы я осветил в прессе деятельность школьного музея. Все эти просьбы я с удовольствием выполнял.

Помню, как из Израиля к ней в гости в Чалтырь приехала ее подруга Маргарита Давыдовна Гутер, с которой она работала в музыкальной школе, со своей дочкой, которая находится сейчас в Ашдоде, известным музыковедом Нонной Гутер. Это был незабываемый теплый, добрый и очень музыкальный вечер у нас на даче.

Вообще, Нонна Гутер (Ипатова) — лауреат Всесоюзного конкурса музыковедов, проходившего в 1989 году в Москве. Так что мои родители с удовольствием общались с семьей Гутер на тему музыки весь вечер.

Особые дружеские отношения были у мамы с семьей Гентош. Эмми Иванович Гентош работал вместе с мамой в музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина, руководил ансамблем скрипачей, писал музыку, аранжировки. Помню, как они сидели в тени винограда во дворе нашего дома в Нахичевани, пили чай с вареньем маминого приготовления и обсуждали учебный процесс.

Вообще, родители дружили с разными людьми, представителями различных профессий. Они никогда не делили людей по национальности и даже по возрасту.

*Завуч музыкальной школы имени М.Ф. Гнесина
Любовь Николаевна Алавердян.*

Например, папа с мамой всегда были искренне рады, когда к ним в дом приходил доктор-стоматолог, краевед и писатель Яков Борисович Чубаров. Они относились к нему с любовью как к сыну и молодому другу.

Многие подарки своих друзей родители хранили у себя на даче в Чалтыре. Сегодня для нас это настоящий семейный музей: когда смотришь на его экспонаты, невольно окунаешься в прошлое и в минувшую эпоху. Там даже хранится военный бинокль и планшет, который папе на 50-летие подарил его друг — полковник Игорь Иванович Абахов.

Конечно, щемящее чувство ностальгии охватывает меня в такие моменты.

Обо всех друзьях родителей не напишешь в одном рассказе или одной главе. Повторюсь, что этой теме

*Любимые пирожки
моего детства.*

можно посвятить отдельную книгу. Это действительно так. Потому что это была целая эпоха. И практически все те люди, которые бывали у нас в доме, оставили яркий след.

Потому я бесконечно благодарен своим родителям за те семейные застолья, которые они устраивали в нашем доме. Сейчас я понимаю, что это было культурным явлением. И когда сегодня

говорят о культуре застолья и, так сказать, о правилах ведения стола, я всегда вспоминаю родителей: хлебо-сольство и гостеприимство мамы, доброжелательность папы. У него, кстати, была одна важная особенность, на мой взгляд: говоря о каждом госте, он старался не просто сказать что-то доброе в общем, а подчеркнуть именно ту положительную черту характера человека, которая известна многим. И тогда все это не выглядело неестественно, в каждом слове не было фальши, а все шло от души и сердца. Отец был прирожденным тамадой. При этом пил всегда в меру, был интеллигентен и почтителен к гостям.

Не скрою, сегодня мне не хватает в жизни именно таких ярких и запоминающихся встреч, которые были в те годы благодаря родителям.

Повторю еще раз: считаю, что те семейные застолья носили особый формат неких творческих встреч, а по-

тому и остались в доброй памяти у многих наших друзей — и у меня, разумеется, тоже.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Когда одна моя знакомая женщина при нашей встрече неожиданно спросила у меня: «Почему вы и ваш отец дружили с Пашиняном?» — я растерялся.

Действительно, мой папа Минас Георгиевич Багдыков был когда-то не только известным хирургом в городе, но и общественным деятелем, краеведом и публицистом, которого нередко приглашали на разные встречи со знаменитыми людьми. Например, папа как член правления Нахичеванской-на-Дону армянской общины встречался со многими армянскими президентами и премьер-министрами, в частности с президентами Робертом Кочаряном и Сержем Саргсяном. Он также вместе с правлением Нахичеванской-на-Дону армянской общины принимал в нашем городе легендарного разведчика Геворка Вартаняна с его супругой. Напомню, что эту супружескую пару считают одной из самых успешных в мировой разведке. До сих пор большинство операций Геворка и Гоар Вартанян все еще находится под грифом «секретно». Помните остросюжетный советско-французский фильм «Тегеран-43»? В этом кино советского разведчика играл замечательный актер Игорь Костолевский. Но никто тогда не знал, что прототипом главного героя был советский разведчик Геворк Вартанян.

На некоторых подобных незабываемых встречах посчастливилось побывать вместе с отцом и мне. Но я, правда, не помню, чтобы когда-либо и где-либо папа об-

Минас Георгиевич с президентом Армении Сержем Саргсяном.

щался с нынешним премьер-министром Армении Николом Воваевичем Пашиняном.

Признаемся честно: кто вообще у нас в России что-либо знал об этом человеке, который впервые появился на наших экранах телевизоров во время беспорядков в Армении 2018 года с рюкзаком за спиной и перебинтованной рукой? Эти беспорядки в Армении стали называть бархатной революцией, а небритого человека с рюкзаком — премьер-министром Армении Николом Пашиняном. Но до этого момента о Николе Пашиняне у нас в Ростове никто, по крайней мере мой папа уж точно, не знал. А значит, и встречаться с ним не мог.

Однако моя знакомая женщина продолжала настаивать на том, что папа и я общались с Пашиняном.

Минас Багдыков с супругами Вартамян.

— Вы не просто встречались, а дружили, он бывал у вас дома, — говорила она мне.

— Бывал у нас в доме? — моему удивлению не было предела.

— Конечно. Он еще работал фотографом.

И вот тут я понял, о ком идет речь. Действительно, мы дружили с Пашиньяном — только другим, фамилия которого пишется через мягкий знак и который и правда был известным фотографом в нашем городе. И не просто фотографом, а Мастером с большой буквы, настоящим художником. Карп Григорьевич Пашиньян. Я называл его человеком, которого «поцеловал Бог». Его фотографии — это произведения искусства, очень точно передающие срез времени, где оживает наша исто-

Фотограф Карп Пашиньян.

мнению Карпа Григорьевича, так было лучше, динамичнее, живее. И он оказался прав! Эти фото мне очень дороги. Я бережно храню их у себя дома.

Однажды ростовская журналистка и общественный деятель Нонна Владимировна Мирзабекова, увидев наши с отцом фотографии, сделанные Пашиньяном, сказала мне: «Попасть в пашиньяновский портретный ряд — честь, все его герои — не только люди, которых приняла душа мастера, но и те, кто уважаем и любим ростовчанами, кого ценят у нас на Дону».

Так что теперь я всем говорю: «Меня снимал не нынешний премьер-министр Армении, а не менее яркий и очень значимый в культуре Дона человек — Карп Григорьевич Пашиньян».

рия. В пашиньяновских фотопортретах всегда чувствуется человек, его образ, душа и характер. Эти фотографии — словно маленькие новеллы, эссе.

Для меня большая честь, что Карп Григорьевич снимал папу и меня, когда я еще был молодым доктором. Помню, он специально пришел в нашу больницу, чтобы провести фотосессию. Но снимать нас с отцом он решил не в рабочих кабинетах, а в больничном дворе. По

Полярник Чилингаров, депутат Ф.З. Хачатурян с супругой, Минас Георгиевич с супругой, политолог Андраник Мигранян.

Кстати, Карп Григорьевич ведь тоже совершил мягкую бархатную революцию в нашем крае. Только он никого не свергал. Он лишь возродил интерес жителей Дона к фотоискусству. Что очень важно. Говорят, красота спасет мир. Или красотой спасется мир. А я думаю, что в спасении человечества не последнюю роль сыграет искусство, раскрывающее в людях лучшие качества, говорящее о Любви, Доброте и Свете.

ВОСПОМИНАНИЯ МИНАСА БАГДЫКОВА О ВОЙНЕ

В 2019 году после долгих уговоров я наконец смог убедить своего отца написать воспоминания о Ростове в годы Великой Отечественной войны. Дело в том, что

Маленький Минас с лошадкой.

мой папа тогда был маленьким мальчиком, но обе оккупации немцами и те зверства, которые они творили, он помнил хорошо. И вот он наконец записал свои детские впечатления о том времени. Когда я прочитал, то был потрясен, какие ужасы ему пришлось пережить ребенком.

Убедить папу написать книгу воспоминаний было непросто. Он считал, что такой же, как все, что таких «детей войны» было немало — мол, ничего выдающе-

гося в его жизни, да и детстве, не было. Относил себя к типичным представителям поколения детей военного и послевоенного времени.

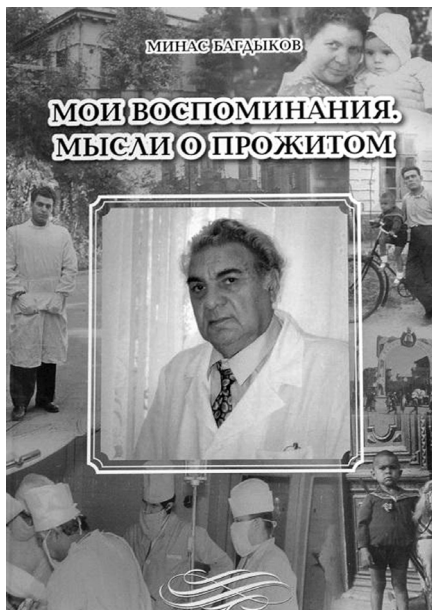
Помню, как мы в Нахичевани в квартире у родителей отмечали новогодние праздники. В гости к нам пришел известный ростовский журналист, в те годы работавший в «Вечернем Ростове», Александр Михайлович Оленев с супругой.

Услышав нашу с отцом беседу на тему его мемуаров, Саша тут же включился в разговор. Он помог окончательно убедить папу в том, что его воспоминания бесценны и крайне важны для подрастающего поколения.

Я очень благодарен своему товарищу за то, что он нашел нужные слова для отца. И тот загорелся наконец идеей написания мемуаров. И тогда, и сейчас, и в будущем всегда буду благодарить Сашу Оленева за это. Признаюсь, мои аргументы папа воспринимал не так значимо, вместе же с Александром нам удалось убедить отца. И он написал книгу «Мои воспоминания. Мысли о прожитом», которая сегодня, на мой взгляд, является уникальным документом ушедшей эпохи.

А началось все с того, что когда-то у папы в книге «Нахичеванские портреты» я прочитал такие строки:

«Вспоминается день объявления войны. Утро, когда все с вытянутыми и тревожными лицами сидели почему-то в темной комнате, у приемника. Узнав о беде всенародной, бабушка достала икону Божьей матери, которой ее благословили родители, и повесила в центральной комнате, в углу, где ей и положено висеть. В период оккупации города фашистами Розалия Георгиевна, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью близких, охраняла и прятала еврейскую семью, жившую в нашем дворе. За ними буквально охотился омер-

Книга «Мои воспоминания.
Мысли о прожитом».

производили русские полицейские, которые, желая выслужиться, проявляли особую жестокость. Несколько раз мне с мамой приходилось оказаться в облаве на Навицхеванском базаре, когда все выходы перекрывались и окруженный полицейскими народ грубо подталкивался к выходу. Каждый подвергался обыску, проверке документов. Люди с особым омерзением смотрели на этих услужливых предателей с повязками на рукавах».

Далее отец описывает совершенно жуткую сцену, которую ему пришлось видеть. Мальчик, армянин девяти лет, испытывая муки голода, не удержался и, проходя мимо женщины, продававшей пирожки, схватил один пирожок и стал жадно запихивать его себе в рот. На

зительный тип, занявший комнату этих несчастных. К нам в дом по доносу ворвались фашисты с требованием предъявить паспорта, считая, что мы тоже евреи. Минута была трагическая, защищать некому, но бабушка сохранила мужество, убедила, что это семья армян. Как только наши войска выбили немцев из Ростова, бабушка отправилась в церковь и отслужила молебен».

В другой книге, «Мои воспоминания. Мысли о прожитом», он пишет:

«Особый ужас на всех

Театральная площадь в годы войны.

крик этой женщины прибежал полицей и стал избивать ребенка. Затем полицей повалил пацана на землю и начал бить несчастного лицом о мостовую. У мальчишки вылетали зубы, он давился окровавленными кусками теста, а полицей продолжал избивать ребенка ногами. И никто не решился вступить за мальчишку.

Я был потрясен, когда прочитал эти воспоминания своего отца. Каким надо быть недочеловеком, чтобы так издеваться над голодным ребенком?

Однако не только полицей, но и фашисты творили немало зверств. С особым цинизмом и жестокостью они уничтожали еврейское население Ростова.

Папа описывает страшную судьбу своей соседки Марии Моисеевны. Наши предатели выдали Марию Моисеевну фашистам. И сделали они это только для того, чтобы завладеть квартирой несчастной женщины. Отец

вспоминает, как он дружил с еврейскими детьми. Но в один ужасный день счастливое детство закончилось. Разве не страшно читать такие строки отца:

«Схватив Марию Моисеевну за руку, жандарм поехал вверх на мотоцикле по 23-й линии, несчастная бежала за ним, спотыкаясь, падая и снова вставая. Следом бежали с криками злодеи, предавшие нашу соседку. Страшная процессия, происходившая на глазах у жителей квартала, женщин и детей, выглядывавших из окон своих квартир, продолжалась до входа в жандармерию, куда с криками: «Это еврейка!» — вбежали и ее преследователи. Мама и бабушка побежали вслед за Марией Моисеевной. Они видели, как ее втокнули в помещение жандармерии. Мама и бабушка побежали к нашему соседу, ставшему важной фигурой в период оккупации города фашистами, ходил он с повязкой полицейского на рукаве, звали его Ишхан. Это был небольшого роста молодой человек. Мама и бабушка наперебой стали убеждать его в том, что Мария Моисеевна полька и у нее это написано в паспорте. Наконец он соизволил пойти в полицейский участок, куда ввели Марию Моисеевну, мама и бабушка шли сзади и видели, как он вошел в здание. Вскоре Ишхан вышел, важно подошел к ним и объяснил, что нашу соседку-еврейку только что увезли в машине на место ее постоянного пребывания. Действительно, они видели, как темного цвета крытая машина отъехала от жандармерии. Они также видели, как возбужденные, радостные предатели возвращались домой. А Марию Моисеевну увезли на расстрел в Змиевскую балку».

А еще в подвале нашего семейного дома на 23-й линии пряталась еврейская семья. И это было очень опас-

но и чревато для семьи Багдыковых. Ведь если бы об этом узнали фашисты, то расстреляли бы всех. Никого бы они не пощадили — ни нашу семью, ни еврейскую. Но мои родственники не могли поступить иначе. Ведь мы с соседями всегда жили одной семьей, не деля людей по национальному признаку.

Мой отец вспоминает:

«У нас в подвале находились муж и жена, жившие в соседнем доме, по фамилии Митрополитанские. Глава семьи был высокообразованным человеком, профессором. Обычно во время бомбежек они приходили в дом нашей тети и вместе с ней спускались в подвал. Долгое время двери в подвал были заперты и нас, детей, туда не впускали, но однажды мы с братом обнаружили, что входная дверь в подвале открыта. Спустившись вниз, мы там никого не нашли. Оказывается, понимая угрозу от соседа-предателя, выбрав удачное время, они ушли к другим своим знакомым. И все же в наш дом внезапно громко постучали, вошли немцы с русскими полицейскими. Они стали обыскивать комнаты, офицер обратил внимание на кабинет профессора Карташева, мужа нашей тети, Софьи Минасовны, стали внимательно изучать шкафы с книгами, особенно им понравились довоенные издания научных трудов профессора в Германии. Забрав два великолепных цейсовских микроскопа, они опечатали дверь кабинета и запретили нам ее открывать. Младший брат моего дедушки Христофор Артемович, пожилой человек, работавший еще при царском режиме коммивояжером фирмы «Генч-Оглуев и Шапошников» и немного владевший немецкой разговорной речью, стал возмущаться и не давать микроскопы. Тогда офицер, выхватив пистолет, выстрелил в потолок, охладив пыл нашего дяди. Солдаты, которым

было поручено нести футляры с микроскопами, выйдя за ворота, раскрыли их, вынули микроскопы, стали что-то выкручивать, потом забросили их на крышу соседнего дома. Наш дядя Христофор не переставал возмущаться поведением немецкого офицера и солдат. У него о немцах было совершенно другое представление. Играя с нами в шахматы, он не переставал вспоминать свое общение с немецкими коммерсантами, подчеркивая их деловую порядочность, культуру немецкого народа, литературу, искусство, — и вдруг стрельба в доме, воровство микроскопов, их уничтожение. Старому человеку этого было не понять».

Зато мне теперь стало хорошо понятно, почему мой папа всю жизнь не мог спокойно слушать немецкую речь. Она ассоциировалась у него с врагами, с опасностью.

Отец любил классическую музыку. Был сам неплохим музыкантом. Но не мог слушать Вагнера. Почему? А потому что это был любимый композитор Гитлера, потому что Вагнер был антисемитом и именно этим вызывал восхищение бесноватого фюрера. Вагнера считают гениальным композитором. И отец никогда не оспаривал его талант. Он просто не мог его слушать.

Он всегда мне рассказывал о великой немецкой культуре, о трудолюбии этого народа. Но так и не смог преодолеть свой детский страх, связанный с немецким языком. Как папа мне признавался, он всегда внутренне вздрагивал, когда слышал немецкую речь. Он объяснял это так: *«Со времени оккупации города у меня на всю жизнь осталось чувство страха и незащищенности, когда городом правят чужие и звучит чужая речь».*

В книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом» отец также писал:

«Помню, как много снарядов с неповторимым шелестящим звуком пролетало над нами, когда мы прятались в доме на 23-й линии! Как-то во время одной из немецких бомбежек перед оккупацией города меня встревожили и насторожили звуки приближающейся беды. Невольно вобрав голову в плечи, я услышал, как снаряд взорвался, упав где-то рядом. Затем вновь повторился звук и очередной взрыв снаряда. После зловещей тишины — вновь звук летящего снаряда над нами, но взрыва не последовало. Утром, выйдя на улицу, мы обнаружили, что один снаряд разрушил великолепный дом метрах в пятидесяти от нас, другой попал в соседский флигель, а третий глубоко вошел в землю в конце нашего двора, не взорвавшись. Его обнаружили лишь спустя 70 лет при рытье котлована».

Конечно же, мы должны сегодня сделать все, чтобы фашизм больше никогда и нигде не поднял голову. Поэтому, мне думается, детские воспоминания моего отца действительно важны сейчас для подрастающего поколения.

Еще папа вспоминал один случай во время войны, который тронул меня особо. Моя бабушка Сусанна проявила отвагу, когда жила с детьми на площади Толстого в доме Когбетлиева (ныне офис строительной фирмы «Кристина»). Она спасла от смерти советского подпольщика.

Отец в книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом» пишет:

«Как-то ночью, когда мы с братом уже улеглись спать, в дверь постучали. Это был наш сосед дядя Вася. Мама открыла ему дверь. Войдя, он сказал: «Сусанна, мне надо спрятаться у тебя за окном, за мной должны прийти полицейские». Окно было открыто,

*Выступление в Донской публичной библиотеке во время мероприятия, посвященного событиям в Змиевской балке.
Фото Александра Липковича.*

и он вышел в темную морозную ночь, спрятавшись за колонну. Спустя некоторое время в нашу дверь громко постучали, вошли двое наших полицейских и немецкий солдат. Обыскав квартиру, они ушли. Мама открыла окно и позвала дядю Васю. Окоченевший, он отогревался всю ночь, а как только рассвело, ушел. Оказывается, дядя Вася входил в группу рабочих «Красный Аксай», освобожденных от армии по болезни, но несмотря на это у них было задание взорвать ремонтные мастерские, как только немцы начнут там ремонтировать свою военную технику. Уже в мирное время, имея инвалидность, дядя Вася работал билетером в кинотеатре

имени Фрунзе. Меня с братом он пропускал на все сеансы бесплатно...»

Вспоминал Минас Георгиевич и о тяжелых боях на Миус-фронте:

«Каждое утро, направляясь к бабушке, мы видели, как к дому «музыкантских воспитанников» подъезжали полуторки с молодыми солдатами, сидящими в кузове. Я с восторгом смотрел, как они выпрыгивали из кузова на тротуар, в них была сила, удаль, мальчишеский задор. Женщины нашего дома специально приходили, чтобы полюбоваться на этих красавцев солдат. Спустя две недели машины с солдатами перестали приезжать. Немцы крепко держались за Таганрог. На Миус-фронте шли ожесточенные бои. Как-то я заметил, что женщины нашего дома о чем-то говорят и плачут. Оказывается, они узнали, что многие молодые красавцы бойцы погибли в сражениях под Миусом...»

В мемуарах отец с любовью рассказывает о своей тетушке Софье Минасовне Багдыковой-Карташевой. Она была известным в городе акушером-гинекологом. Долгие годы проработала в роддоме № 2 Пролетарского района Ростова-на-Дону (в прошлом Нахичевани-на-Дону).

В годы оккупации нашего города фашистами Софья Минасовна с риском для жизни выполняла свой врачебный долг. Например, она вместе с подругой Е. Тищенко помогала раненым советским бойцам. Когда шли ожесточенные бои за Ростов, переправа через Дон проходила по 29-й линии в Нахичевани. Эту переправу бомбили. Софья Минасовна с подругой бесстрашно помогали раненым солдатам.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы немало ростовских мальчишек подрывалось

на гранатах и снарядах, которые брали в руки из любопытства.

Минас Георгиевич Багдыков в книге «Нахичеванские портреты» вспоминает:

«Соседский мальчик, подросток, попал в беду: играя с запалом, при взрыве получил тяжелые ранения обеих кистей со значительным поражением пальцев. За хирургическую обработку ран взялась Софья Минасовна, пригодился опыт работы операционной сестрой. Она боролась буквально за каждый миллиметр хватательной поверхности оставшихся культей пальцев. Каро Топальян, которого врачевала Софья Минасовна, после освобождения города от фашистских захватчиков пошел учиться в ФЗО, на слесаря. Всю жизнь был инструментальщиком-лекальщиком. Его ювелирным мастерством восхищались реставраторы и неоднократно просили помочь в восстановлении найденного при раскопках древнего оружия».

После победы советских войск бабушка Минаса Георгиевича Розалия Георгиевна решила совершить паломничество в ростовский Сурб Хач. Она взяла с собой всех женщин из своей семьи, в том числе невесток и внуков. И они пешком из Нахичевани отправились в Сурб Хач, чтобы поблагодарить Всевышнего за Победу и спасение.

Эти воспоминания Минаса Георгиевича важны еще и потому, что в них он описывает жизнь советских людей, ростовчан, в послевоенные годы. Минас Георгиевич всегда с любовью вспоминал своих учителей, которых чтит всю жизнь как самых дорогих и близких его сердцу людей.

Учителя даже делились со своими учениками едой. Вот как об этом в книге «Мои воспоминания. Мысли о прожитом» писал отец:

«Мы заметили также, что наша пожилая учительница Глафира Вениаминовна, плохо одетая, практически без теплой одежды, с признаками недоедания на лице, после уроков приходила домой к тем ребятам, у которых не было зимней одежды и обуви. Она не только занималась с ними, но и приносила им положенный кусочек хлеба и конфетку. Где только у этой поистине святой женщины находились силы?!»

Не менее трогательны и его воспоминания о том, как он пошел в первый класс.

«После освобождения города 1 сентября мама повела меня в первый класс в школу, которая была расположена в уцелевшем доме на углу 27-й линии и улицы, по которой до войны шли трамваи. Возраст учеников был от 8 до 13 лет. Все вместе сидели в классе за столами и на разнообразных стульях, скамейках. Тетрадей, писчей бумаги, карандашей, учебников не было. Учительница писала буквы на доске, а каждый из нас пытался это повторить. Учебник-букварь был один на весь класс у учительницы. Спустя два месяца такой учебы класс был расформирован, и каждый пошел учиться в школу по месту жительства. Я оказался учеником школы № 10, расположенной на углу 13-й линии и улицы Мясникова. Каждое утро у входа в школу нас встречал директор Анатолий Парфенович Дерибин. Он доброжелательно всех осматривал и требовал, чтобы руки и обувь были чистыми. Обычно ребята учебные принадлежности помещали в сумку из-под противогаза, а чернильницу-«непроливайку» — в сшитый мешочек, привязанный к сумке, бока которого были вымазаны чернилами. Ребята постарше нередко приносили в класс патроны, запалы, затворы, порох. Договаривались после уроков пойти в разбитый театр имени Максима Горь-

кого. Главной заботой их были кресла, обитые кожей вишневого цвета, которая срезалась. На большой перемене в класс приносили поднос с кусочками хлеба темного цвета по числу учащихся, смазанными повидлом, и конфету (подушечку) — это было первое осязаемое свидетельство заботы о нас».

К своим друзьям-одноклассникам отец всегда относился как к родственникам. Потому что совершенно справедливо считал, что именно благодаря учителям и друзьям он и сформировался как личность и специалист.

Летом 2020 года к моему отцу Минасу Георгиевичу Багдыкову на дачу приезжали работники Музея русско-армянской дружбы специально для того, чтобы снять видеоролик для конкурса «Мое детство — война». Тогдашний руководитель этого музея (отдела Ростовского областного музея краеведения) Маргарита Юрьевна Соколова больше часа беседовала с папой не только о войне, но и о жизни, об истории Нахичевани, о послевоенном Ростове. Получился очень интересный и поучительный рассказ Минаса Георгиевича о его военном детстве, о жизни, об идеалах и мечтах советского послевоенного поколения.

Помню, как на сайте Музея русско-армянской дружбы я прочитал информацию, которая меня очень обрадовала:

«Дорогие друзья! Рады сообщить, что наш видеоролик с участием заслуженного врача Российской Федерации, краеведа Минаса Георгиевича Багдыкова для конкурса видеороликов «Мое детство – война» оказался в числе победителей регионального этапа конкурса. Напомним, в мае этого года Минас Георгиевич любезно согласился на предложение отдела «Музей русско-армянской дружбы» Ростовского областного

музея краеведения принять участие в видеосъемке и поделиться воспоминаниями о детстве, пришедшемся на годы Великой Отечественной войны. Встреча с Минасом Георгиевичем состоялась в начале лета этого года, было записано много видеоматериала. Однако далеко не всё, о чем рассказал Минас Георгиевич, вошло в видеосюжет, длительность которого была ограничена по правилам конкурса. Минас Георгиевич, чье детство прошло на территории исторической части Нахичевани-на-Дону, всегда охотно рассказывал о прошлом, делился тем, что знал и видел, с молодым поколением ростовчан.

К сожалению, Минас Георгиевич так и не узнал о победе в конкурсе: 3 октября этого года его не стало. Но мы уверены, Минасу Георгиевичу так же, как и нам, была важна не победа, а то, чтобы о событиях Великой Отечественной войны узнало и помнило как можно больше современников и потомков. Коллектив Музея русско-армянской дружбы выражает благодарность всем, кто поддержал видеоролик».

Узнав о победе видеоролика с участием моего отца в конкурсе «Мое детство — война», я подумал: как же хорошо, что мы с тогдашним руководителем Музея русско-армянской дружбы Маргаритой Юрьевной Соколовой убедили отца принять участие в этих съемках!

И как хорошо, что в 2019 году я смог убедить папу написать воспоминания о Ростове в годы фашистской оккупации и он успел издать эти мемуары.

«ДОРОГА В НОР НАХИЧЕВАН»

Мне посчастливилось вместе с моим отцом общаться и дружить с известными донскими поэтами Даниилом Долинским, Николаем Егоровым, Николаем Скрёбовым, Эдуардом Барсуковым, Владимиром Сидоровым.

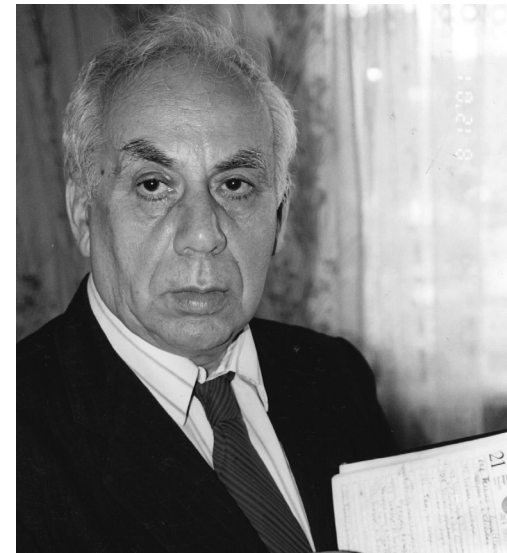
С Эдуардом Барсуковым моего отца связывали годы дружбы и общения. Они ходили друг к другу в гости, Эдуард Григорьевич приходил к отцу на юбилеи и дни рождения.

Именно Барсукову — одному из первых — папа рассказывал о том, что я уговариваю его написать книгу мемуаров, делился с товарищем воспоминаниями о том, как в детстве пережил оккупацию Ростова нацистами.

Эдуард Григорьевич Барсуков (1934–2019) вошел в историю донской литературы не только как поэт, но и как публицист и эссеист.

Барсуков писал об отце в «Донском временнике». А детские воспоминания папы, его жизненный путь Эдуарда Григорьевича тронули особо. Он даже посвятил отцу стихотворение «Дорога в Нор Нахичеван». Там есть такие строки:

*«Бомбежки, дым, смертельная страда,
На улицах хозяйничали немцы...
Дитя войны, боль эта навсегда
Осталась в Вашей памяти и сердце.
Чтоб выжить — надо все преодолеть,
Все превозмочь, взрослея с каждым разом.
А что такое голод, холод, смерть —
Вы знали не по чьим-нибудь рассказам!
Те годы отозвались неспроста
В душе врача, и мы не позабудем,*

Поэт Эдуард Барсуков.

*Как Вы пошли дорогою Христа,
Чтоб исцелять, давать надежду людям».*

Мне также посчастливилось творчески общаться с Эдуардом Григорьевичем Барсуковым. В 1995 году он написал рецензию на книжку афоризмов «Чаша мудрости», составителем которой я был и которая вышла в свет в издательстве Ростовского государственного университета.

Помню, как папа был счастлив, что Барсуков дал высокую оценку моему увлечению собирательством афоризмов, которое вылилось в сборник «Чаша мудрости».

Но главное не это. Меня тронуло, как верно и точно написал Барсуков: отец действительно пришел в этот мир «исцелять, давать надежду людям».

**МИХАИЛ СОСИН:
«КАК ЗДОРОВО, ЧТО МЫ ДРУЗЬЯ С ТОБОЙ»**

Михаил Самуилович Сосин был большим другом нашей семьи. Я знал его с детских лет. Он всегда приходил к нам домой на праздники со своей супругой, известной ростовской пианисткой, профессором Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова Сусанной Борисовной Арабкерцевой. В нашем дореволюционном доме в Нахичевани Сусанна Борисовна часто играла музыкальные портреты гостей и членов нашей семьи. Каждому человеку она подбирала мелодию, которая отражала его характер. Это были удивительно точные образы.

Михаил Самуилович всегда с восторгом и любовью смотрел на свою супругу. Говорил шутя, что он финансист, а потому человек нетворческий. На самом деле, конечно, это было не так. Михаил Самуилович прекрасно разбирался в музыке, литературе, да и сам писал стихи.

Я считаю, что именно Михаил Самуилович способствовал творческому успеху своей супруги. Он помогал ей во всем, создавал условия для работы. А ведь Сусанна Борисовна много гастролировала, давала немало благотворительных концертов, в том числе и в Ростове. Когда она тяжело заболела, то именно Михаил Самуилович окружил свою любимую супругу заботой, вниманием, сделал все, чтобы продлить ее жизнь. Мой отец также старался помочь Сусанночке, как ласково он ее называл, всем, чем мог. Но, к сожалению, коварную болезнь Сусанна Борисовна победить не смогла.

После смерти Сусанны Борисовны Арабкерцевой Михаил Самуилович сделал все возможное, чтобы уве-

*Михаил Сосин.
Фотография из газеты «Наше время».*

ковечить ее память в нашем городе. На доме, в котором жила профессор Арабкерцева, появилась памятная доска благодаря усилиям Сосина.

Минас Георгиевич с семьей Арабкерцевых.

Он организовывал концерты и издавал книги, посвященные светлой памяти Сусанны Борисовны.

Михаил Самуилович считал, что именно в любви есть смысл жизни. Сила любви Сосина была безгранична. Он любил друзей, родственников. На каждый праздник писал им, соответственно и нам, стихи.

Я его даже шутя назвал поэтичным финансистом или банкиром с душой поэта. Дело в том, что много лет Михаил Самуилович Сосин работал в банковских структурах нашего города.

К счастью, в жизни Михаила Самуиловича появилась новая муза — Галина, ставшая впоследствии его супру-

гой и второй половиной. Дядя Миша, как я его называл, приходил с ней к нам домой, мои родители ее также очень любили за обаяние, настоящую женственность, скромность и интеллигентность.

У меня дома хранятся стихи, которые прислал Сосин на последний день рождения отца. Мне они особенно дороги.

*«Как здорово, что мы с тобой друзья.
Друзья, а значит, не чужие.
А значит то, что мы: и ты, и я —
Хоть что-то значим друг для друга в этом мире.
И иногда мы думаем о нас,
И даже мысли наши рядом где-то,
А иногда, да, впрочем, всякий раз
Мы никому не говорим об этом.
Как будто это маленький секрет
Лишь только двух друзей.
Лишь только твой и мой.
Нам до других секретов дела нет.
Как здорово, что мы друзья с тобой».*

М. Сосин
30.08.2020

Светлый, добрый человек Михаил Самуилович Сосин — финансист с душой поэта, оставивший после себя яркий след.

Действительно, как здорово, что вы были друзьями с моим папой, как здорово, что были в этой жизни с нами.

ПРОФЕССОР НЕГОДАЕВ И ПАСХА МОЕГО ДЕТСТВА

Мои родители долгие годы, можно сказать, всю жизнь дружили с некогда очень известным ростовским профессором-философом Иваном Андреевичем Негодаевым и его супругой, ученым-химиком Калерией Клавдиевной Мороз.

Они приходили к нам в гости на праздники, в том числе на Новый год, Рождество и Пасху. Вот об этом, я думаю, надо рассказать подробнее.

В моей семье всегда торжественно отмечали Пасху. И в советское время тоже. Подчеркну это особо. Ведь в те годы никто из наших родственников и знакомых старался это не афишировать.

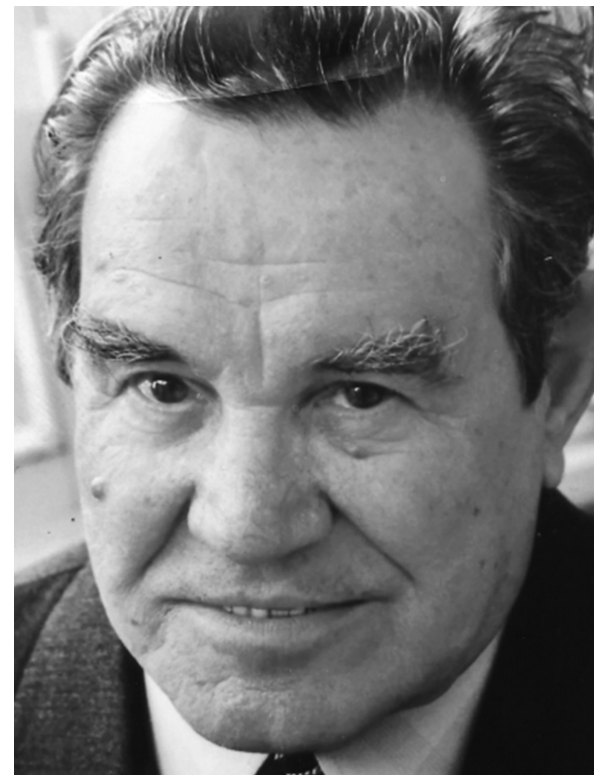
Напомню, что тогда за то, что отмечаешь религиозные праздники, могли выгнать из пионеров или комсомольцев. И даже можно было лишиться работы, тем более если ты работаешь в вузе, как мой папа, или в школе, как моя мама.

Давайте не будем забывать, что в советские годы господствовал атеизм. Правда, при Брежневе он не был воинствующим, но всё же...

А Иван Андреевич Негодаев преподавал еще и марксистско-ленинскую философию в вузе. К чему я это? Поймете. Но об этом чуть позже.

Я помню, как у нас в доме готовили куличи и красили яйца. Это был целый ритуал. Бабушка запрещала не то что ходить возле теста, но даже громко разговаривать на кухне. Иначе тесто, как она говорила, «не подойдет» и куличи не получатся.

Это было Таинство. Бабушка объясняла, что тесто для куличей необходимо готовить с особой любовью и спо-

Профессор Иван Андреевич Негодаев.

койствием в душе. Поэтому мы, дети, шуметь не имели права.

Как же был вкусен праздничный стол! Ему предшествовал поход в церковь. Делалось это тайно. Чтобы не дай бог там тебя никто не увидел и не узнал. Ведь возле церковей дежурили целые отряды комсомольцев и добровольцев. Они зорко следили за тем, кто посещает храм.

Но в этом плане нам повезло. Мы не ходили в центральные храмы, которые особо охранялись. В этот день

мы шли на армянское кладбище в Нахичевани. Повод понятен: хотим посетить могилы родственников. А потом, как бы случайно, кто-то заходил в армянскую церковь, молился и ставил свечи. Свечи покупались и для дома, чтобы зажечь их на праздничном столе. Самое интересное, что все в Нахичевани об этом знали. Многие ходили в армянскую церковь. Но все делали вид, что друг друга не замечают. Потом дома накрывался праздничный стол. Если кто-то из соседей случайно к нам заходил, то бабушка начинала объяснять, что внуки любят сладости и она поэтому напекла им куличей. А яйца покрасила для красоты. Внукам так нравятся крашеные яйца!

Господи, чего только бабушка не придумывала, чтобы никто из соседей или знакомых не догадался, что мы отмечаем Пасху. Слушая рассказы моей бабушки, соседи с пониманием кивали и улыбались. Кстати, они с удовольствием ели куличи, когда бабушка их угощала.

И вот однажды на Пасху к нам в дом пришел профессор Иван Андреевич Негодаев. Это случилось в тот момент, когда мы только что накрыли праздничный стол. Была немая сцена. Моя бабушка потеряла дар речи. Ведь Иван Андреевич Негодаев был известным партийным идеологом в нашем городе.

— Сусанна Леонтьевна, не волнуйтесь, — обратился он к моей бабушке. — Я очень люблю светлый праздник Пасхи, особенно пасхальные куличи.

Мы сели за праздничный стол, стали кушать, взрослые выпили, расслабились. Вдруг Иван Андреевич произнес:

— А вы знаете, кто был первым коммунистом на Земле? Иисус Христос.

Я обомлел. Как такое может говорить ведущий партийный идеолог Ростова?

После небольшой паузы Иван Андреевич продолжил:

— Я не оговорился. Первым коммунистом на Земле был Иисус Христос. Именно он стал защищать всех сирых и убогих, обездоленных и больных. Почитайте Нагорную проповедь Христа — это ведь кодекс строителя коммунизма.

Я был потрясен услышанным и решил, что Иван Андреевич просто изрядно выпил. Но потом папа мне рассказал, что когда мой дедушка (а я его полный тезка) умер, то Иван Андреевич Негодаев нес гроб с его телом до самого армянского кладбища в Нахичевани, а потом вместе со всеми отпевал в армянской церкви. Конечно, в те годы я не понимал, что происходит. Почему в школе на комсомольских собраниях партработники пропагандируют атеизм, а сами тайно ходят в церковь?

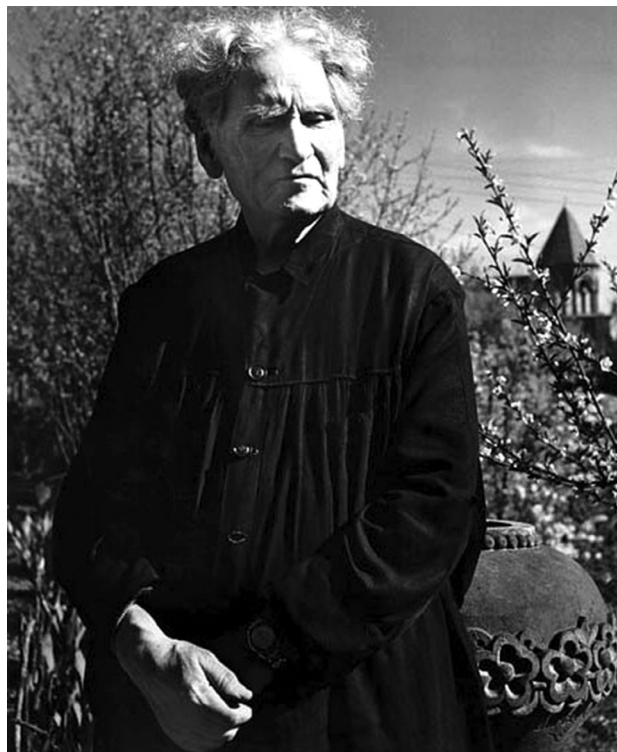
Но потом я понял, что в жизни все значительно сложнее. И самое главное — всегда оставаться порядочным человеком, уметь дружить и быть преданным этой дружбе. Вот Иван Андреевич был именно таким.

ВСТРЕЧА С САРЬЯНОМ

У моего отца в жизни было немало интересных и ярких встреч. О них и об общении с неординарными и талантливыми людьми он писал воспоминания и книги.

Но об одной его встрече мне захотелось рассказать особо. Ему посчастливилось общаться в Ереване с выдающимся советским и армянским художником Мартиросом Сергеевичем Сарьяном.

Думаю, что имя Сарьяна известно, пожалуй, каждому ростовчанину. Это и неудивительно, на мой взгляд, потому что художник был тесно связан с Ростовом, На-

Мартiros Сарьян.

хичеванью и Мясниковским районом Ростовской области.

Именно поэтому памятник Мартirosу Сергеевичу Сарьяну стоит не только в Ереване, но и в Ростове-на-Дону, в Нахичевани, где есть и улица его имени. Почему? А потому что Сарьян здесь родился. И произошло это в 1880 году.

Живя в Ереване, Сарьян всегда поддерживал тесную связь со своей малой родиной. Например, в тридцатые годы минувшего столетия он оформил спектакль Ро-

стовского театра драмы имени М. Горького «Тигран», поставленный по пьесе нахичеванского драматурга Федора Готьяна. В роли Тиграна был популярный актер того времени Николай Мордвинов. Более того, Сарьян написал портрет знаменитого актера.

А еще Мартiros Сергеевич Сарьян сыграл огромную роль в спасении армянского монастыря Сурб Хач, который известен ныне каждому ростовчанину. Именно Сарьян стоял у истоков создания Музея русско-армянской дружбы в 1972 году.

По рассказам отца я знаю, как любил Мартiros Сергеевич ростовскую Нахичевань. Дело в том, что мои родители нередко в те годы бывали в Армении, в Ереване. Там жил наш родственник, двоюродный брат моей мамы, известный армянский поэт Людвиг Дурян. И так уж получилось, что Дурян был в хороших отношениях с Сарьяном.

Как-то дядя Людвиг встретился с моими родителями и старшим братом Тиграном с Мартirosом Сергеевичем. Сарьян любил детей, а потому с большим интересом стал беседовать с моим братом. Тот был тогда маленьким мальчиком. И когда Сарьян спросил у него, где он живет, Тигран бесхитростно ответил, что живет в Ростове-на-Дону, в Пролетарском районе. Мартiros Сергеевич улыбнулся в ответ и сказал: «А я жил в Нахичевани. Почему Пролетарский? У вас что, есть Капиталистический район?»

Знаю также, что художник, как и многие донские армяне, очень хотел, чтобы Пролетарскому району Ростова вернули его историческое имя. Но как бы то ни было, в Ростове-на-Дону все называют этот район Нахичеванью и никак иначе. Так что память жива. И живет она в людях. А это самое главное.

Книга Валерия Рязанова
«От первого приюта
до наших дней».

Еще меня удивило, что воспоминания моего отца об общении с Сарьяном совпали с мнением его товарища, известного донского искусствоведа Валерия Васильевича Рязанова.

Не только моему отцу, но и мне посчастливилось общаться и дружить с искусствоведом и автором уникальной книги о художниках Нахичевани и Мясниковского района «От первого приюта до наших дней» Рязановым. Валерий Васильевич рассказывал мне, что когда он впервые оказался в Армении, то ему

показалось, что он уже хорошо знает эти места — по картинам Сарьяна. Они показались ему не только знакомыми, но и какими-то родными. А еще Валерий Васильевич говорил, что кисть Сарьяна — это продолжение его руки.

И мой отец, и Рязанов всегда говорили, что Сарьян — великий дар свыше. И большое счастье, что этот человек был тесно связан с нашим донским краем.

КАК НАЧИНАЛОСЬ СПАСЕНИЕ СУРБ ХАЧА Из воспоминаний Минаса Багдыкова

Немного истории

В 2019 году мы с моим отцом, известным хирургом, краеведом и публицистом Минасом Георгиевичем Багдыковым, написали книгу «Наш Сурб Хач». Почему мы решили создать этот труд? Потому что это место долгие годы являлось духовным центром донских армян и еще потому, что об этом нас просил тогдашний настоятель Сурб Хача — Тер Погос.

Датой основания армянского монастыря Сурб Хач считается 1783 год. Ростовский краевед Б.В. Чеботарёв в одной из своих статей в 1977 году писал: «*Среди историко-архитектурных памятников города Ростова-на-Дону церковь монастыря Сурб Хач (Святой Крест) занимает особое место. Это самое древнее каменное здание города Ростова. Оно также является своеобразным символом многовековой русско-армянской дружбы*».

Известный историк В.Б. Бархударян в монографии «История армянской колонии Новая Нахичевань» отмечал: «*Сурб Хач со дня основания (9 сентября 1783 года) и до 20-х годов XX столетия был одним из очагов культуры армянского народа, центром культуры армян Дона, новонахичеванцев*».

Монастырь всегда был духовным центром донских армян. Здесь архиепископом Иосифом Аргутинским была основана первая типография на юге России. Самой известной святыней Сурб Хача сейчас является хачкар IV–VI веков.

Под стенами монастыря нашли упокоение лучшие представители донских армян: М. Налбандян — писатель, демократ, общественный деятель, Р. Патканян — классик армянской литературы, А. Аламдарян — архимандрит монастыря Сурб Хач, автор первого русско-армянского словаря.

Церковь монастыря Сурб Хач является архитектурным памятником, построенным в стиле классицизма. Судьба храма в советские годы была печальна. Сурб Хач был на грани исчезновения.

От полного уничтожения монастырь Сурб Хач спасло создание Музея русско-армянской дружбы в 1972 году.

Многое для спасения Сурб Хача сделали известные общественные деятели из Нахичевани. Это прежде всего выдающийся художник Мартирос Сергеевич Сарьян и известный архитектор Марк Владимирович Григорян. Многие лучшие представители армянской и русской интеллигенции боролись за спасение монастыря Сурб Хач.

Надо сказать огромное спасибо Николаю Исаевичу Хафафяну, который руководил реставрационными работами. Впервые в советские годы на территории Ростова на храме монастыря Сурб Хач был установлен позолоченный крест. До этого кресты с церковью только сбрасывали.

Николай Исаевич Хафафян своей дочери, известному ростовскому музыканту и педагогу Любове Николаевне Хафафян (Алавердян), говорил: *«Любочка, как здорово мы придумали: ведь Музей русско-армянской дружбы спас от уничтожения армянский монастырь Сурб Хач. Мы сделали благое и Божье дело. Мы сохранили церковь и создали музей, который будет способствовать укреплению русско-армянской дружбы»*.

Долгие годы музеем заведовала историк, краевед Светлана Мелконовна Хачикян. В 2007 году ростовская администрация приняла решение о передаче здания армянского монастыря в пользование Армянской апостольской церкви, но с условием: Нахичеванская-Дону армянская община должна была приобрести и восстановить здание для Музея русско-армянской дружбы. Такое здание, к счастью, было найдено. Сейчас Музей русско-армянской дружбы находится в центре Нахичевани, в особняке Искидарова (это бывшая библиотека имени А.С. Пушкина) на площади Свободы.

В сентябре 2008 года Ростов посетил Католикос всех армян Гарегин II. Он принял участие в торжественном бо-

гослужении и освящении храма. Вот так восстановилась справедливость. В Ростове сохранился Музей русско-армянской дружбы и возродился монастырь Сурб Хач, который вновь стал духовным центром донских армян.

Когда пришла идея написать книгу?

Когда же нам с отцом пришла идея написать книгу «Наш Сурб Хач»? Дело было так. На концерте ростовского квартета «Эчмиадзин», посвященном 150-летию со дня рождения великого армянского композитора Комитаса, ко мне подошел Тер Погос — настоятель ростовской церкви Сурб Хач. Концерт проходил в стенах древнего армянского храма Пресвятой Богородицы (Сурб Аствацацин) в селе Большие Салы. Священник обратился ко мне с просьбой:

— Напиши, пожалуйста, о том, как твой отец в 60-е годы привозил делегацию молодых армянских писателей в монастырь Сурб Хач. Ведь он невольно оказался причастен к делу спасения монастыря.

— Мне как-то неловко. Будут говорить, что я восхваляю своего отца, — честно признался я.

— Никого не слушай. Я тебя благословляю на это благородное дело. Обязательно расскажи об этой истории людям, — сказал в ответ Тер Погос.

После того разговора прошло несколько месяцев, но я все никак не решался написать об этой поездке армянских писателей в Сурб Хач, хотя и побеседовал с отцом и записал его воспоминания. И вот как-то я заехал в Сурб Хач — привез в подарок книгу воспоминаний своего отца.

— Георгий, ты еще так и не написал о том, как твой отец привозил армянских писателей в Сурб Хач? Нет?

Книга «Наш Сурб Хач».

Жаль. Напиши. Я тебя прошу, — вновь обратился ко мне Тер Погос.

После этого я наконец решился написать. Вот как это было...

В шестидесятые годы в Ростов из Еревана приехала большая делегация молодых писателей, поэтов, журналистов, представителей творческой интеллигенции Армении. Среди членов этой делегации был наш земляк, двоюродный брат моей мамы, известный армянский поэт Людвиг Дурян (Кристостурян).

Основной целью армянской делегации было ознакомиться с жизнью и культурой донских армян, с трудовыми достижениями жителей Мясниковского района, села Чалтырь. В те годы подобные культурные обмены между Арменией и Ростовской областью были не редкостью.

Армянская делегация особенно восхищалась трудовой деятельностью хлеборобов Мясниковского района, многие из которых были награждены высокими правительственными наградами.

Поэт Людвиг Дурян много общался со своими земляками, восхищался самобытной культурой донских армян. Он каждый вечер приезжал в Нахичевань в гости к своей тете (теще моего отца Минаса Георгиевича и моей бабушке) Надежде Григорьевне (Арекназан Крикоровне) Крикостурян. Она долгие годы работала врачом-терапевтом в Чалтыре, в Мясниковском районе, в Ростове-на-Дону. Людвиг Дурян подолгу беседовал со своей тетей, записывал ее воспоминания, а она делилась с ним впечатлениями о военных годах, о своих трудовых буднях.

Вместе с Людвигом в дом к тете часто приходили и его друзья-писатели. Надежда Григорьевна была гостеприимным человеком. Она всегда накрывала стол, угощала гостей блюдами донских армян. Молодые писатели пили армянский коньяк и беседовали об истории, о переселении армян из Крыма на Дон, о древней столице Армении Ани, где жили предки донских армян.

И вот в один из дней зашел разговор о бывшем армянском монастыре Сурб Хач — о том, что этот монастырь долгие годы был духовным и культурным центром донских армян, о том, что в монастыре похоронены выдающиеся армянские писатели и просветители. Далее разгоряченные спиртным молодые армянские писатели стали упрекать моего отца в том, что он плохо знает армянский язык и, видимо, даже не бывал в бывшем монастыре Сурб Хач. Моего папу сильно задела эти слова, ему стало очень обидно. Ведь он с детских лет не только многое знал об армянском монастыре, но и неодно-

кратно бывал там, чтобы поклониться праху великих армянских писателей и просветителей. Более того, отец отлично знал, что бывший монастырь находится в плачевном состоянии. А вот молодые армянские писатели об этом представления не имели.

Тогда мой отец спросил у писателей: знают ли в Армении о бедственном положении армянского монастыря Сурб Хач? Молодые люди лишь удивленно пожали плечами.

— Давайте поедem и посмотрим, что там сейчас. Лучше увидеть все самим, чем просто сидеть и говорить красивые речи, а потом кого-то в чем-то упрекать, — сказал мой отец армянским писателям.

Он вызвал такси — семиместный ЗИМ (в те годы были такие машины!) — и вместе с писателями поехал в Сурб Хач.

То, что молодые люди увидели в бывшем армянском монастыре, их потрясло. По воспоминаниям отца, происходило все это в субботний день. После хорошего обеда и выпитого армянского коньяка молодые люди были

веселы, но когда они подъехали к монастырю Сурб Хач, их веселье быстро улетучилось и они мгновенно протрезвели.

В те годы Сурб Хач находился на окраине Ростова: там не было ни многоэтажных домов, ни магазинов и супермаркетов, а лишь, как казалось, безжизненное поле вокруг полуразрушенного монастыря.

Как рассказывал отец, машину им пришлось оставить где-то в трехстах метрах от монастыря, потому что дороги к церкви Сурб Хач (точнее сказать, к тому, что от церкви оставалось) не было.

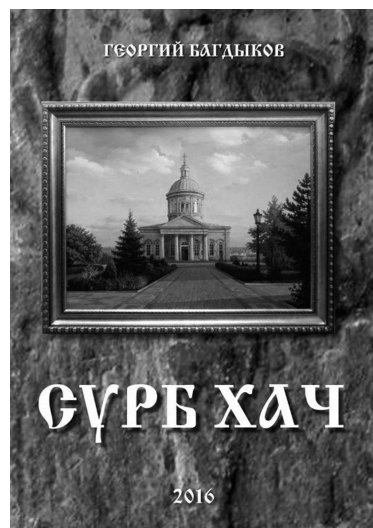
Когда молодые люди вошли во двор монастыря, они ужаснулись от вида происходящего там. Некий мужчина раскапывал могилу бывшего священника, выбрасывая в сторону то, что осталось от церковной одежды. Армянские писатели окружили этого человека и стали требовать, чтобы он прекратил глумиться над могилой. Тот ответил им, что он лишь ищет ход в церковный подвал, где некогда находилась типография, и, говорят, там был спрятан клад, а могилы армянских писателей и священников уже давно разорены, осквернены и разграблены...

Молодым людям вместе с моим отцом все же удалось остановить мужчину: при них он перестал разрывать могилы. Но покидали они Сурб Хач с тяжелым сердцем. Всю обратную дорогу ехали молча. Лишь в доме у тети поэта Людвиг Дурян пришли в себя и стали вновь беседовать. За ужином молодые армянские писатели пообещали отцу, что обязательно расскажут в Армении о бедственном положении церкви Сурб Хач. Людвиг Дурян обратился к папе: «Минас, я обязательно напишу обо всем увиденном, расскажу об этой беде Сарьяну при личной встрече».

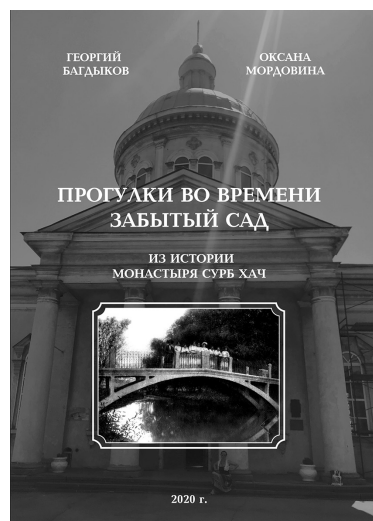
Так все и вышло. Вскоре в Ереване была опубликована статья — отчет о поездке творческой молодежи в Ростов, в Мясниковский район Ростовской области, в село Чалтырь. В статье с восторгом рассказывалось о трудовых подвигах донских армян, об их древней культуре. Но особое место было отведено увиденному писателями в монастыре Сурб Хач. Высказывалась даже такая мысль, что надо перевезти прах известных армянских просветителей в Армению, если монастырь Сурб Хач не будет отреставрирован.

Людвиг Дурян проживал в Ереване недалеко от дома Сарьяна, нередко ходил к великому художнику в гости. В этом доме бывал и мой отец. При личной встрече Людвиг Дурян рассказал Сарьяну о бедственном положении бывшего монастыря Сурб Хач. Сарьяна, который родился у нас на Дону и всем сердцем любил Ростов, судьба монастыря не оставила равнодушным. Не была безразлична судьба Сурб Хача и другому выдающемуся нашему земляку, уроженцу Нахичевани-на-Дону, главному архитектору Еревана Марку Владимировичу Григоряну. Много для спасения Сурб Хача сделал и известный историк, академик Владимир Бахшиевич Бархударян. Не остались в стороне и многие представители российской интеллигенции.

Кстати, надо отметить, что советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян также всегда старалась помогать донским армянам в деле сохранения их самобытной культуры. И особо следует подчеркнуть, что Сурб Хач восстанавливали, как говорится, всем миром. Многие ростовские заводы и предприятия помогали в этом благородном деле. Например, некоторые восстановительные и реставрационные работы выполнялись на заводе «Ростсельмаш». Много доброго для музея «Сурб

Книга «Сурб Хач».

Книга «Прогулки во времени. Забытый сад».

Хач» сделал известный работник завода Карп Цолакович Парзян.

По воспоминаниям моего отца, когда отреставрированный крест лежал в самом храме, туда специально приезжал мой дедушка Георгий Минасович. Приезжал, чтобы поклониться этому кресту. Он зашел в церковь, прочитал на армянском языке «Отче наш», затем склонился над крестом и поцеловал его. На его глазах выступили слезы.

Действительно, когда крест впоследствии установили на церкви Сурб Хач, многие радовались искренне и до слез. Ведь впервые за годы советской власти в Ростове и Нахичевани кресты не сбрасывали с церквей, а наоборот — восстановили на храме.

И есть еще одна очень трогательная деталь, которая связывает нашу семью с монастырем Сурб Хач. По воспоминаниям, моя прабабушка после освобождения Ростова от немецко-фашистских захватчиков взяла с собой невесток и пешком отправилась

Книга
«Монастырский сад».

в Сурб Хач, чтобы поблагодарить Бога за Победу и за то, что ее близкие остались живы. А жила семья Багдыковых тогда в Нахичевани, на 23-й линии. Так что можно представить, какое большое расстояние преодолели эти женщины для того, чтобы попасть в Сурб Хач!

Вот такое трепетное отношение было у нахичеванцев к этому монастырю, к этой святыне донских армян.

Еще в 2016 году я написал брошюру «Сурб Хач», в которой кратко изложил историю этого места. Именно эта моя работа и послужила началом целой серии наших публикаций о монастыре Сурб Хач.

Тема истории Сурб Хача очень важна для меня. И не только потому, что это место связано с моими предками. Ведь это был не только монастырь, но и место, где проходили народные гулянья. Этой теме вместе с ростовским краеведом Оксаной Мордовиной я посвятил брошюру «Монастырский сад. Из истории монастыря Сурб Хач». Она стала продолжением другой нашей работы — «Прогулки во времени. Забытый сад. Из истории монастыря Сурб Хач».

Прошли годы. Это место преобразилось. Появился Северный жилой массив Ростова-на-Дону, и об этом саде забыли. Мы же захотели напомнить горожанам о том, что такой сад был, и подчеркнуть, что у Северного жилого

*Голубь над Сурб Хачем.
Фото Георгия Багдыкова.*

Хачкар в монастыре Сурб Хач.

го массива есть своя интересная история. И связана эта история с монастырем Сурб Хач, монастырским садом и городом Нахичеванью-на-Дону.

Пройдут годы, десятилетия и столетия, но я уверен, что Сурб Хач будет продолжать радовать своей красотой ростовчан, оставаясь при этом духовным центром донских армян. Монастырь давно уже стал одним из символов нашего города, и мы по праву должны этим гордиться!

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В ЧЕСТЬ МИНАСА БАГДЫКОВА

О своем отце, о его талантах и способностях я могу рассказывать бесконечно долго. Но мне приятно, что такой же высокой оценки его личности придерживаются многие ростовчане.

К счастью, в честь моего отца — конечно, благодаря участию семьи и небезразличных людей — на домах, где он жил, появились памятные информационные доски.

В ноябре 2020 года в Ростове-на-Дону по инициативе ТСЖ «Атриум» на доме, где жил Минас Георгиевич Багдыков (13-я линия, 20) была установлена информационная доска.

*Открытие мемориальной доски в честь Минаса Багдыкова.
Георгий, Карен и Тигран Багдыковы.*

*Памятная доска М.Г. Багдыкову
в Ростове-на-Дону.*

*Памятная доска
М.Г. Багдыкову в Чалтыре.*

На ней выбито: «В этом доме с 2005 по 2020 годы жил заслуженный врач России, краевед и писатель Багдыков Минас Георгиевич (1936–2020)».

Инициаторами установки этой памятной доски (или информационного сообщения, как звучит официально) были, как я уже писал, ТСЖ «Атриум», а также лично управляющая ТСЖ Аксана Александровна Костенко и краевед Оксана Александровна Мордовина, которая написала письмо-запрос в ТСЖ «Атриум» с просьбой увековечить память о Минасе Георгиевиче на доме, где он жил.

В это же время, в конце ноября 2020 года, в селе Чалтырь, на даче Минаса Георгиевича Багдыкова (улица Шагиняна, 35), была установлена мемориальная доска с надписью о том, что здесь жил заслуженный врач России Багдыков Минас Георгиевич.

Инициатором установки и финансистом памятной доски стал председатель ПСХК «Александровский» Пиджикян Сергей Вилкенович.

ГЛАВА II

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СКРИПАЧ ХАЧУМОВ

Удивительные музыкальные вечера проходили в моей семье, когда я был ребенком. Папа — врач, хирург, но любил музицировать на пианино, скрипке. Мама — скрипач, педагог, заведующая струнным отделением в музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина. В доме всегда музыка, всегда ученики мамы, которые репетируют с ней перед концертами.

К папе приходят его друзья-музыканты, лабухи и джазмены, скрипачи и пианисты.

Я же любил, когда к нам в гости приходил нахичеванский скрипач Мирон Георгиевич Хачумов. Это был настоящий праздник. Мирон Георгиевич любил детей, обладал искрометным юмором. Он всегда с удовольствием играл популярные мелодии тех лет. Мне это очень нравилось. Хачумов мог подобрать любую мелодию, которую я просил. Меня это потрясало. Но на самом деле в этом не было ничего удивительного, ведь Мирон Георгиевич был востребованным ресторанным музыкантом.

Мой дядя Костя, или дядя Котик, как я его называл, был детским врачом, но тоже любил музицировать и петь. Бывало, что вместе с Хачумовым играл и дядя, аккомпанируя ему. Правда, когда он выпивал, то почему-то особенно любил петь песню «Мы идем по Уругваю».

Не могу не вспомнить, что и мой папа, Минас Георгиевич Багдыков, будучи молодым парнем, даже играл на скрипке вместе с Мироном Георгиевичем, а если быть более точным, то однажды заменил его на свадьбе. Вот как об этом вспоминал сам отец в книге «Лики прошлого»:

«В юные годы мне довелось быть на свадьбе, где играли Ера Магаков и Мирон Хачумов. Такое забыть

Мирон Георгиевич Хачумов.

невозможно. Случилось так, что в разгар свадебного веселья Мирону Георгиевичу стало плохо с сердцем — праздник срывался. Пришлось мне робко в руки взять скрипку и, как умел, сыграть известные произведения Кальмана из «Сильвы» и «Баядеры» и те немногие пес-

Мирон Георгиевич Хачумов.

ни, что знал. Я вдруг почувствовал, что играет, могу! Это Ера Магаков своим мастерством умело исправил все неточности и погрешности в моем исполнении, показал хорошие проходы, выделил чисто звучащие ноты, придал уверенность, укрепил, заставил поверить в себя, стать на голову выше, повести мелодию, быть ведущим солистом.

Вечная благодарность и память такому славному человеку, музыканту, товарищу!»

Ера Магаков тоже был очень известным музыкантом в городе. Вообще, о прославленных нахичеванских музыкантах и скрипачах, пожалуй, можно написать целую книгу.

ВЕЧЕРА КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

Бывали у нас дома и вечера классической музыки. Признаюсь, они мне в детстве давались тяжелее.

Нередко 1 января или на Рождество приходил в гости папин друг и родственник Тигран Ягубянц. Дядя Тигран был удивительно добрым, умным, отзывчивым, интеллигентным и эрудированным человеком. Он был известным ученым-геологом, любил классическую музыку, знал биографии всех известных композиторов, дирижеров, музыкантов.

Для меня дядя Тигран всегда был воплощением образа настоящего нахичеванского интеллигента.

Мои родители сидели с ним за праздничный стол, обедали, пили домашнее вино и слушали классическую музыку. Они могли посвятить этому занятию целый вечер. Например, слушали пластинки с произведениями Моцарта и Баха в исполнении одного симфонического оркестра, а затем эти же произведения — в исполнении другого. Признаюсь честно, меня это сильно утомляло. Я же хотел слушать пластинку с музыкой и

Тигран Ягубянц.

песнями из мультфильма «Бременские музыканты». За хорошее поведение мне разрешали это делать. Благодаря дяде Тиграну и моим родителям я с ранних лет общился к классической музыке.

НЕСРАВНЕННАЯ АРАБКЕРЦЕВА

Очень любил я, когда к нам в дом приходила прославленная пианистка Сусанна Борисовна Арабкерцева. Она была не только выдающимся музыкантом, но и прекрасным собеседником. Став уже взрослым парнем, любил с ней поговорить об искусстве, музыке, любви, поэзии — да обо всем на свете!

Не могу не вспомнить, что Сусанна Борисовна очень трепетно, с большой любовью относилась к своим слушателям. Помню, что каждого, кто приходил к ней на концерт, она старалась не обделить своим вниманием.

И, пожалуй, самым незабываемым на ее концертах были музыкальные портреты. Сусанна Борисовна писала портреты своих друзей и знакомых удивительно точно. Но не только друзьям Арабкерцева дарила музыкальные подарки. Каждому человеку она могла сыграть его портрет. Создавалось впечатление, что Сусанна Борисовна знает вас давно. Хотя могла увидеть впервые. Вот насколько точно передавала она музыкой характер своего слушателя, его чувства и эмоции. В ее «музыкальной галерее» были артисты, ученые, врачи, писатели, журналисты, политики...

Но особо трогательно было, когда, придя к нам в дом, она могла тонко уловить настроение, скажем, моей мамы и сразу же сыграть на пианино ее переживания. Незабываемо!

Сусанна Борисовна Арабкерцева.

Конечно, дороги моему сердцу и мамины ученики, которые также устраивали в нашем доме незабываемые музыкальные вечера, — это Павел Петров, Константин Стасюкевич, Семен Гагалаян, Мария Ларина, Юлия Фролова, Наталья Олейник, Юрий Фонов, Карина Устойян и многие, многие другие.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ МЕЛКОНОВА

С особой ностальгией вспоминаю приходы в наш гостеприимный дом в Нахичевани пианиста и композитора Серафима Емельяновича Мелконова. В музыкальной школе, где работала моя мама, преподавал и Мелконов. Он был другом нашей семьи и настоящим романтиком: на 8 Марта всегда дарил женщинам школы музыкальные портреты.

Мне очень нравились не только музыкальные портреты Мелконова, но и вся музыка, которую он сочинял. Его творчество, с моей точки зрения, было наполнено особым мелодизмом, легкостью и добротой.

Как я уже писал, незабываемы были визиты Мелконова к нам в дом на 23-й линии — это были настоящие музыкальные представления. Серафим Емельянович жил на 29-й линии, и потому мы нередко ходили друг к другу в гости. Кстати, его дом, в отличие от нашего до-революционного особняка, цел и поныне. И в этом несомненная заслуга нынешних хозяев, так как они сохранили и всю аутентичную обстановку. А эта обстановка до сих пор хранит дух старой Нахичевани.

Когда-то я написал книгу «Моя Нахичевань», в которой рассказывал читателям о людях и об истории этого чудесного места. Так вот, Серафим Емельянович — человек из «моей Нахичевани», из моего счастливого детства и беззаботной юности.

Серафим Емельянович, как я уже писал, дружил со многими известными людьми, в том числе с нахичеванским музыкантом, драматургом и поэтом Федором Сергеевичем Готьяном.

Как-то я нашел в своем архиве ноты, которые подарил Мелконов моему отцу. На стихи Готьяна «Осень

Серафим Емельянович Мелконов и Калерия Клавдиевна Мороз.

золотая» Мелконов написал музыку. Эти ноты были очень дороги папе. Дело в том, что он не только дружил с Мелконовым, но и очень уважал Готьяна как педагога, музыканта и поэта. Более того, Федор Сергеевич был учителем моего отца. Именно он привил ему любовь к музыке и творчеству.

На нотах, которые были подарены Мелконовым моему папе, есть и автограф Серафима Емельяновича: «Дорогому, доброму Минасу Георгиевичу Багдыкову от любящего Серафима Емельяновича Мелконова. 8 октября 1988 г.».

Конечно, мне как сыну очень трогательно читать такие строки. А еще я бережно храню фотографию, которую мне подарила ученица Мелконова Калерия Клавдиевна Мороз, ставшая ученым-химиком, но всю жизнь любящая музыку. На этом фото Серафим Емельянович Мелконов запечатлен со своей любимой ученицей.

ЗНАТОК НАХИЧЕВАНСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Мой папа очень любил, когда в наш дом приходил известный ростовский и нахичеванский музыкант Александр Лотошников (Лотос). Саша и сегодня успешно выступает на различных концертных площадках. Но папе было особенно приятно, дорого и ценно, когда Александр начинал играть мелодии его детства.

Отец считал, что Лотошников играет в неповторимой нахичеванской манере — в той манере, которой придерживался прославленный Мирон Георгиевич Хачумов. В книге «Лики прошлого» он, в частности, писал:

«Старых нахичеванцев изумляло и то, что скрипач играл в манере до боли знакомой — хачумовской. Это Саша Лотошников, современный молодой человек, играл на скрипке с душой, свободно создавая забытые нахичеванские песни — «Не покорилась», «Запоздалая тройка». Оказывается, будучи еще совсем ребенком, в родительском доме впитывал он в себя мелодии песен и колорит их исполнения лучшими музыкантами нашего города, знал их лично, называл по именам, дружил, слушал и учился. Мелодии своего детства — «Позарастали...», «Манушак», «Семь сорок», «Плач Израиля» и практически весь набор армянского песенного фольклора, уходящего своими корнями в седую древность царства Багратидов, вобрал в себя с любовью как память о своих предках».

Для меня, как для сына, было очень трогательно, буквально до слез, когда Саша Лотошников со своими друзьями-музыкантами играл на похоронах папы его любимые произведения.

Александр Лотошников (Лотос).

ТРОГАТЕЛЬНАЯ МУЖСКАЯ ДРУЖБА

Особо дорогим гостем в доме для отца всегда был его друг детства легендарный джазмен Ким Аведикович Назаретов.

Они родились в одно время, выросли вместе в Нахичевани и с юношеских лет были поклонниками джаза. Их дружба была очень трогательной. Папа называл Назаретова Кимулей, а Ким Аведикович отца — «мой дружок Минечка».

Встречаясь, любили вспоминать свои молодые годы, общих друзей, как учились музыке, как в молодости играли в эстрадных оркестрах. Помню, много беседовали о джазе и эстраде, вспоминали прославленных ростовских музыкантов.

Ким Аведикович Назаретов и Минас Георгиевич Багдыков.

Как-то я занимался оцифровыванием видеокассет. И с интересом посмотрел запись презентации книги «Нахичеванские портреты» моего отца, которая состоялась в библиотеке Ростовского медицинского института осенью 1991 года. Тогда отец работал в этом вузе доцентом на кафедре хирургии факультета усовершенствования врачей. Я в то время был студентом мединститута. Все это происходило еще в СССР, точнее сказать, в последние недели его существования.

Но презентация интересна не этим. А тем, какие люди собрались в тот вечер. Все эти личности ныне являются легендами нашего города. И пусть запись плохая (все-таки столько времени прошло), некачественный звук, но важно другое: то, что говорили эти люди.

Я рад, что смог сохранить для истории выступления известных профессоров, в том числе профессора Ростовской государственной консерватории Кима Аведиковича Назаретова.

А сюрприз Назаретова заключался в том, что он неожиданно появился со своими студентами на презентации книги своего товарища.

Помню, выступали писатели, историки, журналисты, говорили о значимости книги «Нахичеванские портреты». И вдруг в помещении библиотеки мединститута появляется Ким Назаретов со своими учениками. И конечно, они начинают играть любимые джазовые мелодии моего отца. Такой подарок не забудется никогда!

С тех пор прошло немало лет. У Кима Аведиковича Назаретова было в жизни немало ярких концертов и выступлений. Но этот импровизированный концерт в библиотеке Ростовского медицинского института мне запомнился особо.

МУЗЫКА МОЖЕТ СТАТЬ МОЛИТВОЙ

Конечно, я жил в музыкальной семье. Это так. Помню, как мама, бабушка Надя (Арекназан), которая была врачом-терапевтом, любила играть на мандолине. Надо сказать, что почти в каждом доме в Нахичевани была мандолина. И на этом итальянском инструменте играли разные песни, в том числе и армянские.

Так вот, моя бабушка Надя так чувственно играла на мандолине и пела известную армянскую песню «Ов, сирун, сирун», что эта музыка и ее голос до сих пор звучат в моих ушах. Эту песню можно перевести на русский

Бабушка Надя с внуком Георгием.

как «О, красавица, красавица». И конечно же, в ней поется о любви.

Что могу сказать еще? Пожалуй, только одно. В моей жизни было много любви благодаря моим родителям, моей семье. А потому я считаю себя счастливым человеком. Говорят, что Бог есть Любовь. Мне думается, что частичка той божественной любви жила и в нашей семье. И выражалась она в том числе и через музыку. А хорошая музыка может лечить и даже стать молитвой. В этом нет сомнения!

МИЛЛЕНИУМ С КУЦОВСКИМ

Сегодня с ностальгией вспоминаю, как нередко в наш дом приходили ученики моей мамы Павел Петров, Константин Стасюкевич, Семен Гагалаян и другие. Порой с профессором Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова Соломоном Борисовичем Куцовским. Они устраивали бесподобные музыкальные вечера. Нередко ученики моей мамы, оканчивая ее музыкальную школу, шли после музыкального училища заниматься в класс к профессору Куцовскому. Ну а Соломон Борисович был в дружеских отношениях с родителями и, бывало, приходил с мамиными учениками к нам домой. И начинался праздник музыки.

А еще в моем сердце живет память о том, с каким трепетом мы встречали миллениум, с какой надеждой смотрели на новый век и новое тысячелетие. Этот миллениум мы очень ждали и... немного боялись. Почему-то с надеждой был смешан и какой-то страх перед будущим.

В связи с этим вспоминается, как профессор Ростовской государственной консерватории Соломон Борисович Куцовский со своей второй женой, актрисой Ростовской областной филармонии Лилией Лилиной, встречал Новый 2000 год с нашей семьей. Помню, как мы сидели за праздничным столом в нашем дореволюционном доме на 23-й линии в Нахичевани, смотрели телевизор. Вдруг президент Ельцин объявил о своей отставке и о том, что исполняющим обязанности президента становится Владимир Владимирович Путин. Все были удивлены, потрясены и даже несколько встревожены. Что будет со страной? Может, неспроста были наши тревоги? Вот это новогодний сюрприз!

Соломон Борисович Куцовский.

Никогда не забуду, как Куцовский встал из-за стола и произнес тост:

— Мы вступаем не только в новый год, в новый век, в новое тысячелетие. Мы вступаем в новую политическую эпоху. Нас ждут большие перемены. Надеюсь, что они будут к лучшему.

Соломон Борисович оказался прав. Всех нас и всю нашу необъятную страну ожидали большие перемены. Но это уже другая история.

ГЛАВА III

ОСОБЕННАЯ ЖИЗНЬ ГАЛИНЫ БАГДЫКОВОЙ

О МАМЕ

Когда-то к юбилеям, дням рождения и другим важным датам в жизни родственников, друзей и близких я издавал небольшим тиражом журнал «Особенная жизнь». Почему? Потому что жизнь каждого человека особенная и неповторимая, она уникальна.

Для меня, как и для моего старшего брата Тиграна, мама всегда была и остается примером того, какой должна быть настоящая женщина. А быть настоящей женщиной очень непросто. Я вспоминаю, как много работала наша мама, при этом всегда уделяя внимание семье. А это было очень сложно. Почему?

Потому что моя мама Галина Николаевна (Нагапетовна) Багдыкова (17.09.1940–18.06.2024) долгие годы работала в ростовской музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина, которая располагается в Нахичевани, заведующей струнным отделением, обучала детей игре на скрипке, занималась общественной работой, организовывала концерты и гастрели своих учеников. А они ее любили. Очень часто с талантливыми детьми она занималась на дому, готовя их к концерту. И со многими ее учениками впоследствии я подружился. Наша дружба длится уже не одно десятилетие. А с выпускником моей мамы Павлом Петровым, который успешно окончил Ростовскую государственную консерваторию и стал педагогом в училище и музыкальной школе Таганрога, мы еще долгие годы совместно вели программы на радио и телевидении.

При такой нагрузке мама всегда находила время делать с нами уроки, ходить на школьные собрания, гулять с нами, принимать гостей в доме. А дом наш всегда был гостеприимным. И в любое время мои родители были рады гостям.

Маленькая Галина с мамой. 1942 г.

Отдельной похвалы достойна готовка мамы. Об этом могу говорить долго. Ее еда для меня самая вкусная и любимая. Мне нравились все ее блюда. Но особенно любил армянские.

А какое бесподобное вино делала мама, когда мы жили в Нахичевани! Какие были вкусные наливки, компоты, варенья! Разве можно такое забыть...

Галина Нагапетовна в студенческие годы.

Мама подарила мне счастливое детство и беззаботную молодость.

Помню, как приходил к нам в гости ее коллега, замечательный пианист, композитор Серафим Емельянович Мелконов, и говорил:

— Галина Николаевна, ваш борщ — это симфония, а пирожки — музыка Шопена. Ваши блюда «музыкальные»!

С сыном Тиграном.

Конечно, слушать такие «музыкальные» комплименты в те юношеские годы мне было забавно, но очень приятно. И ведь, как оказалось, Мелконов давал точные характеристики блюдам, которые готовила моя мама.

При такой загруженности мама успевала еще возить своих учеников на конкурсы по разным городам нашей необъятной Родины.

С сыном Георгием.

Моя мама справедливо считала, что роль учителя в жизни любого человека важна. Именно учитель может определить его судьбу.

Я как-то спросил у мамы: в чем, по ее мнению, заключается секрет успеха в профессии? Мама мне ответила, что помимо таланта, способностей и трудолюбия большое значение имеет личность наставника, доверие к учителю. Вообще, роль наставника в будущей профессии огромна. Если серьезно задуматься, то у каждого из нас в жизни были люди, которые сыграли большую роль в выборе профессии, а значит, во многом определили нашу судьбу.

Моя мама долго не могла для себя решить, кем ей стать и стоит ли серьезно заниматься музыкой. Она успешно

Отец Галины — Нагапет Серопович Явруян.

окончила музыкальную школу. Перед ней стояла дилемма: поступать в музыкальное училище или в медицинский институт? Она хотела стать детским врачом, но и музыку очень любила. Тем более что ее отец, мой дедушка Нагапет Серопович Явруян, погибший в годы Великой Отечественной войны в фашистском концлагере, хотел, чтобы его дочь стала музыкантом, скрипачкой. В память о нем моя бабушка Надя (Арекназан)

отдала маму учиться в музыкальную школу по классу скрипки.

Бабушка Арекназан Крикоровна (Надежда Григорьевна) Кристостурян была врачом-терапевтом, прожила долгую, трудную, но интересную жизнь.

Судьбу моей мамы определила одна встреча. Моя бабушка отдыхала в санатории. Там она познакомилась с известным ростовским композитором, музыковедом Григорием Христофоровичем Капанаквым. Бабушка рассказала ему о своей дочери и ее сомнениях. Капанакв сказал, что хотел бы встретиться с девочкой, побеседовать с ней, послушать ее игру на скрипке.

После отдыха в санатории бабушка с мамой пошли в гости к Григорию Христофоровичу Капанакву. По воспоминаниям моей мамы, Капанакв был очень гостеприимным хозяином. Именно у него в доме она впервые в жизни увидела магнитофон. Для тех послевоенных лет это было чудом техники. Григорий Христофорович записал выступление мамы на магнитофон. Потом долго беседовал с ней. Моей бабушке он сказал:

— У вашей дочери хорошие музыкальные способности. Ей надо поступать в музыкальное училище, а затем продолжать образование в консерватории.

И Григорий Христофорович рассказал бабушке, к какому преподавателю в училище лучше обратиться для занятий, кто в дальнейшем должен стать педагогом и наставником моей мамы.

Именно эта встреча с композитором Капанаквым и определила судьбу мамы, именно он смог увидеть в ней будущего музыканта и педагога.

Мама стала тем педагогом, который определял судьбы ребят. Немало ее учеников увлеклись музыкой и стали профессиональными скрипачами.

Галина Нагапетовна со своими учениками.

Она определила и мою судьбу, так как очень хотела, чтобы я стал врачом, но никогда не терял связи с миром искусства и литературы. Так и получилось.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Говорят, что семья — это ячейка общества. А еще утверждают, что все начинается с детства. Могу сказать, мое детство, как и детство моего старшего брата Тиграна, было счастливым. Мы выросли в семье, в которой царили согласие, дружелюбие, любовь. Родители любили друг друга и своих детей. Дети ведь всегда чувствуют любовь и очень в ней, кстати, нуждаются. Конечно, бывало, что родители ругались. Но эти ссоры быстро заканчивались примирением. Думаю, в этом несомненная заслуга моей мамы: ее житейская мудрость, дипломатичность. Но и папа любил маму. А любовь прощает многое.

Папа и мама — люди романтичные. Думаю, потому и история их знакомства была такой — очень трогательной и романтической.

Папа любил музыку, он неплохо учился в музыкальной школе, играл на скрипке и пианино. Учась в Ростовском медицинском институте, играл в студенческом джаз-оркестре. Работая врачом-хирургом, посещал концерты в филармонии. Там он и познакомился с моей мамой.

На одном из вечеров классической музыки он увидел девушку, которую, со слов папы, невозможно было не выделить из толпы. По воспоминаниям отца, его пленили нежные черты лица, фигура девушки. Это была любовь с первого взгляда! Но не так-то просто было ему добиться внимания мамы. Папа узнал, где она живет. И с тех пор каждый день встречал и провожал ее от училища искусств, где она обучалась на скрипичном отделении, до дома. Но сразу познакомиться он не решался. Поначалу он провожал ее незаметно. Потом решился

Галина Нагапетовна и Минас Георгиевич.

Минас Георгиевич и Галина Нагапетовна с Тиграном.

все же подойти и познакомиться. Мама к знакомствам на улице относилась отрицательно. Но воспитанность не позволяла моей маме, Галине Явруян, произнести нечто резкое. Она лишь растерянно проговорила: «Я на улице не знакомлюсь». И тогда папа сказал: «В таком случае разрешите мне подойти к вам завтра — уже на правах человека, который с вами познакомился накануне». Мама оценила юмор и смелость папы. Улыбнулась, кивнула головой и скрылась в проеме двери своего дома.

Они начали встречаться... На первом свидании папа преподнес любимой ветку белой сирени. Если бы это свидание проходило в мае, то можно было бы легко понять галантность молодого человека, несколько не удивившись этому поступку. Но все дело в том, что свидание было... зимой!

Где папа раздобыл эту ветку сирени, да еще и в советское время, остается только гадать. Смею предположить, что ему помогли его врачебные связи.

Вскоре мама уехала продолжать учебу в Саратовскую консерваторию. А папа регулярно слал ей цветы. Однажды в дверь квартиры, где жила мама, постучался посыльный из местного цветочного магазина. Он принес не букет цветов. Так уж вышло, что в магазинах Саратова не оказалось свежих цветов. В советские годы такое бывало. И тогда на присланную папой сумму подвезли к дверям квартиры мамы подводу цветов в горшочках. Это поразило многих. Маму, конечно, в первую очередь.

Наблюдая эту картину из окна, хозяин квартиры, интеллигентный пожилой мужчина, сказал маме: «Такие молодые люди — редкость в наше время. Думаю, с этим человеком вам стоит связать судьбу. Выходите за него замуж».

Его слова оказались пророческими. Мои родители прожили в любви и согласии 58 лет. Лишь уход из жизни папы разлучил их.

Мне всегда было трогательно смотреть, как папа обращался к маме, называя ее Галочкой. Мама же папу всегда именovala Минечкой.

Папа при гостях — шутя, конечно, — называл маму своей первой женой. А потом, видя растерянность гостей, добавлял, что жена Галочка у него первая и единственная.

Я считаю, что папа в своей жизни руководствовался христианским принципом «Не суди, да не судим будешь». А еще он умел прощать. Он считал, что высшие ценности человеческой жизни — уметь любить и прощать.

Хотя в молодости папа мог быть очень эмоциональным, экспрессивным. Но с годами он понял, что эмоции мешают нормальной жизни. Многие в психологии родителей, с моей точки зрения, изменилось после встреч

с митрополитом Владимиром (Виктор Сабодан). Мои родители общались с митрополитом в годы перестройки. Именно от митрополита Владимира они услышали слова о том, что Бог есть Любовь.

В своих воспоминаниях папа писал: *«Я смог создать счастливую семью, родить сыновей. Все это определило стабильность и уверенность в правильности выбранного жизненного пути».*

За все свои достижения он был благодарен супруге, моей маме. Поэтому он и написал ей стихи-посвящение. Эти строки не могут не волновать мое сердце.

Дорогой, любимой жене Галочке!

*Благодарю тебя за понимание
Святых моих ошибок и мечту.
За мать, отца, друзей и добродетель,
За преданность твою и детвору.
За то, что я могу мечтать,
писать о добрых людях,
За этот труд, как покаянья крик.
За то, что нет у ног твоих
обещанных красот полмира,
За то, что есть мечта снести
к Твоим ногам полмира красоты...*

Конечно, папа не смог подарить маме некогда обещанных красот полмира. Но он подарил ей и своей семье главное — свою любовь.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С МАМОЙ

Маме я звонил каждый день — утром и вечером. Всегда спрашивался о ее здоровье, интересовался, как у нее дела. Она же всегда беспокоилась обо мне, но и с удовольствием рассказывала о своих делах, о подругах. Мы говорили обо всем, даже о том, что она смотрела по телевизору.

Мама очень любила смотреть телеканал «Культура». Конечно же, с особенным трепетом она относилась к музыкальным программам. Ведь вся ее жизнь была связана с музыкой, со скрипкой, преподаванием детям и музыкальной школой имени М.Ф. Гнесина в Нахичевани.

Пожалуй, самой ее любимой программой на телеканале «Культура» была «Нескучная классика» с Сати Спиваковой. Она буквально обожала и эту программу, и ведущую. Нередко говорила мне: «Посмотри, какая женщина! Какое благородство! Какая внутренняя культура и как она красива! Вот какой должна быть настоящая интеллигентная армянка!»

Дело в том, что Сати Спивакову вообще-то зовут Сатеник. Полное ее имя — Сатеник Зарзевна Саакянц. А супруг Сати — Владимир Теодорович Спиваков, выдающийся советский и российский скрипач и дирижер, народный артист СССР.

О боже! Восторги мамы в адрес Сати Спиваковой вызвали у меня улыбку. И не потому, что я не был согласен с мамой, а потому, что мне было умилительно смотреть на ее эмоции.

Кстати, с таким же упоением и восторгом мама всегда слушала и смотрела выступления выдающихся советских и грузинских певиц Нани Брегвадзе и Та-

мары Гвердцители. В них она тоже видела эталон настоящей женской красоты, интеллигентности и благородства.

В ту, последнюю, ночь своей жизни мама смотрела «Нескучную классику» с Сати Спиваковой. Она говорила, что даже боли, которые ее беспокоили, уходили, ей становилось легче. Наверное, потому что музыка лечит. В этом я убеждался не раз.

Почему-то мама считала, что о Сати Спиваковой знают все. Из-за этого не раз бывали даже смешные ситуации. Мама могла у кого-то из моих друзей-немузыкантов спросить: «Вы смотрели Сати? Как она вам?» — и услышать в ответ: «Сати Казанову? А вы слушаете Казанову и группу «Фабрика»?»

Напомню, что группа «Фабрика» в нулевые годы, как и ее солистка Сати Казанова, была очень популярна. А вот моя мама не очень хорошо разбиралась в российском шоу-бизнесе. Нет, она, конечно, слушала эстраду, но группу «Фабрику» не отличала от других групп того времени. А потому могла наивно поинтересоваться: «А какую программу на канале «Культура» ведет Сати Казанова?»

Мама умерла утром, во вторник, 18 июня 2024 года. Накануне, в понедельник вечером, я ей звонил. Мы с ней долго говорили о жизни и музыке, о разном, в том числе и о Сати Спиваковой и ее программе, словно не могли наговориться. А в воскресенье, 16 июня этого же года, я проведal ее на даче в Чалтыре, где она жила каждое лето с моим старшим братом Тиграном.

Мы сидели втроем на веранде, отмечали День медика. Мама вспоминала о многом: и о том, как я рос, как мы с братом учились, как отдыхали с семьей, о наших друзьях — да много о чем...

Семья Багдыковых.

«Как много хороших и разных людей было в нашей с Минечкой жизни, как весело мы гуляли с друзьями на этой веранде нашей дачи, а какие незабываемые застоля бывали у нас в Нахичевани!» — с какой-то светлой грустью вспоминала мама.

Мы с Тиграном нередко рассуждаем о том, что она не смогла надолго пережить отца: их связь была очень крепка. Что бы кто ни говорил, но есть люди, которых невозможно заменить.

Конечно, жизнь должна продолжаться. Смена поколений — закон мироздания, пусть это и не очень нравится нам (мне уж точно), но так устроена природа.

Почему-то сейчас особенно ярко вспоминается наш последний разговор с мамой, ее восторг от классической музыки и Сати Спиваковой. Будучи смертельно

больной, мама видела в искусстве спасительную силу для человечества. Именно об этом мы и говорили с ней по телефону в наш последний разговор.

А еще я запомнил, как она смотрела на меня, когда провожала до калитки в ту нашу последнюю встречу. Это был взгляд, наполненный беззаветной любовью. Она могла принять меня любого, порой даже не понимая, но любя безоговорочно. Помню, как она целовала меня в щеки, как долго держала за руку перед тем, как я сел в такси.

«Ёрушка (*именно так ласкательно она меня звала*), береги себя. Будь счастлив, детка!» — эти слова, сказанные ею на прощание, до сих пор звучат у меня в ушах.

«НО ЭТО БУДУТ ДРУГИЕ ЛИСТЬЯ!»

Помню, когда мне было, наверное, лет шесть, подошел к маме и спросил:

— Зачем я родился?

— Что? Что ты, деточка, спросил? — растерялась моя мама.

— Зачем я родился?

— Как — зачем?

Никогда не забуду испуганный взгляд моей мамочки.

— Деточка, что тебя беспокоит?

— Я же должен буду умереть? А что такое смерть?

— Ёрушка, зачем ты об этом думаешь? Все это будет не скоро. У тебя впереди прекрасная жизнь, столько интересного вокруг, красивого. Посмотри, как чудесно у нас во дворе...

— Зачем я родился, если надо будет умирать? — вновь повторил я свой вопрос маме.

Галина Нагапетовна с сыновьями.

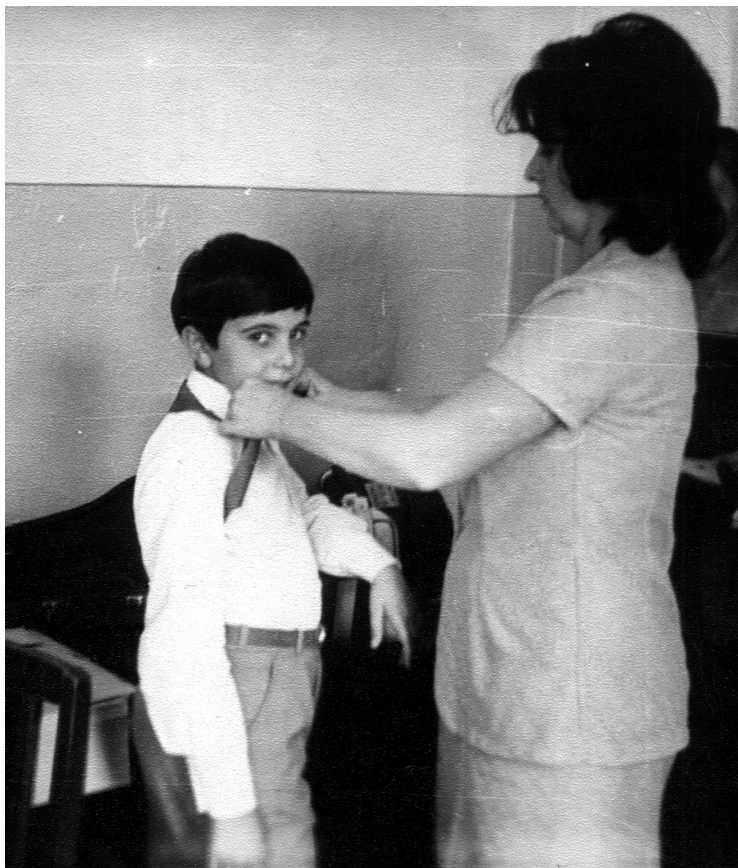
— У тебя будут детки, ты будешь счастлив, будешь жить ради них, у них родятся свои детки, твои внуки...

— Мама, зачем все это? Ведь все умрут в итоге.

Сказать, что этими вопросами я испугал свою маму, — это не сказать ничего. Помню, как она просила папу поговорить деликатно со мной. Вот о чем говорил папа, не помню. Он часто гулял со мной и с моим старшим братом Тиграном по улицам и линиям нашей ростовской Нахичевани, вел беседы на разные темы.

Я был все-таки маленьким мальчиком, думаю, отвлекся на какие-то игры и перестал мучить всех вопросом: «Зачем я родился?»

Мой старший брат Тигран, в отличие от меня, рос абсолютно нормальным мальчиком, а потому не совсем

Галина Нагапетовна провожает сына Тиграна в школу.

понимал мои страхи, хотя и очень любил меня. Любил настолько, что не просто зацеловывал, а буквально зализывал. И я сразу звал на помощь кого-то из взрослых. Тиграна, конечно, это обижало.

Помню, как я в начальных классах всех удивил своим сочинением об осени. Как известно, великий русский поэт любил это время года.

*Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.*

Помните эти гениальные строки? Так вот представьте, что в школе я написал сочинение о том, что не согласен с Пушкиным. «Почему?» — спросите вы. Вот и мама моя, конечно же, хотела получить ответ на этот вопрос.

Я ей ответил, что люблю весну, когда пробуждается жизнь. А в осени красота смерти. Потому как опадают листья, все замирает в природе. Тогда мама попыталась вразумить меня:

— Деточка, но ты только послушай: «Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса». Как точно, образно и красиво написано...

— И что? Это же «прощальная краса». А я хочу весны, жизни...

— Ёрушка, но это и есть закон жизни. Листья опадут, а весной вырастут новые, такие же зеленые и красивые.

— Но это будут другие листья! Тех, что опали, уже не будет никогда! Так чему я должен радоваться?

В итоге я все-таки написал сочинение так, как хотели учителя и мама, воспевая осень, цитируя Пушкина. Но закончил его все равно по-своему. Написал примерно так: «И все-таки больше я люблю Весну. Потому что Весна — это пробуждение жизни!»

К счастью, моя учительница по литературе меня поняла. Более того, как я потом узнал, это мое сочинение

Галина Нагапетовна на своем юбилее.

читали педагоги школы, приятно удивляясь моим детским взглядам на жизнь.

Дожив уже до седых волос, могу сказать, что на многие свои детские вопросы я так и не нашел однозначного ответа.

Но кое на что мне ответил Владимир Маяковский.

Послушайте!

Ведь если звезды зажигают —

значит — это кому-нибудь нужно?

Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

Значит — кто-то называет

эти плевóчки жемчужиной?

Действительно, если мы пришли в этот мир, то, значит, так нужно. И мир прекрасен в своем многообразии и своей неоднозначности. И жить надо ради жизни, как ни парадоксально это прозвучит. В самой жизни и есть ее смысл.

И все-таки мне до сих пор жаль, когда с деревьев опадает листва, когда желтеет зелень. Да, конечно, весной вырастет новая трава, может, даже более красивая. «Но это будут другие листья!»

«МОЯ НАГРАДА»

Мама называла меня в детстве «моя награда». Уж не знаю, почему она так считала. Наверное, потому что очень любила, потому что, как говорили, в отличие от других детей и моего горячо любимого старшего брата Тиграна, я был тихим, послушным и спокойным — настолько тихим, что меня могли потерять в комнате, когда играл с игрушками.

Но этот тихий ребенок всю жизнь преподносил родителям сюрпризы. Сколько бессонных ночей они провели из-за меня...

Мой папа свою жизнь посвятил медицине, в том числе науке. Помню, когда он писал очередную монографию, у нас в Нахичевани во дворе был крольчатник, в котором жили подопытные кролики. Мне их было жалко, я их кормил. В итоге один кролик сильно укусил меня за палец. Это было страшным разочарованием. Как же так? Ведь я его кормил, а он в ответ чуть не откусил мне палец.

Как же носились потом с этим пальцем мои родители! Папа даже показывал меня своему учителю, извест-

Георгий Багдыков в детстве.

ному профессору-хирургу Партеху Макаровичу Шорлуяну. Мне делали какие-то уколы, перевязывали этот палец. Конечно, все закончилось хорошо. Но я на всю жизнь запомнил, какая «вселенская трагедия» была в доме: ребенка укусил кролик. Правда, потом кто только меня не кусал — и кошки, и собаки, и пчелы, и прочие насекомые! Я же бегал во дворе и вечно приставал к животным, трогал всяких жуков и других ползучих и летающих созданий.

А еще я кормил муравьев. Каждое утро брал сахарницу и шел к муравейнику. Я считал, что должен им принести что-то вкусненькое. Они же работают с утра до вечера, их жалко. А что может быть вкуснее сладкого? Конечно, муравьи не только лакомились сахаром, но и лезли в дом. Помню, как ругалась моя бабушка...

С детства мне «не везло» с ногами. У меня выраженное плоскостопие. И я любил бегать в сапогах даже летом. Вид еще тот был! Вечно падал при этом и ударял ноги. А как-то, учась в школе, даже сломал ногу, потому что, играя во дворе дома с ребятами в футбол, со всей силы ударил не по мячу, а по... кирпичу. В итоге перелом и гипс.

Став уже взрослым человеком, я продолжил ломать ноги. Как говорит мой брат Тигран, хорошо, что не осьминог, а то каждый год ломал бы по ноге.

С футболом мне в детстве действительно как-то не очень везло. Однажды, играя с двоюродным братом Костиком в мяч, упал и напоролся на гвоздь. Этот старый ржавый гвоздь проткнул насквозь мне нижнюю губу. Я так и пошел к маме за помощью, весь залитый кровью и с торчащим из губы гвоздем. Она, бедная, чуть не упала в обморок.

Папа вытащил этот гвоздь, обработал рану. Меня отвезли в детскую больницу. Опять делали кучу уколов. Бабушки носились надо мной, причитая. Но все закончилось хорошо, как и должно было быть. Конечно, в футбол я все равно продолжал играть, хоть падая и что-то себе разбивая.

Каких только историй со мной не случалось! Когда я еще не ходил в школу, то на глазах у родителей буквально подавился сахаром. Очень любил кусковой сахар, или сахар-рафинад. Бесконечно таскал его из сахарницы. И как-то раз неудачно вдохнул, и он встал, как говорится, поперек горла. Я стал задыхаться на глазах у родителей. Папа с большим трудом, но сумел вытащить этот кусок рафинада у меня изо рта.

С тех пор на много лет из нашего дома исчез кусковой сахар. Его стали покупать только тогда, как мне кажет-

ся, когда я поступил в институт. Наверное, все боялись, что ребенок подавится.

Но от этого я не перестал быть сладкоежкой. Ведь сахар в дом покупался рассыпной. И я мог положить себе в чай до четырех ложек сахара. Да и просто сыпал его на хлеб, печенье...

У меня как-то заболел живот. Помню, как мама с бабушкой провели со мной важную беседу, что все это со мной происходит из-за того, что я ем сахар. И я его перестал есть и класть в чай. И до сих пор пью чай без сахара. Правда, живот у меня болел из-за аппендицита. Мне сделали операцию, и все прошло. Но это уже неважно.

Да, конечно, в школе я неплохо учился и был послушным ребенком. Но таким же, как и все дети. Только еще со своими особенностями.

Скажу более того, когда я учился в начальных классах, то очень не любил, наверное, как и многие дети, ходить в школу, делать уроки. Не нравились мне эти серые будни.

Но зато любил читать. Помню, как во втором классе я запоем читал «Дети капитана Гранта» Жюль Верна. И каждый раз, идя в школу, убеждал себя, что всего через несколько часов вернусь домой и продолжу путешествовать с героями этой замечательной книги. Тот книжный мир мне был интереснее, он был ярче, красивее.

Когда я стал врачом, то понял, что уже в детстве неосознанно занимался психотерапией или сублимацией. Я уходил от повседневной реальности в другой, более интересный для меня, мир. Став взрослым человеком, я поступаю точно так же: снимаю усталость, погружаясь в мир истории, краеведения, литературы.

Но в детстве, разумеется, я не знал таких умных слов, как сублимация. А один раз так не хотел идти в школу,

что даже спрятался в туалете. Уж не знаю, чего я так боялся. Возможно, контрольной по математике. Этого предмета я страшился больше всего. Мне до сих пор, кстати, снятся сны, что надо идти сдавать математику, а я ничего не знаю.

Повторю, что не помню, из-за чего я спрятался в туалете нашего старого дореволюционного дома. Все происходило утром. Жило нас в доме восемь человек, если считать еще семью дяди. А туалет на всех был один. Думаю, вы можете себе представить, какую очередь из домочадцев я создал.

Все спешат на работу, а ребенок отказывается выходить из туалета, потому что не хочет идти в школу. Все увещевания моей мамы и родственников были бесполезны.

И тогда мама прибегла к радикальным мерам. Нет, никто дверь не выламывал. Она пошла другим путем, но очень эффективным.

Дело в том, что через дом от нас жила учитель русского языка и литературы Лидия Дмитриевна Матвеева. Она работала в моей школе, впоследствии стала директором. С семьей Матвеевых мои родители дружили, а Маша Матвеева была моей близкой подругой, как говорится, с пеленок.

Когда в доме появилась Лидия Дмитриевна, я понял, что надо выходить, потому что подошла «тяжелая артиллерия». Лидию Дмитриевну я сильно любил, но и побаивался.

Конечно же, не помню, что она мне говорила конкретно. Наверное, что-то типа «Ёрушка, быстро в школу». В детстве все близкие меня называли именно так.

Помню, что я буквально вылетел из туалета под комментарии своего старшего брата Тиграна.

— Вот это «тяга к знаниям» у Ёрушки, вот это я понимаю! — подкалывал он меня потом.

Конечно, я с улыбкой сегодня вспоминаю об этом случае.

Что же касается школы, то очень признателен своим учителям, в том числе и Лидии Дмитриевне Матвеевой.

Она для меня не только учитель русского языка и литературы, которая привила мне любовь к русской словесности. Лидия Дмитриевна научила меня думать, анализировать, иметь свое мнение на все события, происходящие в мире, не бояться отстаивать свою точку зрения, обучила азам ораторского искусства. Редактором моих первых статей в областной комсомольской газете была Лидия Дмитриевна Матвеева. Она всячески

поощряла мою любовь к истории, краеведению, журналистике и литературе.

Так что спасибо, Лидия Дмитриевна, за то, что много лет назад вы выгнали меня из туалета, в котором я прятался.

Как показало время, тяга к знаниям у Ёрушки все-таки проснулась.

Ушли из жизни родители, бабушки. Сам я уже человек более чем зрелого возраста. Но почему-то мне все чаще вспоминаются эти трогательные истории из детства.

Как-то, разговаривая с мамой, я спросил у нее: «Мама, ты правда считала меня своей наградой? Ведь столько хлопот доставлял, переживаний. И не только в детстве. А какие передрыги были в молодости...»

Мама, улыбаясь, лишь отвечала: «О чем ты говоришь? Я так хотела хорошей семьи, так хотела детишек. И Господь мне все дал. Разве это не счастье?»

Пожалуй, больше добавить мне нечего.

Галина Нагапетовна с Георгием.

«НЕ ЗАБУДЬ!»

Мама ненадолго пережила папу. Возможно потому, что очень сильно любила его. Конечно, она так же безгранично любила и своих детей, семью и родственников. Но...

В свой последний день жизни мама готовила еду для внука Карена, которого ждала в гости. Сердечный приступ, который она не пережила, случился прямо на кухне. В этом была вся мама. Она думала о близких, будучи даже тяжелобольной.

У известного филолога, литературоведа, искусствоведа, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева было лю-

бимое изречение: «Обязательно посади дерево — даже если завтра конец света».

Считаю, что мама именно так и жила. Она до последнего дня что-то делала, сажала у себя на даче в Чалтыре цветы, деревья, внимательно следила за новостями и старалась принимать какое-то участие в общественной жизни.

В понимании мамы любовь к семье — это и есть проявление любви к мужу. Она не скрывала, что всегда мечтала о детях, о дружной семье.

Мама также считала, что только в любви рождаются красивые дети. Да и все красивое рождается только в любви.

По-моему, ярким подтверждением правоты ее слов является то письмо, которое она написала на годовщину смерти мужа, моего папы.

«Письмо мужу»

Как быстро и неуловимо летит время. Вот уже почти год как нет тебя, мой родной, любимый, единственный. Для меня этот год был годом тоски и воспоминаний о прожитом и пережитом. И я хочу сказать тебе спасибо за жизнь, прожитую с тобой более полувека. Как много мы с тобой пережили. Как много было счастливых и радостных дней. Впрочем, были и страдания и переживания. Но мы всегда были вместе. И были друг другу опорой. Жизнь стремительна и быстротечна. Она пролетела как одно мгновение. Судьбой было уготовано тебе уйти первому. Как это тяжело... Каким же это было бы счастьем — умереть нам в один миг. Как мне не хватает тебя. Твоих ласковых, неповторимых, удивительных рук, твоих глаз... Мне остается только благодарить Бога за то, что ты

был. Благодарить судьбу за каждую минуту, прожитую вместе с тобой. Прости, мой любимый, если иногда мы не понимали друг друга. Но ведь это было так редко... Главное, мы любили друг друга и очень хорошо понимали, что самое ценное в жизни — это любовь. И только любовь — во всех ее проявлениях. Ты со мной был, есть и будешь всегда. Да святится имя твое, мой любимый, мой родной, мой единственный...»

Помню, когда я был маленьким, то очень не любил, чтобы мама куда-то уходила. Почему-то у меня был детский страх, что она может не вернуться.

Я подбегал к ней, брал за руку и просил: «Не забудь!» «Деточка, что случилось? Что я не должна забыть?» — спрашивала мама.

«Не забудь вернуться», — отвечал я, и слезы катились из моих глаз.

Теперь мама уже никогда не вернется. Я могу лишь сказать одно: Господи, спасибо за то, что она была!

А закончить этот рассказ мне хотелось бы стихами замечательного донского поэта Сергея Даштамирова.

Памяти Галины Николаевны Багдыковой

*Умолкла скрипка. Женица ушла —
Душою светлой в небо устремилась.
Она любимой матерью была
И сыновьями искренне гордилась.
Оркестр без скрипки... Он уже не тот!
Без первой скрипки с именем Галина.
Как нет замены мамы для сирот,
Так не заменишь скрипку клавесином.*

«НЕТ МОЕЙ НАХИЧЕВАНИ»

Иногда мне снятся строки. Нет, не стихи, а именно строки в рифму. Часто, когда просыпаюсь, их забываю. И так обидно... Во сне они казались мне такими красивыми! Но порой бывает иначе. И тогда я почти все помню.

Как-то мне снилась Нахичевань моего детства, мой дом на 23-й линии, друзья, соседи... Все были молоды. И я был юн. В этом сне все были счастливы.

Я помню, как первый раз ощутил это невероятно щемящее чувство счастья. Потом я еще пару раз в жизни испытывал это чувство.

А тогда со своим товарищем Андреем я возвращался под утро от гостей. Мы были слегка навеселе. Остановились возле Театра юного зрителя (ныне Молодежный академический театр), закурили. Была у нас с Андреем в молодости такая пагубная привычка.

Не поверите, но это было ощущение невероятного счастья. Мы стояли на лестнице возле театра и отчаянно мечтали. Удивительно пьянящий рассвет, неповторимый аромат лета, божественное пение птиц и непостижимая вера в то, что у нас все задуманное получится. Мы были очень уверены в себе, верили в дружбу и наших товарищей, почему-то были убеждены, что свернем горы и любые цели нам по плечу.

«Один за всех — и все за одного» — таков был наш девиз.

Ох уж этот рассвет... Я его запомнил на всю жизнь. Ведь именно тогда я ощутил, что такое счастье — когда любим девушкой, родителями, друзьями, когда есть единомышленники и общие цели, когда вся жизнь впереди.

Минас Георгиевич Багдыков с супругой Галиной Нагапетовной.

Потом подобное чувство я испытал в жизни еще единожды. Но это, правда, другая история. И о ней, возможно, я расскажу в следующий раз.

А тогда я шел с Андреем домой по 23-й линии, вдыхая дурманящий аромат летнего рассвета, и думал: «Боже, сколько же всего интересного еще ждет меня в жизни!»

Дома меня ждала мама.

— Ёрушка, вы с Андреем на время смотрели? Можно так долго гулять? Папа всю ночь не спал, волновался.

— Мама, вы же с папой знаете, что мы с Андреем в гостях были, знаете, у кого. Вот зачем было сидеть и ждать? — возмущался я.

— Деточка, кушать будешь? Ты не голодный? — всегда интересовалась мама. — Тогда хоть поспи пару часов. Вообще не высыпaeшьcя. Вечно тебя куда-то несет...

«Зачем спать, мама? Надо спешить жить», — думал я.

Казалось, все это было вчера. Но с тех пор прошло немало лет. Ушли из жизни родители. Уже не надо никому из них звонить и отчитываться, где ты. А рука почему-то все так и тянется к телефону...

Раньше я спешил жить, а теперь просто страдаю бессонницей. В одну из таких ночей я думал о том, что вместе с мамой ушла безвозвратно и та Нахичевань, которую так сильно любил. Думая об этом, я уснул. И мне вновь приснились строки. Утром я кое-что вспомнил. И записал. Потом подумал, что все неудачно. От начала до конца. В таких ситуациях, как говорится, откладываю написанное в стол. Через какое-то время стал рассуждать иначе. Ведь писал я любящим сердцем, писал от души. И это важно. Речь идет не о великой поэзии, а о чувствах.

После этого решился позвонить моему старшему товарищу, замечательному донскому поэту Сергею Сергеевичу Даштамирову.

Сергей Сергеевич отнесся к написанному с пониманием, внес некоторые свои правки. В результате моих творческих изысканий и ночных бдений у меня получилось несколько вариантов стихотворения. Пока решил поделиться вот этим.

*Шепот ночи, запах лета,
Пряный аромат рассвета,
Буйство красок разнотравья —
Чудо счастья ожидания
И любви, что ярче света —
Ярче вспыхнувшей кометы!
Вновь бодрит меня немножко
Эта лунная дорожка...*

*Я на Дон бегу купаться,
Пенным пивом наслаждаться.
Нет запретов для желаний:
Дом мой здесь — в Нахичевани!
Дом родной мой, сердцу милый,
Ты влечешь с огромной силой.
Снова слышу голос мамы:
На обед зовет. Пора мне!*

*У соседа по дороге
Ей цветов нарву немного.
Пусть пятнадцать мне, пусть сорок —
Для нее всегда ребенок.*

*...Вдруг обрушилось все резко:
Мамы нет за занавеской...
Болью в сердце осознание:
Нет моей Нахичевани.*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАРШЕМ БРАТЕ

Хочу выразить огромную благодарность за издание этой книги моему старшему брату Тиграну. Он оказал мне моральную и материальную помощь, при написании некоторых рассказов был консультантом и помощником.

Мой старший брат Тигран Минасович Багдыков — ростовский врач-эндоскопист, много лет отдавший здравоохранению Ростова и Ростовской области.

По семейному преданию, Тигран очень хотел младшего брата. И все время приставал к родителям с просьбой, чтобы в семье появился именно братик. Он даже не

Тигран Минасович Багдыков.

просил, а требовал. Родители, к счастью, вняли просьбам Тиграна. И так получилось, что я появился на свет в 1971 году. С братом я всегда дружил, несмотря на разницу в возрасте, а он старше меня на восемь лет. Вначале разница в возрасте чувствовалась. В самом деле, ему, скажем, двадцать — а мне двенадцать. Но потом она

стерлась. И он стал мне другом, помощником и советчиком. С годами вообще стали считать, что я старший брат. Слишком уж солидно выгляжу. А Тигран всегда молодежавый, подвижный, оптимистичный.

С Тиграном мы друзья и соратники. Нередко он вдохновляет меня в творчестве, является героем многих моих рассказов. Но главное — Тигран хороший человек и замечательный доктор. А потому не могу не вспомнить врачебную биографию брата.

Тигран Минасович трудился в медсанчасти «Ростсельмаша» (ныне Областная клиническая больница № 2) с 1988 года. До этого он был врачом-хирургом в Аксайской ЦРБ. В нашу больницу (а в ней работаю и я, работал и наш отец, заслуженный врач России Минас Георгиевич Багдыков) вначале Тигран был принят как хирург поликлиники медсанчасти «Ростсельмаша». Затем с 1990 по 1992 год он обучался в ординатуре на кафедре общей хирургии Ростовского государственного медицинского института, работал врачом-хирургом в ЦГБ. С 1992 года — врач-эндоскопист медико-санитарной части «Ростсельмаша». Можно сказать, что со своим учителем Олегом Исааковичем Пакусом он стоял у истоков эндоскопической службы нашей больницы. Сегодня работает в городской поликлинике № 9.

Тигран для меня всегда был и остается не только старшим братом, но и другом, соратником и даже соавтором книг. Мы с братом написали научно-популярные брошюры «Азбука здоровья», «Искусство быть здоровым». Издали краеведческие книги «...И дай место врачу», «Арутюн Халибян», над которыми работали вместе с нашим отцом, заслуженным врачом России и краеведом Минасом Георгиевичем Багдыковым. Также с Тиграном я написал книгу «Испытание судьбой Нагапета

Тигран и Георгий Багдыковы.

Явруяна» о нашем деду, трагически погибшем во время Великой Отечественной войны.

Тигран занимался популяризацией медицинских знаний. Он публиковался в газете «Приазовский край», рассказывал читателям о фитотерапии. На основе этих публикаций издал книгу «Фитотерапия и водолечение в гастроэнтерологии» (Ростов-на-Дону. Приазовский край. 2002). Тираж книги составил пять тысяч экземпляров! Советы Тиграна были очень востребованы.

Тигран Минасович является также автором справочника-монографии по специальности. Приятно, что моего брата оценили. Ему было присвоено звание «Действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (академик МАНЭБ)».

Книга Георгия Багдыкова, посвященная его брату Тиграну.

Приятно также отметить, что еще в девяностые годы прошлого века нашей просветительской работой заинтересовались на ростовском телевидении. Специально к нам домой в Нахичевань приезжала съемочная группа «Дон-ТР» во главе с ведущей Людмилой Квасовой и оператором Эдуардом Кечеджияном. Они сняли небольшой фильм о нашей семье.

Но, пожалуй, самым запоминающимся моментом этого фильма был совет моего брата Тиграна по изготовлению фильтра для водопроводной воды при помощи медицинской ваты. И еще несколько лет после выхода этой программы Людмилы Квасовой ростовские домохозяйки очищали воду, следуя советам Тиграна. Кстати, вода от различных примесей очищалась очень хорошо. Конечно, сегодня, когда почти каждому доступны фильтры для очистки воды, трудно понять, зачем использо-

вать вату. Наверное, этот совет оценит только тот, кто жил в девяностые годы.

Следует сказать, что у моего старшего брата, как и у меня, активная гражданская позиция. Он вместе со мной является членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также членом Российского военно-исторического общества. Конечно, это особо приятно и радостно, когда старший брат не только твой близкий родственник, но еще и соавтор и единомышленник. Яркой иллюстрацией нашей с братом общественной деятельности стала установка памятных знаков, досок и стендов в честь известных людей нашего города и общественно значимых мест. Конечно, всю эту деятельность мы осуществляем с нашими единомышленниками, которых, к счастью, немало. Надеюсь, что наша дружба и сотрудничество с братом будут плодотворными и продлятся долгие годы.

ОБ АВТОРЕ

ФОТОГАЛЕРЕЯ

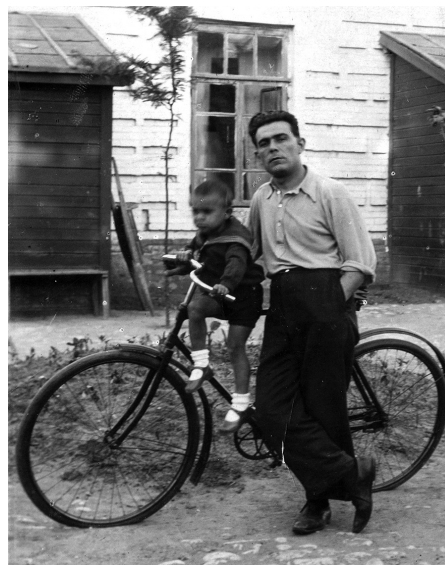
Багдыков Георгий Минасович — врач-уролог, краевед, член Союза писателей Дона, член Союза журналистов России, член Творческого союза художников России (секция искусствоведения).

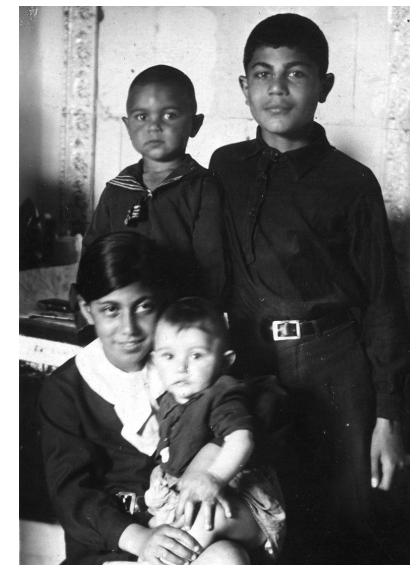
Семья Багдыковых. В центре в первом ряду посередине маленький Минас Багдыков.

Минас с двоюродной сестрой Галиной и братом Костей.

Маленький Минас на велосипеде с папой.

Минас Багдыков с братьями и сестрой.

Минас Георгиевич с сыном Георгием.

Братья Багдыковы. Маленькие Георгий и Тигран с двоюродным братом Константином.

Братья Багдыковы. Георгий, Тигран, Константин Багдыковы с маленьким Кареном.

Семья Багдыковых на Новый год на даче в Чалтыре.

Минас Георгиевич с близкими. В центре известный краевед Яков Борисович Чубаров.

Профессор Хурдаян и Минас Георгиевич.

На концерте Крикора Хурдаяна.

Губернатор Ростовской области В.Ф. Чуб вручает Минасу Георгиевичу государственную награду.

Минас Георгиевич с академиком Бархударяном.

Георгий Багдыков и журналист Александр Оленев.

Минас Георгиевич Багдыков в Музее русско-армянской дружбы.

Георгий Багдыков после награждения памятной медалью «М.С. Шагинян» в кругу друзей. Журналист Александр Оленев, врач и краевед Яков Чубаров, Георгий и Тигран Багдыковы.

Минас Георгиевич Багдыков у картины А.К. Ованесова «Из века в век».

Арутюн Сурмалян и Минас Георгиевич.

Тигран Багдыков, историк, доцент Руслан Тикиджян, Арутюн Сурмалян, Александр Кожин и Георгий Багдыков в Музее русско-армянской дружбы.

На презентации книг Минаса и Георгия Багдыковых в Нахичеванской-на-Дону армянской общине.

*Профессор Авдулов награждает памятной медалью
Георгия Багдыкова.*

*На презентации книги Георгия Багдыкова «Наши ростовчане»
в Музее русско-армянской дружбы.*

*Георгий Багдыков и редактор «RostovGazeta.ru» Григорий
Миронов с совместной книгой «Нахичеванский калейдоскоп».*

*Скульптор Анатолий Скнураин и Георгий Багдыков
в Музее русско-армянской дружбы.*

Сергей Саядов выступает на презентации книг Минаса и Георгия Багдыковых в армянской общине.

Сергей Саядов награждает Минаса Багдыкова благодарственным письмом.

Крикор Хурдаян, Георгий Багдыков, Минас Багдыков, Сергей Саядов и Тигран Багдыков у картины А.К. Ованесова «Из века в век».

Минас Георгиевич Багдыков на даче в Чалтыре.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. МОЙ ПАПА МИНАС БАГДЫКОВ	7
Жизненный путь	8
Крестный церкви Сурб Арутюн	15
Выборы Католикоса всех армян	21
Памятник Иосифу Аргутинскому	24
У истоков газеты «Нахичевань-на-Дону»	28
Шагиняновские чтения	36
Несостоявшийся Союз творческих деятелей донских армян	38
«Мир пришедшим», или Как стать «разводящим» на базаре	40
Картина «Арест Налбандяна»	45
Автограф митрополита	51
Уметь дружить	62
Как отец приобщал меня к спорту	67
«И скальпель, и скрипку держал уверенно в руках...»	70
Дом на 23-й линии	78
Наш домашний музей	84
Поделки Минаса Багдыкова	88
Вклад в медицину	91
«Наши девяностые»	99
Профессор Шорлуян. Учитель и наставник	105
«Донской временник» о Минасе Багдыкове	109
Вклад в краеведение	124
Юрий Песков — особый друг моего отца	138
Семейные застолья	145
Незабываемые встречи	157
Воспоминания Минаса Багдыкова о войне	161

«Дорога в Нор Нахичеван»	176
Михаил Сосин: «Как здорово, что мы друзья с тобой»	178
Профессор Негодаев и Пасха моего детства	182
Встреча с Сарьяном	185
Как начиналось спасение Сурб Хача	189
Мемориальные доски в честь Минаса Багдыкова	201
Глава II. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА	203
Легендарный скрипач Хачумов	204
Вечера классической музыки	207
Несравненная Арабкерцева	208
Музыкальные портреты Мелконова	210
Знарок нахичеванского песенного фольклора	212
Трогательная мужская дружба	213
Музыка может стать молитвой	215
Миллениум с Куцовским	217
Глава III. ОСОБЕННАЯ ЖИЗНЬ ГАЛИНЫ БАГДЫКОВОЙ	219
О маме	220
История одной любви	229
Последний разговор с мамой	234
«Но это будут другие листья!»	238
«Моя награда»	243
«Не забудь!»	250
«Нет моей Нахичевани»	253
Несколько слов о старшем брате	256
Об авторе	262
Фотогалерея	263

ГЕОРГИЙ БАГДЫКОВ

**ЖИЗНЬ,
ПОХОЖАЯ
НА СОН**

Дизайн, верстка В.В. Резвяков
Корректura, редактura Н.С. Лаврентьева

Все фотографии, используемые в книге,
взяты из открытых источников

Отпечатано в типографии ООО «Веда»:
Ростовская обл., г. Таганрог,
Мариупольское шоссе, 71-Е
E-mail: oooadv@mail.ru